

КОМПАС

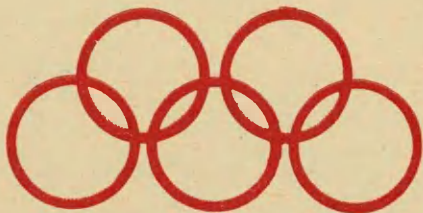
ВЫСОТА

КОМПАС

ВЫСОТА

ИЗ ЖИЗНИ ОЛИМПИЙСКИХ ЧЕМПИОНОВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1980

75.3
В93

Составитель А. С. КОМИССАРОВА

В $\frac{70803-067}{078(02)-80}$ 222—80. 4803010102

Эпицентр спортивных страстей вплотную переместился к Москве — столице игр XXII Олимпиады. Лучшим спортсменам Страны Советов доверено право защищать честь советского флага. Что они взяли с собой, с каким «багажом» пришли на порог Больших Игр? Конечно, сноровка и мастерство, накопленные годами упорных тренировок, конечно, сила характера и воля к победе. Но, кроме всего прочего, они взяли с собой опыт и житейскую мудрость ветеранов-первопроходцев олимпийских трасс...

Анатолий Богданов, Виктор Чукарин, Владимир Куц, Людмила Турищева, Валерий Борзов, Юрий Власов, Ольга Корбут — вот лишь несколько имен олимпийских чемпионов прошлых лет, рассказы о которых вошли в эту книгу.

Что стояло за их спортивным подвигом, какая сила двигала ими в борьбе за высшие спортивные награды, как складывался их путь к победе, какие радости и огорчения были на этом пути? Об этом узнают читатели, а среди них могут оказаться и молодые спортсмены — кандидаты в олимпийцы-84, мальчишки и девчонки, лишь переступившие впервые порог спортивного зала.

Эта книга о нравственной высоте советских спортсменов. Они сражались и сражаются на спортивных аренах не ради личных выгод, а, как это точно выражено в песне «Герои спорта» А. Пахмутовой и Н. Добронравова, «ради красоты спорта, Родины своей ради».

Вот один из них, ставший легендой при жизни, — А. И. Парфенов. За форсирование Днепра получил орден Ленина. Горел в ганке. Еще одна награда за штурм Берлина — орден Отечественной войны I степени. С искалеченными руками вернулся с войны, стал упорно тренироваться. К боевым наградам прибавил спортивную золотую медаль игр XVI Олимпиады.

В книге есть рассказ и о его воспитателе Николае Балбошине, знаменосце советской сборной на играх в Монреале, ставшем там же олимпийским чемпионом. Учитель передал своему ученику черты своего упорного характера, ученик унаследовал их, достойно приняв эстафету.

Да, советские спортсмены впервые появились на Олимпийских играх в Хельсинки в 1952 году и представляли народ-победитель. Известный в мире спортивной науки Нобелевский лауреат англичанин Ноэль Бейкер заявил: «Русские — настоящие олимпийцы. Они вкладывают в борьбу всю спортивную, для них победа приобретает особый смысл потому, что — по всему видно — она нужна не только тому или иному участнику, который находится на дистанции, но и прежде всего нужна его стране, его народу. Этот дух выступления русских не уловить нельзя».

В книге маленьких рассказов о больших спортсменах проходят участники всех Олимпиад — зимних и летних — с первой, где мы впервые участвовали (1952 г.) и до последней в Монреале в 1976 году. В ней четко проводится мысль о преемственности нравственной и духовной силы советских спортсменов разных поколений. А форма этих коротких рассказов делает книгу динамичной и весьма поучительной для подростков.

А. ВАЛИАХМЕТОВ, начальник Управления пропаганды Спорткомитета СССР

1952

ХЕЛЬСИНКИ

Человеку, знакомому с большим спортом, факты из биографии выдающегося советского гимнаста Виктора Чукарина непременно покажутся не то что удивительными, а прямо-таки невероятными.

Судите сами: мастером спорта он стал в 21 год. Затем в его спортивных занятиях наступил долгий перерыв — Великая Отечественная война. На гимнастический помост Чукарин вновь вышел в 28 лет после...

Впрочем, обо всем по порядку. Отец Виктора, Иван Чукарин — казак из станицы Вешенской, так хорошо нам знакомой по произведениям Шолохова. И это, пожалуй, единственное, о чем Виктор Иванович, наискромнейший человек, говорит с гордостью: «Вы знаете, по какой дороге Щукарь гнал свою кобылу? Ту, цыганскую, надутую? По Чукаринской! Так ее все зовут».

Иван Чукарин был из беднейшего казачества. После гражданской войны в родные края он не вернулся, а остался работать в приморском портовом городе Мариуполе. Здесь и женился на гречанке Христине, потом пошли дети: Павел, Виктор, Людмила. Хорошая была семья, дружная, работающая. Добрые соседи жили рядом — русские, украинцы, греки, армяне.

— Полный интернационал был, — с улыбкой вспоминает Чукарин.

В такую «интернациональную» школу, а вообще-то в обычную школу № 10, поступил учиться Витя. В сборной команде школы стал играть в футбол.

А затем наступил один прекрасный день — городской спортивный праздник, — когда перед началом футбольного матча Виктор увидел массовые гимнастические выступления, и они поразили его.

Домой со стадиона он примчался бегом и тут же принялся с друзьями устанавливать во дворе турник: два врытых в землю столба, поперек отчищенная до блеска металлическая труба.

— Ну и что здесь удивительного? — спросит иной молодой читатель. — Слыхали. Читали. Да, были трудности, их преодолевали.

Нет, пока особых трудностей в жизни Чукарина не было. Было счастливое детство. Школа. Спортивный кружок. Вечера самодеятельности. А рядом рос, поднимался родной город. На всю страну вместе с именами Стаханова, Кривоноса, Бусыгина гремело имя Макара Мазая, мариупольского сталевара. Наука побеждать, искать, добиваться намеченной цели каждодневно входила в жизнь пионеров.

После семилетки пришла пора всерьез задуматься: кем быть? Идти ли на завод, как многие его сверстники? Поступить в металлургический техникум, как настойчиво советовали дома?..

Виктор принял свое решение — стать таким учителем, каким был его школьный учитель физкультуры Виталий Поликарпович Попович, и уехал в Киев поступать в физкультурный техникум.

Снова ничего необычного. Чукарин упорно учился и за партой, и в спортивном зале. Для тренировок выкраивал время и ранними утрами и вечерами и вскоре стал гимнастом, на которого обратили внимание в горо-

де, а Киев всегда был крупным гимнастическим центром. Сам Аджат Ибадулаев, абсолютный чемпион страны, предложил ему тренироваться вместе. И ко дню окончания техникума, весной 1941 года, Виктор Чукарин выполнил норматив мастера спорта.

Теперь, с дипломом в кармане, с удостоверением мастера спорта, он с волнением ждал дня, когда придет педагогом в школу. Нужно было дожидаться 1 сентября.

Но все планы нарушила война. С первых же дней Чукарин в артиллерийских войсках. Трудными дорогами отступления пришлось пройти и ему. Каждый снаряд, каждый патрон на вес золота. Да что там золота... Жизни.

Одно орудие осталось от батарей. Отходили с ним от берегов Днепра на Полтавщину. А здесь артиллеристы стали пехотинцами: кончились снаряды и пришлось взяться за карабины. В одной из рукопашных схваток, когда штыковой атакой батарейцы пытались прорваться к своим, Чукарин попал в плен. Шел сентябрь сорок первого.

Четыре года провел Чукарин в гитлеровских концентрационных лагерях. Последний — за колючей проволокой на берегу Северного моря, близ портового города Зандбостель, куда гоняли пленных грузить уголь на пароходы. В мае 1945 года фашисты загнали узников в баржи и повезли в открытое море. Топить.

Обреченный караван перехватили английские катера-охотники. И снова лагерь, уже в английской зоне: для так называемых репатриантов. И наконец Чукарин передал советскому командованию. Вернее, советским военным врачам. Этот изможденный человек превратился в скелет, с госпитальной койки он поднимался с трудом.

«Тридцать четыре килограмма — вот и весь богатырь, — вспоминает теперь Виктор Чукарин. — Дунь — и нету. Совсем не было сил».

Только уточним, читатель: физических сил. А сила его духа достойна преклонения.

7 ноября 1945 года стало двойным праздником для Чукарина. Годовщина Великого Октября и день возвращения домой. День безмерной радости и горьких материнских слез: Христина Клементьевна не узнала сына. Только нащупав на его голове шрам, который остался с той далекой детской поры, когда Витя упал со стога сена, она глухо воскликнула: «Сынок!» — и зашла в рыданиях.

А после праздников будни. Трудовые будни Мариуполя, восстающего из руин. Чукарина назначили инструктором физкультуры на металлургический завод. Новые неожиданные проблемы возникли перед ним: где найти помещение для тренировок? Ведь наступила промозглая приморская зима; где достать хоть простейший инвентарь? Как обучать изголодавшихся, занятых на многочасовых рабочих вахтах молодых людей?..

По 15—16 часов в сутки работал Чукарин в утреннюю и вечернюю смены. Точнее говоря, с молодыми рабочими разных смен. Вместе оборудовали в полуразрушенной бане спортивный зал. Перекладину, брусья, коня, не говоря уж о кольцах, сделали сами. В футбол и волейбол, оказалось, можно играть и на снегу.

Порою звенело в ушах, от слабости кружилась голова. Чукарин был непреклонен. И вновь выкраивал время для своих тренировок: надо было восстанавливать, подтвердить свое звание мастера спорта. А еще мечтал Виктор о дальнейшей учебе. И осенью сорок шестого вновь покинул родной город — уехал во Львов поступать в институт физической культуры.

В 1948 году на помосте чемпионата страны появился новый гимнаст — 28-летний Виктор Чукарин. Лишь немногие могли признать в нем того молодого мастера спорта, который успешно выступал в Киеве еще перед войной. Но обратили внимание на него все. Этот уже

немолодой спортсмен отличался редчайшей собранностью, выдержкой, упорством. Высокого места он не занял, но было ясно: отдельные срывы, погрешности в комбинациях — дело временное.

Чукарину предлагают переехать в столичные города, вступить в именитые спортивные коллективы. Но студент Чукарин возвращается в свой институт, упорно учится и тренируется. В 1950 году Чукарин становится абсолютным чемпионом СССР. И в том же году вступает в Коммунистическую партию.

Здесь, собственно говоря, самое время перейти к списку побед Виктора Чукарина. Он капитан сборной СССР, постоянный участник международных турниров. С блеском выступает Чукарин на первых для советских спортсменов XV Олимпийских играх в Хельсинки. Золотые медали за абсолютное первенство, за прыжок. Серебряные — за упражнения на брусьях и кольцах. К нему пришла мировая слава.

Пришла и как бы ничуть не коснулась его. Он все такой же скромный, немногословный. Но стоит ему выйти на спортивный помост, и тысячи глаз, объективы киноаппаратов устремляются на спортсмена. Дело даже не в том, что он делает очень сложные упражнения, а в том, как делает, — вот что главное. Ни один мускул не дрогнет на лице. Ни одного лишнего движения. Никаких признаков неудовольствия, если кто-то из судей явно занизит оценку. Высокое чувство собственного достоинства, благорасположение к коллегам по спорту, признательность зрителям всегда отличают этого выдающегося спортсмена.

Судьба приготовила ему нелегкие испытания и на гимнастическом помосте: идти первым, когда наш спорт только-только утверждался на мировой арене и многие зарубежные специалисты пытались эдак снисходительно похлопывать советских чемпионов по плечу, беззастенчиво осаживать их: дескать, куда это вы? Рано еще.

Нужно было быть выше соперников на голову, на две головы, чтобы уверенно идти к пьедесталу почета. И Чукарин шел. Даже тогда, когда это, казалось бы, становилось совершенно невозможным.

Вывих большого пальца не очень серьезная травма с точки зрения медицины. Но если это случается на чемпионате мира по гимнастике, когда впереди десятки, сотни виртуозных перелетов с жерди на жердь брусьев, над перекладиной, опорные прыжки, стойки в вольных упражнениях? А именно такое случилось с Чукариным в Риме в 1954 году. Он и бровью не повел. Товарищам сказал, но ни судьи, ни соперники, ни зрители ничего не узнали о вывихе. Абсолютным чемпионом мира стал Чукарин, и можно себе представить, как бы выступил он, если бы не травма. Но и то, что он сделал, было изумительно. А потом новая блистательная победа на Олимпиаде 1956 года в Мельбурне. Последняя на гимнастическом помосте. Одержав ее, Чукарин закончил свои спортивные выступления.

Это, конечно, удивительно: в 28 лет после жестоких испытаний военных лет войти в большой спорт, достичь высочайшего мастерства и продержаться на недостижимом уровне до 36 лет. Это, конечно, удивительно — не знать срывов, спадов на всем своем спортивном пути.

Но спорт Чукарин не оставил: он занялся научной работой в области спорта. И новый подъем: аспирантура, затем преподавательская работа. Ныне Виктор Иванович Чукарин — доцент, заведующий кафедрой гимнастики в том самом львовском институте, куда поступил на первый курс в 1946 году.

Объяснение его трудным победам можно найти, они закономерны: глубокое сознание своей ответственности — вот что всегда отличало и отличает Чукарина. Солдата. Спортсмена. Ученого. Кавалера ордена Ленина. Коммуниста.

В. Пашигин

ДОБРОТА

Мне часто приходят на ум слова Эйзенштейна. Он говорил своим ученикам-кинорежиссерам, что надо отдавать нынешней работе все, что есть за душой и в голове, отдавать без остатка, тогда добьешься больших результатов.

Таким качеством обладала Нина Думбадзе. Ее помнят любители легкой атлетики и сегодня, хотя и прошло со времени расцвета ее спортивной славы почти тридцать лет. Неоднократная чемпионка страны, она первая отправила диск на 50-метровую отметку. И долго никто не мог даже приблизиться к ее результату.

Делегация на Олимпийские игры в Хельсинки формировалась очень продуманно и старательно. В команду легкоатлетов вошла, конечно, и Нина Думбадзе. Но еще в нее включили молодую и малоизвестную дискболку Нину Ромашкову-Пономареву. Много спорили из-за нее тренеры, потому что ее выступления на соревнованиях не всегда были удачными. Но она была, несомненно, талантлива, и только ее результаты были самыми близкими к рекордам Нины Думбадзе.

Нина Ромашкова-Пономарева все-таки поехала в Хельсинки на первую в истории нашего спорта Олимпиаду. Пугала ли ответственность, которая свалилась на ее плечи? Конечно! Тем более что соревнования по метанию диска были в самом начале программы.

Отборочные броски проходили утром. Стадион в это время был полупустым, зрителей мало интересовали выступления спортсменов-среднячков. Ведь не все уложатся в контрольный результат, не всем бороться вечером того же дня за олимпийские призы.

И вот в то утро Нине Ромашковой-Пономаревой не везло. Она едва не вылетела с отборочных соревнований. Ее диск чуть было не оказался за пределами контрольной отметки.

Наступил вечер. У сектора для метания диска собрались сильнейшие дискоболки мира. И среди них Ромашкова-Пономарева. Тренер Дмитрий Петрович Марков не отходил от спортсменки. Старался успокоить. Он верил в свою воспитанницу.

Объявлена попытка Нины. Тренер подошел к ней, коснулся ее плеча, подтолкнул к сектору, шепнул напутствие. Нина шагнула в центр, постояла, опустив голову, собираясь с духом и силами. Потом притерла ладонь к диску, примостила ее на нем, отвела руку далеко за спину и... резко выбросила вперед.

Объявили результат: «Пятьдесят один метр сорок восемь сантиметров».

Это олимпийский рекорд. Победа! Первая золотая олимпийская медаль среди всех олимпийских медалей советских спортсменов. Нина Ромашкова-Пономарева открыла золотой счет.

Первое поздравление было скромным, но очень дорогим для олимпийской чемпионки. Подруги по команде подарили ей букет цветов, олимпийский флаг и написали письмо, в котором благодарили Нину за победу, именно благодарили.

А сама Нина не могла еще поверить в эту победу. Ведь она чуть было не провалилась на отборочных! И, честно признаться, растерялась. А к вечеру, ко времени финала, ее охватил страх.

Вдохновение — это тоже стрессовое состояние. Накал страстей, дыхнувший на Нину с трибун, вызвал в ответ огромное волнение. Когда она ступила в круг, то ощутила необычную легкость: легкими стали руки, легким стал диск, ноги будто едва касались земли. И, если бы не спокойная рука тренера, тронувшая ее плечо, у нее, быть может, закружилась бы голова от свержновения... К счастью, этого не произошло. Нина спокойно отвела руку за спину и... резко метнула диск!

Говорят, плох тот спортсмен, который не мечтает стать чемпионом.

Нина никак не рассчитывала открыть счет золотым медалям советских олимпийцев. Но хорошо выступить надеялась, мечтала достичь 50-метровой отметки.

И когда дикторы объявили ее результат, трибуны взорвались овацией, которые были адресованы советской спортсменке.

Долго была Нина Ромашкова-Пономарева недосягаемой, как Нина Думбадзе.

В Мельбурне олимпийской чемпионкой стала опять Нина Пономарева. Чуть не весь мир объехала олимпийская чемпионка, трибуны стадионов почти всех европейских столиц встречали и провожали ее овацией.

И вот Токио, 1964 год. Среди дискоболок, претендовавших на победу, Тамара Пресс. Это настоящая соперница многократной чемпионки и рекордсменки Нины Пономаревой.

Тамара Пресс повела наступление на олимпийскую чемпионку куда более решительно, чем когда-то Нина на свою предшественницу Нину Думбадзе. И Пономарева вдруг поняла, что не выдержит натиска соперницы, что Пресс может дать спорту больше, чем дала она сама.

В финал вышли обе метательницы. Первая попытка Тамары Пресс, вторая... Броски не шли!

Нина ясно видела со стороны, что Тамара то запаздывала с броском, то, наоборот, торопилась. Она подошла к Пресс и сказала:

— Я встану вон там... Когда увидишь меня, тогда и бросай — не раньше и не позже!

Тамара удивленно глянула на соперницу, но согласнo кивнула. Последовала ее совету.

И стала олимпийской чемпионкой!

Спросите у Тамары Пресс сегодня, и она вам скажет: «Если бы не Нина Пономарева, неизвестно, победила ли бы я тогда в Токио».

А Нина Пономарева вернулась из Токио и ушла из спорта. Перешла на тренерскую работу. Сначала работала в спортклубе ЦСКА, а когда познала педагогический труд, поверила в свой тренерский дар, уехала в Киев, стала директором школы-интерната со спортивным уклоном. Сын Нины Аполлоновны Пономаревой — Александр занимается фехтованием. Он любит этот спорт и отдает ему всего себя, как когда-то мать. На Спартакиаде народов СССР 1979 года он стал призером в фехтовании на шпагах.

Не один десяток выпускников школы-интерната, где директором Нина Пономарева,полнили сборные команды Украины. И как знать, может, некоторые из них завоюют золото на Олимпийских играх в Москве?!

Е. Семенова

«ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ» БОГДАНОВ

О стрелке Анатолии Богданове написано немало статей. Много говорили о каком-то особом зрении спортсмена. Его называли «феноменальным стрелком».

Богданов действительно удивлял своими результатами. Двадцати лет в 1952 году он установил олимпийский рекорд на стрельбище Мальми близ Хельсинки — 1123 очка из боевой произвольной винтовки из 1200 возможных! В это время теоретики стрелкового спорта обсуждали вопрос, возможен ли результат 1130 очков.

Богданов дал ответ очень скоро: выбил 1143. Затем 1149. Это было уже в следующем, 1953 году. А еще через год на первенстве мира в Каракасе он один завоевал больше золотых медалей, чем все остальные спортсмены нашей команды, вместе взятые. А команда была первой, с большим отрывом от других, и в ней еще четыре чемпиона мира.

Обозреватель одной из швейцарских спортивных газет, а в Швейцарии стрелковый спорт очень популярен, вообще предлагал, оценивая шансы стрелков, не принимать во внимание результаты «феномена» Богданова.

Подобных высказываний было немало. Журналисты писали, что этот спортсмен выделяется среди остальных. Но чем, не могли определить и говорили весьма невнятно; мол, особенные глаза, особенный прицел и вообще одно слово — феномен.

А особенное действительно было...

Анатолий Богданов — сирота. Родителей своих не знает. Фамилию ему дали старушки, подобравшие мальчика в вагоне поезда. Имя свое он помнил — Толя. Отчество ему дали обычное, русское — Иванович. День рождения? — 1 января. На вид малышу было года два и в метрику записали 1932 год рождения.

Очевидно, он осиротел из-за какой-то трагедии и попал в детский дом. В сентябре 1940 года пошел в школу...

А в 1941 году началась война.

Детский дом, где воспитывался Толя Богданов, находился под Ленинградом. Детей эвакуировали, и надо же было случиться такому — на станции во время бомбежки Толя потерялся. Эшелон с детьми ушел, а Толя остался в городе.

И началась новая удивительная страница в жизни мальчика: в блокированном, умирающем от голода Ле-

нинграде он не пропал. Его взяли к себе защитники Балтики, моряки торпедных катеров.

Конечно, на боевые задания Толя не ходил. Но юнга Богданов жил среди воинов, ему поручали посильную работу: точить карандаши в штабе, делать небольшие чертежные работы. Он был постоянным помощником дневальных.

Шесть часов — ни минутой больше, но и ни минутой меньше — продолжался трудовой день мальчика. Потом он учился — с ним занимались офицеры. А свободные часы он проводил в музыкальном взводе. Бойцы учили его музыкальной грамоте, игре на трубе и барабане.

Лихим барабанщиком и трубачом стал юнга. Особенно полюбился ему тромбон. И настолько, что он во сне и наяву видел, когда со своим тромбоном придет в Большой театр. Только так — в Большой! О другом он и думать не хотел.

Всю войну провел Толя Богданов среди защитников Ленинграда. А в 1947 году, когда ему исполнилось пятнадцать лет, его «списали» на берег — направили в Ленинградское ремесленное училище электрослесарей. Руководителем спортивного коллектива там был демобилизованный офицер, он и поручил Богданову как «бывшему военному моряку» возглавить стрелковый кружок.

Надо сказать, что Богданов до этого не стрелял ни разу, оружия в руки боевые моряки ему не давали. Но отказываться от порученного дела Анатолий не привык.

Аккуратность, точность — решающие качества в стрелковом спорте. Анатолий обладал и тем и другим. Всегда считалось, что успеха на огневом рубеже в таких долгих, трудных упражнениях, как стрельба из боевой произвольной винтовки, добиваются люди зрело-

го возраста, умудренные житейским опытом. Но Богданов смело мог потягаться с любым в выдержке и хладнокровии. Так он был воспитан, такую суровую жизненную школу он прошел с детских лет. И успехи его оказались ошеломляющими.

Анатолий для каждого своего выступления составлял определенный план, намечал количество очков, которые должен выбить. Это не было принято в стрелковом спорте. Считалось: надо метко стрелять, а какая сложится сумма — зачем заранее голову ломать и зря нервничать? Стрелки шли на рекорд, не думая о нем. Выйдет — хорошо, не выйдет — ничего не поделаешь...

Богданов на тренировках разрабатывал свою методику: выстрел у зеркала без патрона, чтобы проверить колебания ствола, темповую стрельбу, когда выстрел следует за выстрелом через определенные промежутки времени.

И результаты были налицо. Победа за победой!

У меня дома хранится золотая медаль рекордсмена СССР по стрельбе из боевой винтовки с колена. Это подарок Богданова...

В 1955 году в газете «Советский спорт» я написал отчет «Если взять в руки секундомер», в котором дал хронометраж стрельбы Богданова. О стрельбе и секундах раньше не писали.

Статью прочитал Богданов, пришел ко мне, просмотрел цифры в блокноте. Сделал записи.

— Знаешь, а ведь здесь что-то есть... Определенно есть!

А через некоторое время после тренировок и выработки своего темпа, который я только наметил в статье по наиболее удачным попаданиям Богданова, Анатолий снова пришел ко мне и подарил медаль.

Я журналист, а не стрелок, и никаких моих заслуг

в успехах Анатолия нет. А рассказал я об этом эпизоде потому, что, думаю, характер этого человека станет понятнее. Он всегда готов учиться, всегда доброжелателен.

Долгие годы офицер Советской Армии Анатолий Иванович Богданов воспитывал военную молодежь. Он окончил философский факультет Военно-политической академии и читал в военном училище курс научно-го коммунизма.

Сегодня Анатолий Иванович в отставке. Но по-прежнему работает с молодыми. Учит спортивному мастерству, учит технике стрельбы. Только... не из винтовки. Богданов одним из первых у нас в стране разработал методику стрельбы из лука. И то, что среди наших известных лучников есть чемпионы мира, заслуга Анатолия Богданова, «феноменального стрелка». О себе он сказал однажды так: «Феноменально» во мне лишь то, что я родился и живу в Советской стране».

В. Пашинин

О СЛАВЕ РОДА

В первые годы XX века на подмостках провинциальных цирков устраивали свои чемпионаты борцы-профессионалы. Было в этих турнирах немало темных закулисных сделок, но свою положительную роль они сыграли. Много талантливых борцов проявило свою недюжинную силу на ковре профессиональных чемпионатов.

В историю спорта на долгие годы вошли имена казака Ивана Поддубного, волжского грузчика Ивана Заикина, подмосковного крестьянина Ивана Шемякина и целого ряда других прославленных российских борцов. Но выдающиеся атлеты жили не только в России.

В Грузии гремело имя богатыря Александра Канделакки, славился своим борцовским искусством Михаил Мачабели, подлинный мастер ковра.

Спортивная биография этого атлета была весьма интересной. Учащийся Кутаисской гимназии, он начал заниматься борьбой тайком от родителей. Однако так долго продолжаться не могло. Одаренный юноша быстро прогрессировал в спорте, равных по силе среди ближайших сверстников ему не находилось, и он начал выступать в небольших чемпионатах цирковой борьбы.

Увлечение Миши повлекло за собой гнев его чопорных родителей:

— Ты позоришь фамилию Цимакуридзе! Выбирай: или дом, или борьба! — заявил ему отец.

Миша выбрал борьбу. Нашелся богатый дворянин-меценат, который поддержал увлечение юноши. И тот стал носить его фамилию — Мачабели.

Шли годы. Новая жизнь пришла в Советскую Грузию, но по-прежнему выступал на борцовском ковре под именем Мачабели Михаил Цимакуридзе.

Тем временем подрастал сын Михаила Мачабели — Давид. Юноша унаследовал от отца большую силу и спортивный талант, он тоже увлекся борьбой, но ему уже не надо было скрывать свою подлинную фамилию, и спустя многие годы, в 1945 году, в списке сильнейших богатырей нашей Родины наконец появилась фамилия Цимакуридзе. Двадцатилетний Давид стал победителем Первого всесоюзного чемпионата по вольной борьбе. На протяжении ряда лет он уверенно сохранял за собой звание сильнейшего в среднем весе. Ему было доверено защищать спортивную честь Советского Союза на Олимпиаде в Хельсинки.

Высоким мастерством владел Давид. Но не было у него еще опыта турнирного бойца, горячо и неосмотрительно начал он первую схватку против шведского бор-

ца. Три штрафных очка вписали ему в турнирную таблицу, а встреч впереди было еще много. И теперь даже два выигрыша по баллам не устраивали его: нужно было побеждать чисто!

— Все равно буду бороться за первое место! — упрямо сказал Цимакуридзе. — Только за первое!

Что и говорить, задача была не из легких. Но все-таки Давид вышел в финал.

Четверо сильнейших — Цимакуридзе, немец Г. Гоке, венгр Д. Гурич и иранец Г. Тахти — имели равные шансы на победу. Распределение призовых мест зависело от исхода схваток между ними.

Цимакуридзе отлично провел встречу против Дьюлы Гурича. Венгерскому борцу ценой невероятных усилий удалось дотянуть до гонга. На следующую встречу он не явился...

Последний поединок для Цимакуридзе был самым трудным: против него выступал выдающийся иранский силач Голамрез Тахти. Этот атлет был не только вынослив, но и великолепно владел техническими приемами. Подавляющее большинство схваток он закончил чистой победой и, по мнению многих, был наиболее вероятным претендентом на звание чемпиона. Его путь к решающему поединку был победоносным, а потому и вдохновляющим, придающим силу и смелость.

Цимакуридзе пришел к финалу нелегким путем. Огромного напряжения физических и моральных сил стоила ему каждая встреча.

...Тахти не торопился. Стоя в углу ковра, Давид с удивлением смотрел, как иранец повернулся спиной к зрительному залу, упал на колени и стал шептать слова молитвы. Долго взывал он к аллаху с просьбой ниспослать победу, и, глядя на молящегося иранца, Давид понял, что он сильнее соперника, что не вера в слепой случай, а воля друзей и товарищей, которые молча стоя-

ли неподалеку от ковра, помогут ему в трудном поединке.

Эту схватку советский борец выиграл. Золотая медаль была завоевана. Сын грузинского мочидове, вынужденного из-за своего увлечения спортом оставить родной дом, стал всемирно известным борцом, чемпионом Олимпийских игр.

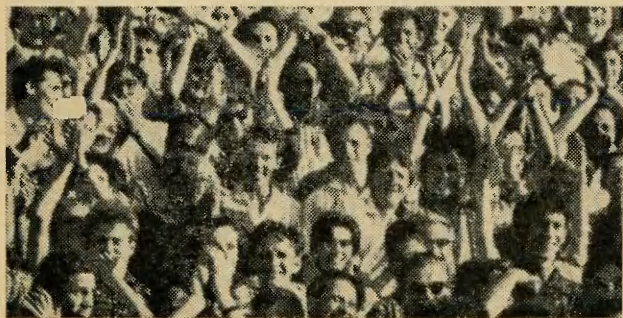
В. Пашина

1956

КОРТИНА
Д'АМПЕЦЦО
МЕЛЬБУРН

Это произошло в шведском городке Эстерсунде вскоре после блестящей победы призера Олимпийских игр, неоднократно чемпиона мира по скоростному бегу на коньках Олега Гончаренко на первенстве Европы 1957 года в норвежской столице и за два дня до первенства мира.

Чемпион сидел в холле гостиницы и подписывал целый ворох открыток для любителей автографов.

Хозяин отеля — как большинство шведов, страстный любитель конькобежного спорта — был равнодушен и к русскому чемпиону. Он сидел тут же, без умолку болтая для большей доходчивости сразу на нескольких языках, в том числе и немного на русском. Истинный болельщик, он вспомнил всех знаменитейших скороходов прошлого, поражая Олега своей осведомленностью. Около хозяина гостиницы лежал его любимый пес, боксер Шири, добрейшее существо со свирепой мордой.

Хозяин гостиницы подарил Гончаренко большую плитку шоколада. Олег съел несколько кусочков, остальное же скормил Шири. Тот очень забавно облизывался после каждой порции.

В тот сезон Олег был в отличной форме. Ни один из знатоков конькобежного спорта не сомневал-

ся, что эта зима «гончаренковская» и что первенство мира будет, по существу, соревнованием за серебряную и бронзовую медали. Золотую же безоговорочно пророчили Гончаренко.

Сам Олег тоже не сомневался в себе, и его беспокоила только мысль о товарищах. Ведь на европейском чемпионате ближайший из его коллег по команде оказался на... шестом месте. Неужели снова ему в одиночку придется бороться с сильнейшими зарубежными спортсменами?

Часов в пять утра Олег проснулся от страшных болей в желудке. Тело покрылось холодным потом. Олег попытался встать. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Началась рвота. Было ясно — тяжелейшее отравление!

Прибежал врач команды, но от его лекарств не стало легче. Тогда он стал давать спортсмену «львиные» дозы биомидина: по три-четыре таблетки на прием. Ничто не помогало.

А тем временем по гостинице бегал хозяин, взволнованный тем, что Шири, любимая его собака, едва жива, умирает.

— Что ваш Шири! — с досадой сказали ему наши спортсмены. — У нас Гончаренко умирает, и ничего сделать не можем.

— О-о-о! Гончаруэнко?! — ужаснулся хозяин отеля. — Это шокола-ад!

Только к вечеру Олегу стало немного лучше. Но на следующий день старт. Когда утром Гончаренко встал на весы, не хватало более трех килограммов веса. Веса «боевого», нужного! Во время соревнований дорог каждый килограмм. В результате болезни у Гончаренко появилась страшная слабость. Сказывались и большие дозы антибиотиков, принятых за эти мучительные сутки.

И все ж Олег вышел на старт. Он потом рассказы-

вал: дрожали и подгибались ноги, но он твердо решил бороться.

Каковы же были его радость и удивление, когда, пробежав пятисотку, он узнал, что установил личный рекорд — 43,1!

Но чудес не бывает. Болезнь дала о себе знать на следующей дистанции. На его коронной «пятерке».

В паре с Олегом бежал норвежский стайер Хаугли. Он сразу задал сильный и ровный темп, и Олег старался не отставать от него. Но чего стоил ему даже этот ровный темп норвежца! Перед глазами то и дело начинали плыть туманные круги, застилавшие беговую дорожку. Скорость падала, и напарник по забегу уходил все дальше. Тогда Олег, собрав все свои силы, сокращал разрыв. Но снова наступала слабость, и Хаугли скрывался за поворотом.

Никто бы не упрекнул Олега, если бы в этой ситуации он отказался от борьбы. После того, что перенес Гончаренко, не всякий спортсмен вообще пришел бы на стадион.

Но Олег с детских лет воспитывал в себе целеустремленность и мужество. Все это вошло в сознание Олега, стало чертами характера, и чем тяжелей приходилось ему, тем с большим упорством вступал он в борьбу.

Именно из-за этой внешне незаметной, мягкой настойчивости товарищи считали, что «у Олега нет нервов». Просто он умел ими владеть. И его настойчивость, умение бороться до конца в любых условиях вдохновили товарищей. Когда им стало ясно, что Гончаренко уже не сможет пробежать так, как готовился, каждый начал настраивать себя на то, чтобы заменить своего лидера. И Шилков и Цыбин — его товарищи по команде — словно обрели второе дыхание. С небывалым упорством боролись за каждую долю секунды, чувствуя какие-то им самим неведомые резервы силы.

Звание чемпиона досталось норвежцу Юханессену.

Но два Бориса — Шилков и Цыбин — завоевали серебро и бронзу. Для зарубежных обозревателей и тренеров это было второй сенсацией после подвига Гончаренко, который все же сумел занять следующее место после призеров. Ведь всего две недели назад ни Шилков, ни Цыбин не считались серьезными конкурентами, и вдруг новость — серебряный и бронзовый призеры!

И никто из иностранцев, конечно же, не подумал, что главным для двух Борисов было героическое поведение Олега, а для него самого святое чувство долга перед командой и страной. То самое чувство, которое помогло ему завоевать золотые и серебряные медали на мировых и европейских первенствах и дважды стать олимпийским призером.

В. Дайреджиев

ЕДИНСТВЕННАЯ

...Зима 1956 года в Альпах выдалась на редкость бесснежной, что доставило много дополнительных хлопот организаторам зимних Олимпийских игр. В Кортине д'Ампеццо для подготовки трасс горнолыжных состязаний снег приходилось привозить издалека, с высоких перевалов, и экономно укладывать на скалистом склоне. Но наступал день, и под палящими лучами горного солнца тонкий покров быстро подтаивал и повсюду темнели проталины. Нужно было обладать поистине отчаянной храбростью, чтобы решиться на спуск по такой трассе. При падении травмы были неизбежны, но отступать было некуда: до олимпийских стартов оставались считанные часы возможных тренировок. Несколько знаменитых слаломистов получили тяжелые увечья. Не повезло и москвичке Евгении Сидоровой: она упала, несколько раз перевернулась и ударилась плечом о камень. К вечеру рука распухла так, что за ужином она не могла держать

ложку, и тогда руководители советской команды решили аннулировать заявку Сидоровой на соревнования.

Всю ночь спортсменка не могла заснуть от ноющей боли, от горестных раздумий и воспоминаний...

Ее спортивный путь начался в декабре 1945 года, когда в школьном спортивном зале появился красочный плакат с изображением мчавшегося по склону лыжника. А под ним приглашение на Ленинские горы желающих заниматься горнолыжным спортом в секции «Динамо».

Тренер Владимир Нагорный был очень внимателен к новичкам, но и требователен изрядно. Не терпел разгильдяйства, озорства, а тем более пропуска занятий без уважительных причин.

Немало «новобранцев», не выдержав строгой дисциплины и трудностей тренировок, перестали ходить на занятия. А у Жени был твердый характер: трудности вызвали лишь страстное желание их преодолеть. Как было радостно сознавать, что ты осилила то, что поначалу казалось невозможным, как радостно было, поборов страх, промчатся вниз по извилистой «змейке» сквозь «ворота»!

Женя полюбила горнолыжный спорт, довольно легко освоила тонкости техники слалома и в конце сезона первенствовала среди сверстниц на московских и все-союзных соревнованиях. А год спустя, в 15 лет, выиграла все соревнования среди взрослых и стала чемпионкой СССР! С тех пор она не уступала союзного первенства, однако на международных состязаниях обнаружилось, что она значительно отстает от зарубежных спортсменок. Техника слалома у нее была ничуть не хуже, но уступала она по количеству тренировочных километров, потому что в первое десятилетие после войны в СССР еще не было ни одного горнолыжного подъемника. И Жене вспомнилось, как перед каждым спуском приходилось карабкаться вверх по склону. А чтобы добраться до стар-

та гигантского слалома или скоростного спуска, требовался чуть ли не час! Ее же зарубежные соперницы на это не тратили ни сил, ни времени — в их странах имелось достаточное число подъемников, и оттого эффективность их тренировок была во много раз выше.

В 1954 году в нашей стране начали действовать два подъемника: один в Бакуриани, другой в Алма-Ате, в урочище Чимбулак. И это не замедлило сказаться: на международных турнирах Женя с подругами начали «наступать на пятки» зарубежным мастерам. Тогда Нагорный и поставил перед ней задачу готовиться к борьбе за первенство на зимних Олимпийских играх! И убедил в реальности столь дерзновенного плана, демонстрируя кинограммы выступлений сильнейших слаломистов мира и сравнивая с ее кинограммами. Разница была незначительной, но главное, ей стало ясно, за счет чего можно повысить скорость спуска. Она поверила, что добьется успеха на играх, и приехала в Кортину д'Ампеццо отлично подготовленной. Никогда еще прежде она не мчалась с такой ловкостью и скоростью по головокружительным кручам. И вдруг травма! Неужто не придется выступать?

От досады хотелось заплакать, но она не дала волю слезам и твердо решила: выступать, непременно выступать. О своем решении она сказала утром врачу Владимиру Преображенскому, который одновременно был одним из тренеров команды. Ему, конечно, очень хотелось увидеть на трассе олимпийских состязаний свою подопечную, с ее выступлением все связывали большие надежды. Она, как никто другой в команде СССР, была готова оспаривать первенство, а новокаиновая блокада разбитого плеча могла снять боль на время выступления. Так размышлял Преображенский-тренер, но тут же сомнения одолевали Преображенского-врача. Конечно, блокада снимет боль, однако при такой травме возможно

нарушение работы ушибленных мышц. Он придиричиво ощупывал связки, поднимал и опускал больную руку, но Женя, закусив губы, ни разу не вскрикнула, ни разу не вздрогнула. Ее терпение и покорило врача. Еще раз обсудив ситуацию, решили рискнуть... И вот наступил день самого тяжелого испытания в жизни Жени. Она не могла зашнуровать лыжные ботинки — помогли подружки, не могла зажать в руке лыжную палку — ее прикрепили ремнем к запястью, и Сидорова вышла на старт слалома-гиганта. Оказалось, что укол новокаина помог ненадолго, и, если бы не солнцезащитные очки, судьи увидели бы слезы на глазах спортсменки.

И вот зажегся красный «глаз» стартового светофора — осталось 10 секунд, потом желтый — осталось 5, одновременно с зеленым раздалась команда «Гоу!».

Затаив дыхание, следили советские спортсмены, тренеры, а главное, врач за фигуркой в красном свитере. И хотя в движениях Жени не чувствовалось былой уверенности, она благополучно завершила 1700 метров вихревого спуска с коварными виражами и поворотами. Все вздохнули с облегчением. Не беда, что был показан лишь сорок первый результат, зато одержана победа над собой, и какая победа!

Тогда и было решено попытаться счастья в слаломе — в Женином коронном виде горнолыжного троеборья, хотя боль в разбитом плече не утихала, несмотря на все старания врача и массажиста.

Опять на тренерском совете долго спорили: стартовать или не стартовать Сидоровой? Лишь после настойчивой просьбы спортсменки, поддержанной врачом и старшим тренером команды Дмитрием Ростовцевым, было решено выступить.

Укол новокаина, и Женя вышла на старт. Команда «Гоу!» — и ветер засвистел в ушах. Сидорова быстро

пронеслась по короткой трассе, ловко лавируя между «воротами», и судьи на финише зафиксировали... третий результат дня! Но ликовать было рано: предстояла еще одна попытка.

И снова Женя мчится по обледенелой трассе, и снова волнуются за нее друзья. Две трети дистанции преодолены блестяще, как вдруг... лыжа попадает на предательскую проталину! Женя упала и, крутясь волчком, покатилась по наледи. Она судорожно цеплялась за обледенелый наст, но тщетно: ее несло на флажки, а сбей она их — все пропало. Все замерли, ожидая, казалось бы, неотвратимого, но в последний миг Женя как-то изловчилась, вскочила и... миновала «ворота», не задев древки флажков!!!

По сумме двух попыток Евгения Сидорова вышла на общее третье место и поднялась на пьедестал почета. Она стала первой в истории отечественного горнолыжного спорта обладательницей олимпийской медали, единственной до сего времени. И не беда, что медаль бронзовая, но для нас дороже золотой.

После церемонии награждения кто-то из иностранных друзей, с жаром поздравляя Женю, крепко обнял ее за плечи... она вскрикнула и не смогла сдержать слез. Тут только стало известно, в каком состоянии выступала отважная спортсменка.

С такой травмой выиграть олимпийский приз?! Это непостижимо! Сенсация быстро облетела олимпийский лагерь и весь городок. На следующий день в некоторых витринах Кортини д'Ампеццо появился портрет курносой русской девушки рядом с портретом героя VII белой Олимпиады австрийца Тони Зайлера, выигравшего все три золотые медали в горнолыжном спорте.

Г. Еленский

КОГДА ДО ЦЕЛИ ОДИН ШАГ...

Чай он любит пить не с конфетами, а с мороженым. Почему? Может быть, потому, что очень любит зиму, снег, мороз?.. Ведь он лыжник. А если говорить точнее, великий лыжник, двенадцатикратный чемпион Советского Союза, победитель Олимпийских игр 1956 года в эстафетной гонке Павел Константинович Колчин.

Я люблю слушать рассказы Колчина. Он побывал на всех зимних Олимпийских играх, где выступали советские спортсмены, и, конечно, знает много интересного. И еще мне нравится, что говорит он не только о победах, но и о поражениях, неудачах, которые бывают даже у самых знаменитых спортсменов. Иной раз ведь интересней узнать не то, как выиграл соревнования сильный спортсмен, а почему другой, не менее сильный, проиграл ему...

Мы пьем чай. Колчин вспоминает олимпийскую эстафету 1964 года. Эту эстафету наша команда — четверка лыжников — проиграла. И наверное, больше всех переживал неудачу Колчин. Ведь он шел в команде последним. Ошибки последнего исправлять уже некому. Окончательно решает исход состязания он. Выступит удачно, все четверо станут чемпионами. Проиграет — значит, проиграют и его товарищи по команде. Поэтому последний этап эстафеты всегда доверяют самым опытным спортсменам, на которых можно положиться. Таким был в советской команде Павел Колчин.

Он должен был победить. Даже несмотря на то, что ему не повезло с самого начала...

Из-за чего может не повезти лыжнику? Разные бывают причины, но чаще всего неудачная смазка. Лыжи ведь не коньки, сами по себе не скользят, их смазывать надо специальными мазями. А мазей этих много для самой разной погоды. И смазать лыжи надо так, чтобы они хорошо скользили при движении вперед, но при этом

назад бы не скользили. Иначе не оттолкнешься — будет отдача. Смазать лыжи таким хитрым образом, как говорят лыжники, «попасть в мазь», удается спортсменам не всегда. Не удалось в тот раз и Колчину. Что вперед, что назад лыжи скользили у него одинаково хорошо, как по маслу. Можно, конечно, отталкиваться одними палками. Но так долго не пройдешь — руки слабее ног, быстро устанут. И выходило, что по всем лыжным законам Колчин должен был отстать от соперников.

Но потому и называют иных спортсменов великими, что они не подчиняются таким законам. И побеждают соперников в условиях, в которых, казалось бы, невозможно победить... Вот и в тот раз Колчин собрал все свои силы и приказал себе: не отставать! Он отчаянно боролся с двумя знаменитыми лыжниками, олимпийскими чемпионами — шведом Рённлундом и финном Мянтюрантай. На спусках Колчину было легче, лыжи у него скользили лучше. Но на ровных участках и на подъемах (а таких мест было больше) соперники обгоняли его.

Откуда у Колчина брались силы, чтобы не отстать от этих лыжников, он, наверное, и сам не знает. Но советский лыжник не давал им уйти далеко, будто невидимой веревочкой прицепился к ним...

И вот приближается финиш. А впереди длинный спуск. Для Колчина это хорошо. Правда, в конце спуска маленькая горка. Но если как следует раскатиться, то ее можно преодолеть без труда. А там до финиша совсем немного.

Как близка была победа! На спуске Колчин хорошо раскатился и быстро догнал соперников, идущих друг за другом. Оставалось пройти совсем мало... «Лыжню!» — крикнул Колчин. По этому сигналу догоняющего лыжника идущий впереди обязан уступить ему дорогу. Обычно лыжники не торопятся это делать — уступать никому не хочется. Не торопился и Мянтюранта. Но Колчин не

стал ждать. Да и не мог он ждать: до финиша оставались считанные метры. Скорость нельзя было терять, иначе на горку быстро не взбежишь. Колчин выскочил из желобков лыжни и начал обходить финна и идущего чуть впереди шведа. И в этот момент финский лыжник отставил в сторону свою палку и воткнул ее в снег прямо между лыжами Колчина. Наткнувшись на палку, Колчин остановился, а Мянтюранта оттолкнулся ею и быстро пошел вперед...

Проиграть не по своей вине. Наверное, нет ничего более обидного в спорте. Я был взволнован, слушая Колчина, и, когда он окончил рассказ, я начал возмущаться поступком Мянтюранты. К моему удивлению, Павел Константинович не поддержал меня. Он лишь выслушал меня и снова стал рассказывать: «Между прочим, почти так же Мянтюранта поступил со Славой Ведениным на следующих Олимпийских играх в Гренобле...»

...Все было очень похоже. Последний этап лыжной эстафеты. Близкий финиш. За финскую команду идет тот же Мянтюранта. Только от нашей команды выступал уже не Колчин, а его ученик Вячеслав Веденин. Перед финишем тоже был длинный спуск, на котором наш спортсмен, шедший вплотную за своим грозным соперником, тоже решил его обойти. С этой целью он уходит с лыжни вправо, и... тут же вправо перемещается Мянтюранта и преграждает Веденину путь. Чтобы не столкнуться, Вячеслав уходит еще правей, а там кусты... Пришлось резко затормозить, а тем временем финн, конечно, ушел вперед...

Павел Константинович улыбнулся.

— Вот как бывает у нас на лыжне.

— Да, крепко насолил вам Мянтюранта! Вы, наверное, до сих пор поминаете его недобрым словом. Такое вряд ли забудется...

— Видишь ли, это сложный вопрос. Да, кажется,

Мянтюранта совершил чуть ли не преступление. После случая с Ведениным одна шведская газета даже назвала финского лыжника «хулиганом на лыжне». Но я пытаюсь понять его состояние в те минуты. Не оправдать — это совсем разные вещи, но понять... Представь себе... У тебя есть цель (а у спортсмена всегда цель — победа). Ты долго и трудно шел к ней. Вот она уже близка. И чем она ближе, тем меньше у тебя в голове всяких других мыслей, кроме одной: «Скорей к цели!» Другие мысли сейчас только мешали бы. Верно ведь?.. И вот остается сделать последний шаг, а ты вдруг видишь, что кто-то еще протягивает руку к твоей цели и вот-вот опередит. Понимаешь?.. Вот ты невольно и отталкиваешь эту чужую руку. Ведь в голове только одна мысль. И ты не думаешь о том, что цель эта не только твоя, другие тоже имеют на нее право... Не всегда, но так часто бывает, к сожалению, и в спорте, и вообще в жизни...

Павел Константинович помолчал, и мне показалось, что он раздумывает, рассказывать мне то, о чем он сейчас вспомнил, или нет...

— Это было в гонке на 15 километров на моих первых Олимпийских играх в 1956 году. За три с половиной километра до финиша начинался спуск, который тянулся почти до самого финиша. Я несколько секунд проигрываю лидеру. Ну и, конечно, изо всех сил бросаюсь отыгрывать эти секунды. Отталкиваю палками... Догоняю какого-то лыжника. Судя по номеру, он намного раньше меня начал гонку. А раз я его догнал, значит, он идет плохо и уже не может рассчитывать на хороший результат. Видимо, он очень устал и потому просто скатывался вниз не толкаясь. И надо же было такому случиться: как только я с ним поравнялся, он вдруг решил оттолкнуться и угодил своей палкой прямо в кольцо моей. Я рванул палку. Ремешок оборвался, и палка осталась сзади... Что делать? Возвращаться за ней — потеряю время, а это верный проигрыш. Продолжать гонку

без палки бессмысленно. Гляжу, соперник мой уже порядком вперед ушел. Неужели, думаю, все кончено! Нет, надо бороться! Бросился я снова вперед, отталкиваясь лыжами, как коньками, из стороны в сторону. Опять догнал того лыжника. Поравнялся с ним и хватя за его палку!.. Даже вспоминать неловко об этом случае. Не верится, что я мог позволить себе такое. Лыжник был ни в чем не виноват передо мной, в кольцо мне он попал нечаянно. И выхватывать у него палку — самое настоящее хулиганство. Но это я сейчас понимаю, в спокойной обстановке. Тогда же, во время гонки, я думал только об одном: без палки о победе нечего и думать, а палка вот она, только руку протяни, а раз так, отдай ее, она мне нужней, чем тебе!..

Теперь понимаешь, почему я отношусь к поступку Мянтюрanty не так, как другие. Может быть, все получилось у него невольно, сгоряча. Но и не пойми меня неправильно. Еще раз скажу: я не оправдываю такие поступки... Тот парень, у которого я хотел выхватить палку, к счастью, не отдал ее. И я благодарен ему за это. Уступи он ее, я бы до конца жизни себе этого не простил. Может, и Мянтюранта сейчас мучается из-за того, что помешал когда-то мне и Веденину... Я так думаю: к поступкам других надо относиться с пониманием. А вот себя надо судить строго. Горячность не может служить оправданием собственных ошибок. Какой бы яростной ни была спортивная борьба, всегда должно хватить воли удержаться от запрещенных приемов. Пусть даже ты и проигрываешь. Думаю, что так должен воспитывать себя каждый спортсмен...

Колчин замолчал, задумался.

— Павел Константинович, еще чайку...

— С мороженым?

— Конечно.

Г. Решетников

Мельбурн. 1956 год. XVI Олимпийские игры. И в первый же день Олимпиады самым захватывающим был бег на 10 тысяч метров. Должен без преувеличения сказать, что подобного соревнования я в жизни не видел. Не видел такой ожесточенной борьбы, такого невероятного единоборства, а главное, такого блестящего тактического мастерства, которое продемонстрировал наш советский легкоатлет, выдающийся стайер XX века Владимир Куц. Мы все знали, что на протяжении последних лет между сильнейшими стайерами мира Куцем, Пири, Чатауэем, Затопеком, Ихарошом, Лауренсом, Сабо проходила заочно, а порой и не заочно борьба за мировой рекорд, за право называться сильнейшим бегуном на длинные дистанции.

«Сможет ли человек-машина (имелся в виду Куц) победить бегунов-тактиков, бегунов-мыслителей?» — писали иностранные газеты.

И вот дан старт бегу на 10 тысяч метров. Сразу же Куц выходит вперед. В те годы много говорили о тактике английских легкоатлетов. Ее называли «тактикой преследования», «ударом из-за спины». И в этом забеге англичанин Гордон Пири начал преследовать советского чемпиона. Все внимание было обращено на эту дуэль. Удастся ли «загадочному» англичанину и на этот раз отсидеться за спиной противника, а потом на финише, как это уже было несколько месяцев назад в Норвегии, сильным спуртом вырвать победу? Да, применяя именно такую тактику, Гордон Пири победил в Норвегии. А Христофер Чатауэй сумел нанести поражение Куцу в октябре 1954 года в Лондоне.

На этот раз уже после первого километра дистанции зрителям, переполнившим трибуны стадиона «Крикет-граунд», стало ясно, что советский стайер приготовил сопернику какой-то сюрприз. Куц делает рывок, затем дру-

гой, стремясь уйти от противника. Но Пири следует за ним. Еще один рывок советского легкоатлета, и опять как тень за ним неотступно следует Пири. Он бежит легко, кажется, что у него колоссальный запас сил, что он не упустит Куца. Темп бега высок. Куц продолжает применять свою тактику «рваного бега» — делает рывки. Но англичанин преследует его. Видя это, Куц сбавляет бег и рукой предлагает Гордону Пири выйти вперед. Сам же отходит в сторону и пропускает соперника. Но Пири не принимает вызова. Он отказывается лидировать. За несколько кругов до конца Куц, улучив какое-то мгновение, пошел на хитрость и под хохот трибун все же пропустил вперед Пири. Нашему чемпиону надо было посмотреть, есть ли силы у англичанина, готов ли он продолжать борьбу за чемпионскую медаль.

Место лидера явно не устраивало Пири. Он останавливается. Видя, что англичанин не принимает борьбы и отказывается лидировать, Владимир Куц принимает решение нанести своему сопернику главный и последний удар. За шесть кругов до финиша советский бегун делает неслыханный рывок, выходит вперед и, набирая скорость, бежит дальше. Пири пытается достать Куца. Достает, но тот делает второй рывок, третий, четвертый и под гром аплодисментов уходит все дальше и дальше. Отчаянная попытка Пири изменить ход борьбы, достать Куца ни к чему не приводит. Сильнейший стайер Англии резко сбавляет темп. Его начинают догонять другие спортсмены.

А советский чемпион под аплодисменты зрителей заканчивает дистанцию с поднятой рукой. Это первая золотая медаль советской команды. Первый раз Государственный гимн нашей Родины прозвучал на олимпийском стадионе, и на флагштоке поднялся, развеваясь по ветру, алый флаг нашей страны. Результат Куца — 28 минут 45,6 секунды. Новый олимпийский рекорд! По

требованию «ревущих» австралийцев Куц совершил еще один круг — триумфальный круг почета.

А что же соперники Куца, каковы их результаты? Вторым прибежал венгр Ковач — 28 минут 52,4 секунды, третьим — австралиец Лауренс — 28, 53,6.

А где же Гордон Пири? Его так измотал бесчисленными рывками Владимир Куц, что он уже не смог бороться и занял... восьмое место.

«Невиданный успех олимпийского чемпиона, — писали на следующий день все австралийские газеты. — Куц держал в руках весь стадион. Советский моряк, морской офицер покорил Мельбурн. Стадион принадлежал блондину». Но предстоял еще поединок, в котором, кроме Пири, был еще один грозный соперник — англичанин Чатауэй.

Итак, дистанция пять тысяч метров. После предварительного забега, в котором Куц занял второе место, вслед за австралийцем Лауренсом, начались всевозможные прогнозы, различные предположения. Многие журналисты, попавшись «на хитрость» Куца, утверждали, что в беге на пять километров у Куца шансов на победу нет. Но известный австралийский стайер, победитель предварительного забега Лауренс расценил свой успех так: «Победой я не обольщаюсь, потому что Куц держит ключ к дистанции пять тысяч метров. И я не сомневаюсь, что именно Владимир Куц «убьет» всех». Газеты сообщали, что Пири и Чатауэй решили объединиться в борьбе против... «надежды России».

И вот настал день финального бега. Состав участников был еще более сильным, чем на дистанции 10 тысяч метров. Здесь были англичане Пири, Чатауэй, Ибботсон, венгры Сабо и Тaborи, австралиец Томас и другие. В этом интересном забеге Куц делал невиданное количество рывков. Он измотал своих соперников, помогавших друг другу. За два круга до финиша Чатауэй сде-

лал стремительный рывок и почти достал советского бегуна. Но мгновенно последовал ответный рывок, который оказался последним, решающим. Чатауэй был подавлен, сломлен и занял в результате лишь одиннадцатое место. Бурно финишировав, Куц занял первое место и завоевал вторую олимпийскую золотую медаль. Это был новый триумф советского легкоатлета, доказавшего, что именно он, а не кто иной, выдающийся бегун-тактик, бегун-мыслитель. У него хватило и сил и скорости. 13 минут 39,6 секунды его результат. Повторение всесоюзного рекорда и новый олимпийский. На 27 секунд лучше прежнего. Опять, совершая круг почета после финиша, Куц, дважды олимпийский чемпион, выглядел бодрым. Как писали газеты, даже после дистанции пять тысяч метров Куц бежал быстрее, чем фотокорреспондент, желавший его сфотографировать. «Куц разрушил британскую крепость и побил победителя Хельсинкской олимпиады метров на двести», — восторженно писала пресса.

Да, Куц пользовался огромным успехом и любовью австралийцев, и совершенно справедливо написал местный знаток спорта в своей заключительной статье, посвященной окончанию Олимпийских игр: «Куц — бесспорный герой Олимпиады, первый спортсмен XVI Олимпийских игр!»

Н. Озеров

ЭСТАФЕТА СЛАВЫ

Бывает так: встречаешься с человеком давно, а по-настоящему узнаешь его в какие-то мгновения, когда внезапно раскрывается его душа, и ты видишь самое большое, самое главное, чем он живет.

Так получилось у меня с Анатолием Парфеновым. Мы ехали на Всесоюзные соревнования по классической

борьбе в Киев. За окном вагона проплывали стройные пирамидальные тополя, белые приземистые хаты, зеленющие поля...

Мы молча смотрели на чудесные картины природы, озаренные закатным августовским солнцем.

— Красиво, — не удержался я. И взглянул в лицо моего давнего доброго знакомого. Оно показалось мне в ту минуту суровым и постаревшим — я разглядел и морщины, которых прежде не замечал.

— Да, сейчас красиво, — ответил он.

— Что значит «сейчас»? — не понял я.

— Мы наступали здесь в сорок третьем, — сказал Анатолий. — Не было ни хат, ни тополей. Огонь. Сплошной огонь.

Снова наступило молчание. Слышно было, как учащенно бьются о рельсы колеса, словно чье-то стальное гигантское разволновавшееся сердце. Странно, этот стук не мешал думать. Наоборот, он подгонял мысль. И я вдруг понял, что передо мной человек, для которого самыми памятными в жизни стали суровые военные годы. А потом, получше узнав его биографию, я еще больше утвердился в этом мнении.

Верно говорят: солдатами не рождаются. Толя жил и рос в подмосковной деревеньке Дворниково. Еще в детстве он, наделенный от природы богатырским сложением, заметно отличался от своих сверстников. Не любил показывать свою силу, стеснялся. Поэтому почти никогда не примыкал к озорным ватагам. Больше всего на свете в ту пору любил он ранним утром выйти в поле и, широко размахнувшись, подрезать косой траву. Еще веяло прохладой, только-только начал свой полет жаворонок, над речкой клубился туман, а он шел по бескрайнему полю, откидывая в стороны сочную зелень. Спокойно и радостно было на душе. И кажется, никогда бы ничем другим не занимался.

Поначалу Толя не очень-то интересовался физкультурой. Правда, когда одноклассники предлагали ему выступить на школьных или районных состязаниях, соглашался охотно. Презируя бессмысленные развлечения, он всегда был там, где требовалось проявить удаль и смекалку. Но заняться регулярными тренировками отказывался. Может быть, потому, что считал себя и без них достаточно крепким? Не знаю. Сам он это никак не объяснял.

Но однажды школьный учитель физкультуры сообщил Толе, что скоро надо будет сдавать нормы на значок ГТО.

— Это очень важное дело, — сказал учитель. — Родине нужны сильные, физически подготовленные люди. Покажи-ка ребятам пример.

Лень и безразличие как рукой сняло. Все чаще стали видеть Парфенова на лыжне, в тире, на реке. И вот уже Толе первому из ребят в торжественной обстановке, на виду у всей школы ветеран революции, матрос с крейсера «Аврора» вручает красивый ярко-красный значок.

— Прими его от нас как эстафету, — говорит он.

Гремят аплодисменты. И Анатолий, оказавшись в центре внимания, дает слово, что никогда не подведет свою школу, своих земляков ни в труде, ни в бою.

Не знал он, конечно, тогда, что жизнь скоро, очень скоро учинит ему суровую проверку и заставит отвечать за каждое слово этой торжественной мальчишеской клятвы.

Он окончил школу и пошел работать слесарем на один из подмосковных заводов. Здесь и застала его война.

Всем, кто знал тогда Парфенова, казалось, что этот добродушный юноша не способен к каким-либо эмоциональным взрывам. Но в то памятное воскресное утро сорок первого года он прибежал в военкомат и крикнул:

— Прошу немедленно отправить на фронт!

Крестьянин по происхождению, рабочий по профессии, Анатолий Парфенов стал солдатом по зову сердца.

Конечно, до передовой было еще далеко. Семнадцатилетнего комсомольца послали учиться сложному и трудному военному искусству. Здесь, на курсах пулеметчиков при Тамбовском военном Краснознаменном пехотном училище, впервые понял Анатолий Парфенов, какое это серьезное и нужное в жизни занятие — физкультура. Командир батальона, знакомясь с молодым пополнением, приказал:

— Значкисты ГТО, два шага вперед!

И сказал, обращаясь к ним:

— На вас надеюсь особо!

Здесь, в боевом строю, слова «значкист ГТО» звучали как символ мужества и отваги, силы и ловкости. А то, что эти качества просто необходимы солдату, Анатолий понял очень скоро. Многокилометровые марши с пулеметом на плечах, рытье окопов, штыковые бои — каких великих сил требовало все это. Иногда казалось, что вынести такие нагрузки не хватит сил. И тогда вспоминал Анатолий матроса с крейсера «Аврора», слова об эстафете, которую он передавал своим сынам. И Анатолий говорил себе: надо выдержать.

Весной 1943 года 208-й гвардейский стрелковый полк 69-й гвардейской стрелковой дивизии был выведен из боя, чтобы принять пополнение. Среди бойцов, прибывших с маршевой ротой, один особенно выделялся высоким ростом и могучим телосложением. Он сразу привлек внимание гвардии капитана Михаила Нестерова, командира первого батальона. Молодой офицер подошел к новичку, спросил:

— Как фамилия?

— Парфенов.

— Откуда?

— Из пулеметного училища...

— Ну куда такому гиганту быть пулеметчиком? — высказал сомнение командир батальона. — Ну да ладно, ведь не отправлять же тебя на переучивание. Давай служи.

Однако вскоре комбат понял, что ошибся. Парень оказался просто незаменимым. На марше, бывало, молча, без слов то одному солдату поможет, то другому. Ну а в бою и подавно... Смел, отчаян, ловок. Когда перебежку делал, мгновенно срывался со своего места, быстрее всех отрезок свой заканчивал. Нестеров спросил его однажды:

— Откуда это у тебя, Толя?

— От ГТО это у меня, — пробасил Парфенов.

К осени дивизия дошла до Днепра. Командование поставило задачу форсировать его с ходу, не дать фашистам закрепиться на заранее подготовленных рубежах.

Первым в ночь должен был уйти штурмовой отряд. Командиры выбирали добровольцев: дело предстояло трудное. Анатолий Парфенов сделал два шага вперед. А вслед за ним вышли ребята из его расчета.

Возле лодки, на которой они плыли в ночи, разорвался тяжелый снаряд. На берег выбрался один Парфенов. Нырнув несколько раз — этим искусством он владел еще с детских лет, — Анатолий вытащил со дна тяжелый пулемет и коробки с лентами. А через несколько секунд он уже поливал свинцом цепь гитлеровцев, пытавшихся сбросить с плацдарма наши передовые части. Враг ввел в бой подвижные бронированные отряды. Его авиация семь раз уничтожала наведенные нашими саперами переправы.

Шел жестокий бой. Трое суток сплошной огневой смерч. Но ничто не смогло заставить Анатолия Парфе-

нова оставить свой рубеж, даже ранение. И только когда он потерял сознание, его пулемет замолк. Лежал на выжженной огнем войны земле отважный боец и не слышал, как гремит над ним могучее «ура». Это главные силы дивизии прорвались на правобережье и расширяли плацдарм, на котором была пролита кровь Анатолия Парфенова и его товарищей.

Через несколько дней во фронтовой газете был опубликован очерк о подвиге Парфенова, названный «Русский богатырь». И гвардии капитан Нестеров послал этот очерк матери героя вместе с письмом, в котором сообщалось, что сын ее представлен к высокой правительственной награде. Но сам Анатолий ничего об этом не знал. И первый свой орден — орден Ленина — он получил уже после войны.

Прошло тринадцать лет. В далеком Мельбурне открылись XVI летние Олимпийские игры. По всеобщему признанию, исключительно упорным был здесь турнир борцов классического стиля. Знаменитые опытные мастера участвовали в нем. 24 атлета в каждой весовой категории. А медалей всего три.

Я не стану описывать эти схватки. Скажу лишь, что в тяжелом весе золотую медаль и звание чемпиона завоевал гвардии старшина запаса Анатолий Парфенов. Рассказ о нем мельбурнская газета «Аргус» поместила под заголовком «Русский богатырь».

Через день в столицу XVI Олимпиады пришла телеграмма следующего содержания: «Не сомневались в том, что ты способен совершить и подобный подвиг. От имени твоих друзей-гвардейцев Герой Советского Союза полковник Михаил Нестеров».

А чуть позднее страна узнала, что за мастерство и мужество, проявленные в спортивном сражении, Анатолий Парфенов был награжден орденом «Знак Почета».

Но на этом история не заканчивается. В июле 1976 года в Монреале ученику заслуженного мастера спорта, заслуженного тренера СССР Анатолия Ивановича Парфенова Балбошину была оказана высокая честь нести знамя советской олимпийской делегации, знамя нашей Родины.

— Я счастлив этим поручением, — сказал он на митинге в олимпийской деревне. — Я счастлив потому, что принял эстафету от своего учителя, прославленного фронтовика, замечательного спортсмена. И сделаю все, чтобы не посрамить его имени, достойно продолжить традиции ветеранов.

Николай сдержал свое слово, завоевав золотую медаль. Очерк о нем вы прочтете в конце этой книги. И в этом есть свой особый символ, свой глубокий подтекст: наши спортсмены, наши чемпионы не просто побеждают, они как бы несут по стадионам мира эстафету нашей славы, эстафету нашей силы, нашей преданности Родине.

Совсем недавно я вновь побывал в секции борьбы, которой руководит Анатолий Парфенов. Он проводил со своими учениками беседу накануне праздника Октября. И, конечно же, не забыл вспомнить о матросе с крейсера «Аврора», который когда-то вручил ему знак ГТО.

— Берегите традиции, которые закладывались в дни Великого Октября, — сказал Анатолий Иванович своим воспитанникам.

— Анатолий Иванович, так ведь мы же не авроровцы, — возразил один из них.

Парфенов сердито посмотрел на него и ответил:

— Все мы, дорогой, в какой-то мере авроровцы. И каждому поэтому отведено судьбой сделать в жизни что-то большое.

Л. Горянов

ХОТЬ И ОСТАЛСЯ БЕЗ МЕДАЛИ

Московский спартаковец Николай Тищенко входил в состав олимпийской сборной СССР по футболу 1956 года и выступал в Мельбурне, но золотой медали не получил. Он не играл в финальной встрече, а, по правилам, награды вручались только тем, кто в ней участвовал. Однако именно Николай был одним из главных героев мельбурнского триумфа советской команды.

...Отбив мяч на середину поля и увидев, что мяч подхватил Нетто, Николай успокоился. Но ненадолго. Что из того, что в воротах Яшин — «черный спрут», «железная стена», «тигр», как его называли зарубежные журналисты. Даже ему трудно отбивать непрерывные удары нападающих болгарской команды...

Ну и матч! Конечно, то, что болгарская команда — одна из сильнейших, было известно. И все же такой ее напор в этом полуфинальном матче оказался неожиданным.

Сборная Советского Союза тоже в отличной форме. Выиграла обе отборочные встречи и еще два матча уже здесь, в Мельбурне. Но пока преимущество было у болгарской команды.

Николай — правый защитник и, стало быть, должен «держат» левого крайнего нападающего Янева. И «держит», но все равно то и дело кто-либо из болгарских игроков оказывается неприкрытым. А все из-за того, что вопреки обычаю правый крайний Стоянов и левый полусредний Колев сильно выдвинулись вперед и часто остаются в нашей оборонительной зоне. Так что сегодня приходится следить и за ними...

Еще одна атака отбита, а сколько их впереди?!

Да что же нападающие-то? Неужели не могут «размочить» счет? Ведь здорово бьют! И Татушин, и Рыжкин, и Ильин...

Но болгарская защита надежна, да и игра проходит большей частью на половине советской сборной...

Вот соперники начали новую атаку. И хотя нападают не по флангу Николая, ему тоже надо держать ухо востро. Тем более что возле него Колев появился. А нужно еще смотреть в оба за Яневым. Только где он?

Николай повернулся и... увидел, что Янев в стороне, почти у боковой линии!

«Один! Упустил! Если ему дадут сейчас пас...» И тут же правый крайний болгарской команды сильно ударил налево. Пролетев над Николаем, мяч опустился точно в ногах Янева.

Гол был почти неминуем. А если гол, то, возможно, и поражение в матче, после чего команда СССР выбывает из дальнейшей борьбы. И Николай бросился к Яневу, надеясь уже только на невозможное.

И чудо произошло: он настиг форварда у самой бровки.

Впрочем, стоило Яневу сделать любое обманное движение, и Николай не дотянулся бы до мяча. И Янев сделал такое движение, но на какое-то мгновение позже, чем требовалось. Его левая нога запуталась в ногах Николая.

Стараясь освободиться, Янев рванулся назад, и Николай рухнул на землю.

По краям поле было очень жестким. Казалось, его заключили в бетонированную раму. Наверное, это поле было рассчитано не на футбол, а какую-нибудь экзотическую австралийскую игру. Во всяком случае, Николай еще никогда не ощущал такого сильного удара при падении.

Тищенко побежал к боковой линии, где его уже ждал врач.

Он осмотрел раненое плечо, осторожно потрогал, помазал чем-то и начал бинтовать.

— Что ж не вправили-то? — спросил Николай, полагавший, что у него вывих.

— Тут, брат, вправлять нечего, — ответил врач.

«Что же у меня?» — подумал Николай, а сам, с нетерпением ожидая конца перевязки, все смотрел на поле, где болгарские футболисты, воспользовавшись благоприятной ситуацией, вновь атаковали.

Через несколько минут Тищенко с ужасом почувствовал, что его раненая рука начала... неметь. Попробовал шевельнуть пальцами, не смог. Скоро он перестал ощущать руку целиком — от кончиков пальцев до плеча. А тут еще, перехватывая одну из передач, неловко изогнулся, и в больном плече что-то хрустнуло. После этого при каждом резком движении его пронизывала острая боль.

Товарищи по команде заметили, что Николаю трудно играть. Полузащитники сборной СССР оттягивались в оборону глубже, и даже нападающие отходили к своим воротам в трудные моменты... Тактика игры советской команды стала явно оборонительной.

Наконец раздался долгожданный свисток, завершился первый тайм — 0:0. Теперь в коротком перерыве надо было решать, что делать дальше.

У Николая оказался перелом ключицы. Но он знал, что в этом матче заменить его нельзя. В финале вместо него может и другой выступить. Причем финальная встреча предполагалась более легкой. Главное, победить сегодня. И значит, он, Николай, обязан вернуться на поле пусть даже ради морального равновесия.

Последнее слово было за врачом.

— Ладно, но никаких столкновений, играть чисто символически.

Однако защитные функции Николай выполнять уже не мог: обязательно налетят, толкнут, а уж заденут наверняка. И решили, что Тищенко перейдет на место на-

падающего, причем из-за руки с правого края на левый.

Словом, Николай стал... форвардом!

В начале второго тайма инициатива перешла наконец к советским футболистам. То ли они воспрянули духом от одной мысли, что не остались в меньшинстве, то ли устали соперники.

Но через какое-то время у болгарской сборной словно второе дыхание объявилось, опять они азартно атаковали, так что нападающему Сальникову пришлось даже оттянуться в полузащиту, которую покинул Парамонов, занявший в обороне место Тищенко. Но Парамонов чувствовал себя в новой роли не слишком уверенно, и соперники это поняли. Вновь, как и в первом тайме, разворачивали они атаку по левому краю.

Глядя, как отбиваются Парамонов, Башашкин и Яшин, Николай рвался туда, чтобы помочь, но делать этого было нельзя, он должен был оставаться тут, впереди, изображая нападающего, который... не может падать.

Каждое движение по-прежнему отдавалось болью, и все-таки просто стоять Николай не мог: бросался к мячу, когда оказывался близко. Овладевал им, правда, ненадолго.

Николай кусал губы от досады, но, увидев кожаный мяч неподалеку от себя, снова устремлялся к нему. Помнил: даже если он продержит мяч недолго, защитники хоть чуточку передохнут.

Он потерял счет минутам, но они шли, и вот английский судья Манн дал свисток, означавший, что безрезультатно завершился и второй тайм. Да, только второй тайм, а не весь матч, потому что на Олимпийских играх, если основное время не приносит успеха ни одной стороне, дается дополнительное, еще полчаса.

...И опять, уже в третий раз сегодня, вышли на поле сборные СССР и Болгарии, и опять болгарские футболисты устремились в атаку, и опять замелькали на

штрафной площадке наши защитники, полузащитники и вратарь...

И все-таки в конце концов мяч попадает в ворота, охраняемые Яшиным. Это сделал Колев, оставленный без присмотра. Счет стал 1 : 0 в пользу болгарской сборной, а тут еще получил травму Иванов...

Но... пропущенный гол буквально повернул ход матча. Советские футболисты вскоре сравняли счет и продолжали нападать. Они словно преобразились.

И вот когда до окончания этой марафонской встречи оставалось всего четыре минуты, Николай ловко отобрал мяч у болгарского защитника и рванулся к воротам соперников. Защитник гнался за ним, но Тищенко сумел оторваться от преследователя. Пробежав несколько десятков метров, Николай увидел Рыжкина, находившегося без прикрытия на правом крае, и точно послал мяч ему. Тот сделал навесной удар, и набежавший в штрафную площадь Татушин с ходу направил мяч в сетку. 2:1 — с таким счетом сборная СССР одержала незабываемую до сих пор победу в Мельбурне.

В. Бабкин

ТЯЖЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ

Один из самых драматических боев у Геннадия Шаткова на Олимпиаде 1956 года в Мельбурне был с аргентинцем Салазаром. Шатков опоздал к началу соревнований — в дороге сломалась машина, на которой он выехал из олимпийской деревни. Геннадий не смог хорошо разогреться. Да ему и тренеры не советовали делать этого: они были убеждены, что Салазар откажется от боя, ибо авторитет советского боксера был так огромен, что новичок аргентинской сборной вряд ли решится принять бой... Как говорили руководители Между-

народной боксерской федерации, Шаткову предстояло лишь выйти на ринг и поднять руку.

Геннадий в такие «прогнозы» не верил. В последнюю минуту он инстинктивно уловил: слух пущен не случайно. Видимо, руководители аргентинской команды решили дезориентировать Шаткова... Так и оказалось...

Шатков быстро забинтовал руки и вышел на помост. Темпераментный аргентинец сразу же бросился в атаку, причем стремился любым путем пробить в бровь. Первый раунд Шатков чувствовал себя неуверенно, он старался оберегать разбитую перед самой Олимпиадой бровь. После перерыва Геннадий сжался как пружина. Он решил подавить силу воли Салазара. Но и аргентинец не хотел мириться с условиями игры Шаткова. Тогда Геннадий провел два сильных удара. Салазар рухнул на пол. Нокаут!

После боя с Салазаром выяснилось, что поврежден палец правой руки. И это перед боем с великолепным чилийским боксером Тапия, который вышел в финал, сокрушив поляка Пюрковского и нокаутировав олимпийского чемпиона чеха Торму...

Чилиец знал о рассеченной брови Шаткова. Прослышал он и о травме руки. Наверное, поэтому он явился в раздевалку с двумя своими друзьями, которые нагло смотрели на Шаткова и говорили на русском языке:

— Не возись с этим щенком долго. Уложи его на первой же минуте.

Как потом признали все обозреватели мира, бой Шаткова и Тапия вошел в учебники по боксу. Он длился всего 70 секунд. Но какие это были секунды! 69 из них чилиец шел напролом в яростную атаку. Шатков спокойно проводил «воспитательную» работу, давая ощутить силу и точность своих ударов. Шла 69-я секунда. Чилиец рванулся. Шатков сделал обманное движение, и атакующий Тапия, как говорят боксеры, «провалился»: бил в соперника, а попал в воздух.

И в тот же момент нокаут! Тяжелая перчатка Шаткова настигла чилийского чемпиона... Очередной нокаут...

После победы в Мельбурне к Шаткову приехал американский корреспондент. Деловитый, безапелляционный. Эту беседу, наверное, можно сравнить с обменом ударами в ближнем бою.

— Когда Шатков думает переходить в профессионалы?

— А он не думает.

— А как же он будет жить?

— Он учится в аспирантуре, работает над книгой о боксе.

— Но если он проиграет в следующий раз, его сошлют в Сибирь.

— И очень хорошо. Ведь в Сибири много работы — там Братскую ГЭС строят!

— Но все говорят о том, что вы делаете ошибку... Не было еще боксера, который бы добился успехов в спорте и стал профессором в науке. Спорт высасывает из человека все, а потом выбрасывает чемпиона. Спорт непостоянен, а слава боксера невечна.

— Вот поэтому-то, — улыбнулся Шатков, — я и работаю над диссертацией. А когда стану профессором, мы снова встретимся и поговорим...

Шатков еще на четыре года остался в спорте. 227 боев — 215 побед. Одно поражение — самое тяжелое — от Кассиуса Клея, который позднее станет чемпионом мира среди профессионалов в тяжелом весе...

Капитан сборной СССР Геннадий Шатков занимался не только спортом. Он много читал. Вел преподавательскую работу в университете. Его назначили проректором Ленинградского университета, когда ему еще не исполнилось и тридцати лет. Он был самым молодым проректором в стране... На этой должности он трудится уже не один год.

Как-то ему позвонил американский корреспондент:
— Я беседовал с вами в Мельбурне в 1956 году...
Что изменилось в вашей жизни за эти годы? Что стало
с вашими золотыми перчатками?

Геннадий Иванович ответил американцу, что золотые перчатки висят на гвозде, он сказал им: «Спасибо и прощайте!», но спорт не забыт. Теперь олимпийский чемпион боксом не занимается, зато каждое воскресенье уезжает с семьей на Карельский перешеек, летом и осенью бегаёт по лесу, а зимой катаётся на лыжах, теперь у него есть время полюбоваться и высоким небом, и березками, и сверкающим снегом...

А его научная работа? Вместе с профессором Д. Киримовым он написал монографию «Законодательная техника».

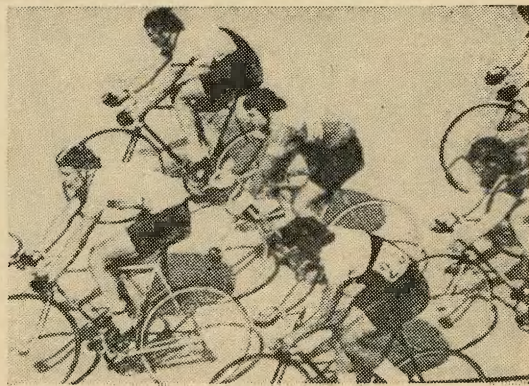
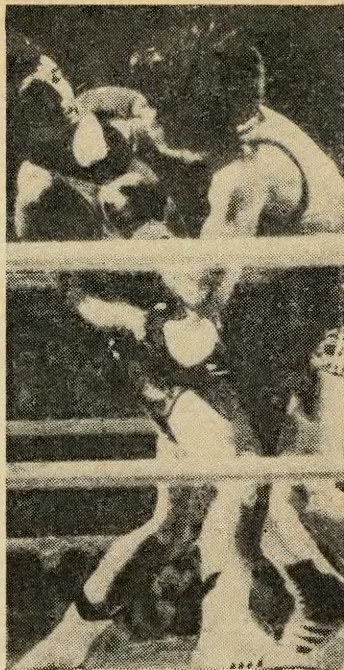
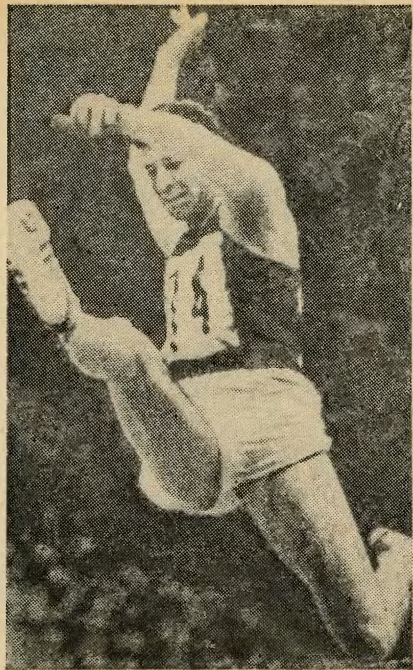
Г. Дымшакова

960

**СКВО-ВЭЛИ
РИМ**

ВСТРЕЧА В ПОЛИТЕХНИЧЕ- СКОМ МУЗЕЕ

Эта история о двух встречах в зале Политехнического музея. Оба героя этой истории — олимпийские чемпионы. Один многократный, другой был им только однажды.

В 1956 году Белая Олимпиада проходила в Италии, в Кортине д'Ампеццо. Был у нее, как и полагается, свой порядковый номер, но в истории Олимпиад она известна и памятна еще и потому, что тогда впервые вышли на зимнюю олимпийскую арену советские спортсмены.

Для дебюта побед у нас было предостаточно. В конькобежном турнире состязались мужчины, только мужчины, женской конькобежной программы еще не было. И трое наших мужчин — Гришин, Михайлов и Шилков добыли четыре золотые олимпийские медали. Дистанций было тогда тоже четыре, но организаторам Олимпиады пришлось выдать еще одну золотую медаль, потому что Гришин и Михайлов показали на дистанции 1500 метров одинаковый и лучший результат.

Словом, наши конькобежцы стали триумфаторами игр.

Коньки были у нас в большом спортивном почете. И когда в Москве появились афиши, приглашавшие в Политехнический музей на встречу с нашими олимпийцами-конько-

бежцами, у билетных касс Политехнического музея началось столпотворение.

Конечно, интересно было встретиться и с нашими лыжниками, и с хоккеистами, но главными героями тогда были все-таки конькобежцы, и люди шли на Гришина, Шилкова, Михайлова, Гончаренко, Грача, как ходят в театры на любимых актеров...

С билетами было трудно. Но этому бечобрысому мальчишке каким-то чудом билет достался, правда, на самый последний ряд, на галерку. Но он и такому билету обрадовался, потому что никогда не видел олимпийских чемпионов, знал об Олимпийских играх очень мало, да и спортом всерьез не занимался. В футбол с мальчишками гонять или на коньках кататься, это он любил. Но чтобы ходить в секцию на тренировки каждый день, как в школу на уроки, нет, он об этом не думал.

И вот встреча началась. На сцене за большим столом сидели олимпийцы. С галерки было плохо видно, невозможно было разглядеть, кто Гришин, а кто Шилков.

Олимпийцы один за другим рассказывали о том, что и как было на Олимпийских играх. И еще он узнал, что через четыре года снова будет Олимпиада, и у него появилась мечта: поехать на эту Олимпиаду, а потом прийти в Политехнический музей на такой же вечер встречи, сидеть за тем большим столом на сцене, и, когда его пригласят как чемпиона — конечно же, он должен стать им, иначе и быть не может! — когда пригласят его на трибуну, он расскажет о том, как сегодня сидел на галерке в этом зале...

Утром он пошел в райсовет общества «Динамо» к ответственному секретарю и сказал: «Устройте меня в коньки!» И, видно, так настойчиво, так требовательно просил, что ответственный секретарь сразу же, без распросов отправил его в конькобежную секцию.

Мальчишка встал на коньки и теперь точно знал, что и как надо ему делать, чтобы сбылась мечта.

..Прошло четыре года. Ровно четыре. На чемпионате мира в Давосе один молодой советский конькобежец завоевал бронзовую медаль на дистанции пять тысяч метров. За это его решили взять в Скво-Вэлли на Олимпиаду.

Евгений Гришин, который очень полюбил этого паренька, когда тот пришел в сборную, сказал ему: «Вот бы тебе там хотя бы за «бронзу» зацепиться, совсем был бы порядок». На что молодой спортсмен ответил спокойно, без рисовки и пижонства, как о деле давно решенном: «Нет, так далеко за «бронзой» я ехать не собираюсь. Мне «золото» нужно. И оно будет моим!»

В Скво-Вэлли наши конькобежцы снова праздновали триумф — на этот раз у них (мужчин и женщин) было на общем счете шесть золотых медалей (это не считая многих серебряных и бронзовых).

... А потом по старой традиции, вернувшись с победой домой, наши олимпийцы пришли в зал Политехнического музея...

И когда ведущий этого вечера сказал: «А сейчас я передаю микрофон олимпийскому чемпиону Виктору Косичкину...» — зал узнал о том, что было здесь четыре года назад, о том, как сидел Витя Косичкин в последнем ряду на галерке, и о том, что из этого получилось.

Л. Голубева

ОН ЗАВОЕВАЛ РИМ

Эту ночь я никогда не забуду. На пьедестале почета в римском «Палаццо делла спорт» на высшей ступени стоял советский богатырь Юрий Власов. Ему ру-

коплексаки. Он поднял вверх руки, приветствуя зрителей. Советский тяжелоатлет установил мировой рекорд, превысил достижение американца Андерсона на... 25 килограммов! Этот день навсегда вошел в историю мирового спорта. Олимпиаду в Риме стали называть «Олимпиадой Власова». Когда закончились соревнования, зрители подняли Власова на руки и как героя понесли в олимпийскую деревню.

Как быстро бежит время! Еще в 1955 году результат американского штангиста Андерсона считался недостижимым. Сумма в троеборье 500 килограммов была заветной целью для атлетов тяжелого веса, о таком можно было только мечтать! И хотя результаты Андерсона, весившего 160 килограммов, восхищали и удивляли, внешность его наводила на грустные размышления. С большим трудом передвигал спортсмен ноги. Казалось, что он страдает от своего собственного веса.

В это время начал свои первые занятия тяжелой атлетикой Юрий Власов — юный русоволосый офицер. Сначала он в заочном споре отнял у Андерсона два мировых рекорда, и всем стало ясно, что в Советском Союзе появился атлет, способный стать самым сильным в мире.

Бывало так. Какой-нибудь штангист устанавливал рекорд. Его поздравляли, награждали. Получив все грамоты и награды, через некоторое время он вновь прибавлял к своему рекорду... 500 граммов. И снова грамоты, награды. Затем опять 500 граммов. И снова рекорд. Власов же приучил нас не только к высоким результатам. Он поднимал столько, сколько мог. Это было трудно. Но он отдавал все силы для достижения наивысшего результата. И в Риме улучшил достижение сразу на 25 килограммов. Власову в Италии пришлось бороться не только с показателями Андерсона, но и с очень сильными американскими атлетами Джеймсом Брэдфордом и Норбертом Шеманским —

чемпионом Хельсинкской олимпиады в полутяжелом весе.

После двух движений Власов выигрывал у них пять килограммов. Толчок — последний вид троеборья. Брэдфорд осторожен, со второй попытки берет 177 с половиной килограммов. Затем поднимает 182 килограмма 500 граммов и заканчивает выступление, повторив мировой рекорд. Шеманский, взяв 180 килограммов, набирает в троеборье 500 килограммов и... пропускает следующие веса. Пока выступал Брэдфорд, Власов не выходил на помост. Легко поднял он 185 килограммов, сразу перекрыв мировое достижение. Он набрал в сумме 520 килограммов.

Шеманский просит установить на штанге 192,5. Победить Власова он уже не рассчитывает, но можно обойти Брэдфорда, занять второе место. Поднять этот вес американец не сумел. К штанге выходит Власов. Спокойно натирает магниезией руки, пудрит грудь, а затем толкает 195 килограммов. А потом и 202,5. Как жаль, что это было ночью, когда не работало телевидение, да и зал был наполовину пуст, и многие любители тяжелой атлетики не видели триумфа советского богатыря! Стальной снаряд с невероятной легкостью поднят Власовым, а на световом табло загорается цифра «537,5».

В день торжественного закрытия Олимпийских игр на стадионе «Форо Италико» флаг советской делегации нес обаятельный русский парень, наш чемпион, богатырь Юрий Власов. И трибуны аплодировали герою Римской олимпиады, выдающемуся советскому спортсмену.

У Юрия Власова появились достойные преемники. Результаты растут. Но имя Власова в истории нашего спорта, в истории мирового спорта вписано золотыми буквами.

Расставшись со спортом, Юрий Власов стал литера-

тором, написал книги, принесшие ему известность. Его последние работы — записки отца, военного корреспондента ТАСС П. П. Владимирова «Особый район Китая» и роман «Соленые радости». Он выбрал нелегкий путь, но идет по нему уверенно, и результаты налицо.

Н. Озеров

СКРИПУЧЕЕ КОЛЕСО УДАЧИ

За два года до Олимпиады-80 в Московский Дом кино на встречу спортсменов и деятелей искусств пригласили олимпийского чемпиона по велосипедному спорту, главного тренера сборной СССР Виктора Капитонова. Погас свет в зале, и на экране появились олимпийский Рим-60 и раскаленное шоссе Гроттаросса. Вдоль 175-километровой велосипедной дистанции стояли толпы зрителей. Семьсот тысяч итальянцев ждали победы своего прославленного соотечественника Ливيو Трапе.

Бежала кинолента. Бежал расплавленный асфальт. Падали от перенапряжения гонщики. На крутом подъеме, когда все спортсмены старались сберечь силы, вперед вырвался Виктор Капитонов — «улизнул» от соперников. Лишь один из ста сорока двух велосипедистов принял этот вызов — Трапе.

Можно понять чувства итальянского оператора, снимавшего тогда поединки русского и итальянца. Камера крупным планом показывает одного Трапе. Фаворита, надежду Италии! Это ему режиссер Ромуло Марчеллини решил посвятить значительную часть кинокартины «Большая Олимпиада»... Трапе обгоняет Капитонова метров на пятнадцать. Капитонов приподнимается в седле.

Дрогнула рука снимавшего этот последний миг. Дик-

тор, выручая режиссера, сообщает, что Капитонов выиграл «полколеса». Виктора обнимают товарищи, подхватывают на руки, несут к пьедесталу...

Когда в зале вспыхнул свет, народный артист СССР Станислав Ростоцкий сказал:

— Позвольте представить друг другу героя Римской олимпиады Виктора Капитонова и режиссера, запечатлевшего его победу, Ромуло Марчеллини...

Удивленные неожиданным сюрпризом, Марчеллини и Капитонов смотрели друг на друга.

— Погрузнел ты, Виктор! — заметил режиссер.

— Почти двадцать лет прошло — шутка ли? — ответил Капитонов.

— У меня вопрос к коллеге, — сказал Ростоцкий. — Почему мы все-таки не увидели последнего финишного рывка москвича?

— Виноват, — развел руками Марчеллини. — Я был так уверен в победе своего соотечественника... А этот Капитонов... Ох этот Виктор!

— Виноват, стало быть, Капитонов, — под аплодисменты зала произнес Ростоцкий, — и как хочется, чтобы он еще раз оказался таким же «виновником» в Москве-80, когда его ученики выступят на трассе в Крылатском!..

Этот просмотр помог Капитонову встретиться со своей спортивной юностью. Из Дома кино мы шли вместе. И Виктор Арсеньевич рассказывал:

— В тот год в Риме был настоящий ад. В тени сорок пять градусов. Ни малейшего ветерка. И бесконечное шоссе. Мы сражались отчаянно. Мы — это Юрий Мелехов, Алексей Петров, Евгений Клевцов и я. Я говорю сейчас не о той гонке, которая принесла мне золотую медаль, я вспоминаю командную гонку. Ведь мы хотя и финишировали третьими, но сумели подарить нашему велоспорту первые медали — пусть брон-

зовые, но это были медали нашей сбывшейся мечты... Ведь мы дали итальянцам настоящий жестокий бой. И не знаю, чем бы кончилась гонка, не случись тогда несчастья с Петровым. За 20 километров до финиша он получил тепловой удар и оставшуюся часть пути ехал еле-еле. Мы помогли Леше, как могли, отдали ему последние капли воды. Он этого не помнит... Он и не мог помнить! После финиша мы упали на траву, и нас, наконец, облили водой, тогда мы с трудом начали сознавать, что произошло. Все поздравляли с третьим местом, с «бронзой»!

После финиша Алексей Петров несколько дней лежал в постели. В групповой гонке он участвовать не мог... Нет, он не сошел с дистанции, просто мы, товарищи, не разрешили ему выйти на старт...

В команде Петрова заменил Гайнан Сайдхужин. Старт дали в одиннадцать часов. Солнце стояло в зените, и, как и во время командной гонки, было сорок пять градусов жары. На первых метрах мне не повезло. Как говорят велосипедисты, «попал в замаску», то есть в самую гущу группы. Разозлился, хотел сразу же выбраться, но потом подумал: «Зачем волноваться? Дорога дальняя. Солнце палящее. Жара и расстояние не раз еще перетасуют шансы каждого! А пока надо приглядеться к соперникам».

Первые минуты я держался ближе к обочине, чтобы в случае «завала» объехать упавших.

Осмотрелся — все было в порядке. Сайдхужин, Клевцов и Мелехов находились рядом. Противники тоже не спешили. Бельгиец Ван дер Берген, обладавший мощнейшим финишным броском, спокойно пристроился за четверкой итальянцев: Трапе, Балетти, Бариверой и Тонуччи. Три велосипедиста из ГДР — Шур, Адлер и Хаген — шли уверенно и дружно.

С кем из них придется схлестнуться на последних метрах дистанции? Я твердо знал, что на победу пре-

тендуют только эти одиннадцать человек. Конечно, не исключены случайности, ведь недаром групповую гонку называют лотереей! Но я всегда верил в трезвый расчет и поэтому зорко следил за соперниками.

А гонка набирала и набирала темп. Шоссе извивалось как змея. Бежало с горы на гору. И вся колонна, словно лавина, вливалась в узкое горло шоссе, повторяя изгибы трассы Гроттаросса. Вдруг мы услышали голос нашего тренера Леонида Шелешнева:

— Не зевать! Сто шестьдесят второй, не зевать!

Я встрепенулся: «сто шестьдесят второй» — это я!

На пятом круге ко мне подъехал наш капитан Женья Клевцов и шепнул:

— Скоро питательный пункт. Пробивайся вперед. Ты выглядишь посильнее всех. А мы поможем сзади — притормозим.

Перед питательным пунктом колонна, естественно, растянулась. Гонщики на ходу хватали пластмассовые стаканы, запрокидывали головы, жадно пили. В этот-то момент я сделал рывок вперед. Вместе со мной ушли еще три спортсмена. Это были не слишком сильные гонщики, я знал, что никому из них не продержаться до конца. Но пока можно было идти с ними. Вчетвером легче, чем одному!

Асфальт жарко дышал из-под колес, словно под ним находилась раскаленная печь. Хотелось пить. Или просто ведро холодной воды выплеснуть в лицо. И на каждом круге наши трековики щедро окатывали меня ледяной водой. Но уже через километр гонки снова хотелось освежиться. Помню, после Рима я сказал другу: «Мечтал о воде, о воде, о воде. Кручу педали, а перед глазами Волга. Холодная, чистая. Поблескивает. И еще тележка с мороженым...» Вот таким же нестерпимым, как жара, было и желание победить. Сил уже не оставалось. В крайнем случае их было едва ли больше, чем у других. Больше было желание победить. Бы-

ла еще Волга, с которой для меня действительно началась Родина, команда, в которой выступал, велоспорт, которому служил... Была, наконец, страна, за спортивную честь которой вышел сражаться на шоссе... И еще... Чтобы отвлечься от жары, я вспоминал сорокаградусные морозы сорок второго года... Фашисты тогда пришли в наш город. Забрали все дрова, конфисковали запасы продуктов. Взрослым запрещали выходить на улицы и собираться группами. Когда мы уже пять дней сидели без куска хлеба, я сказал родителям: «На огородах еще не успели выкопать картошку. Давайте я пойду выберу ее». Отец похлопал меня по плечу: «Огороды! До них двадцать километров! И в такой мороз ты превратишься в сосульку». Но я впервые не послушался отца — надел старую телогрейку, натянул отцовские брюки поверх своих, завязал ушанку, взял противогазную сумку и убежал из дома... Я прошел те двадцать километров, каждое мгновение рискуя взорваться на заминированном картофельном поле. Я накопал замерзшей картошки и принес домой. Причем последние километры пять перед входом в город пришлось ползти по снегу. Мы сварили картошку «в мундире» и угостили ею соседей по квартире... Может быть, в тот день я впервые почувствовал себя взрослым.

Сорокаградусный мороз под Калинином, и через восемнадцать лет сорокапятиградусная жара под Римом... У меня кружилась голова, судорогой сводило ноги. «Случайно или закономерно я оказался во главе группы сильнейших велосипедистов мира? Случай слеп. И, честно говоря, слабому невозможно вырваться вперед. Значит, силы у меня есть. Следовательно, я должен перебороть усталость, не поддаться ей, не согнуться. Ну еще немного потерпеть, и все... все будет хорошо! Все будет в порядке, я обязан терпеть. Я не сдамся. Я буду крутить это скрипучее колесо удачи...»

На седьмом круге меня стал догонять Трапе, окру-

женный эскортом мотоциклистов. Над трассой висел сплошной рев. Еще бы, человек, олицетворяющий собой надежду итальянского велоспорта, Трапе, подключился к погоне! Он, видимо, понял, что со мной шутки плохи, что у меня хватит выносливости, злости и терпения бороться за победу до конца.

Я решил подождать итальянца. Как-никак, а вдвоем идти легче!

За нами бежало солнце, яростное и жгучее.

Гонку мы вели честно — попеременно.

— Темпо! — И я выходил вперед, услышав голос Трапе.

— Давай! — И Ливио мгновенно реагировал на мой хрип, сменяя меня на первой позиции.

Так и мчались по Гроттаросса. И оба знали: до поры до времени мы обязаны добросовестно помогать друг другу. Но только до поры до времени. До решающего броска. До последнего 175-го километра, а точнее, до последних 38 метров.

Но сколько же осталось кругов: один? Два? В голове все перемешалось. Тактика гонки настолько завладела моим вниманием, что я забыл счет кругам. Забыл, и все!

Волосы прилипли ко лбу. Во рту пересохло. Ну конечно, это последний круг, иначе быть не может! Я неожиданно помчался к финишу, вложив в рывок весь запас сил. Я ринулся вперед с такой силой, что в тот момент мог обогнать курьерский поезд. И поднял руки в победном приветствии. И вдруг увидел глаза Шелешнева... И не поверил в свою ошибку.

«Все, — колкой дрожью пронеслось во мне, — все!» А голову не поднять. И руки как ватные. И ногой не пошевелить... Все... И вдруг оказалось, что я ошибся на целый круг. Мне еще 15 километров «пилить» и «пилить» под безжалостным римским солнцем!..

В ту минуту, как мне позднее рассказали, к тренеру Леониду Михайловичу Шелешневу подошел французский корреспондент и спросил:

— В чем дело?

Шелешнев почесал густые брови:

— Капитонов решил совершить пробный финиш — потренироваться.

Но мы-то с вами знаем, что я грубо ошибся и подвел тем самым команду, которая «работала» на меня, сдерживала стремительный бег основной группы, давая мне и Трапе возможность разыграть золотую и серебряную медали!

Теперь Трапе мчится один. Он сумел оторваться от меня на добрых 500 метров. Я ринулся его догонять, но лишь за два километра до финиша мы оказались рядом.

И снова мы шли в сплошном коридоре орущих зрителей. За нами неслись машины и судейские мотоциклы. Приближалась развязка. Да, оба мы работали как автоматы. Перед глазами то лента асфальта, то спина соперника. До финиша полтора километра.

— Давай! — Я приглашаю Трапе в атаку.

А он не реагирует.

— Давай!

А Трапе хитрит, он делает вид, что не понимает моих слов. Он машет головой, он уже, видите ли, не желает лидировать...

А сзади уже слышен характерный «стон» почти трех сотен колес...

— Давай! — кричу я.

Трапе вперед не выходит. Что такое? Ведь финиш не близок — полтора километра. Это 1500 метров. И если мы не будем помогать друг другу, нас может догнать вся кавалькада гонщиков... Наверное, у него что-то случилось. Остановиться? Помочь? Ведь мы честно бо-

ролись со 119-го до 174-го километра! Я обязан ему помочь, если...

Оборачиваюсь. Нет, у Трапе все в порядке. Он просто хочет «сидеть» у меня на колесе. Наши взгляды встретились, и Трапе отвел глаза.

— Темпо! — хрипит он.

«Нет, я не дам обмануть себя! Если бороться, так честно».

Я торможу.

Трапе чуть не врезается в меня. Он тоже тормозит. Тогда я кидаю машину в сторону. И Трапе бросается за мной.

Мы едем еле-еле. Можно сказать, ползем по асфальту.

А сзади... сзади уже грохочет лавина гонщиков.

До финиша 250 метров. Армада разноцветных маек рядом. Пора финишировать!

Раз Трапе не хочет первым, тогда начну я.

И в это мгновение Трапе вырывается из-за моей спины. Нервы его не выдержали.

Я поймал рывок Трапе и в следующую секунду приподнялся в седле. Когда я поравнялся с итальянцем, он «закрыл» дорогу. Тогда я ринулся вправо, туда, где соперник уже не мог помешать...

Скорость была сумасшедшей. В глазах темно. Рядом стонал и хрипел Трапе.

Я пересек финиш на полколеса впереди итальянца. И, чувствуя, что победил, позволил себе выпрямиться в седле — все!

...А Трапе, закрыв лицо руками, заплакал. Не знаю, как бы плакал я, окажись вторым в мире...

В тот же день корреспондент агентства Франс Пресс передал по телексу фразу, которая позднее вошла во все книги по Римской олимпиаде: «С победой советского офицера Виктора Капитонова Россия вхо-

дит через парадную дверь в цитадель большого международного велоспорта».

Когда я стоял на пьедестале и слушал Гимн Советского Союза, я плакал... Тех слез не стыжусь и ныне...

И Виктор Капитонов замолчал...

Идем мы к нему домой, на улицу Правды, и молчим. Наверное, рассказывая, он снова как бы проехал эти 175 километров 38 метров римской трассы.

А. Юсин

ДВОЙНАЯ ПОБЕДА

...Скоро мой выход. Нет, лучше не смотреть в зал и заткнуть уши, чтобы не слушать рева болельщиков. Кажется, весь Рим собрался в «Палаццо делла спорт» на сегодняшние финальные бои боксеров. Я нервничаю? Да, немножко. Быть может, так же много веков назад, преодолевая режущую от свиста боль в ушах, скрывая противную дрожь в суставах, выходили на арену древних цирков рабы-гладиаторы? Истошные вопли публики превращали этих несчастных в полузверей: жизнь или смерть — и ничего другого.

— На ринг вызываются Примо Дзампарини — Италия и Олег Григорьев — Советский Союз.

Так, это меня. Главное, спокойствие, вот и тренер об этом же твердит.

Сколько народу! Тысяч пятнадцать-двадцать определенно. А накурили-то, как в тумане сидят. Где-то здесь и наши должны быть, да разве за такой дымовой и шумовой завесой разберешься...

Вот ринг. Странно, он больше похож на лобное место. Помост, на котором расположен ринг, возвышается

над полом метра на два с половиной, да и сам ринг не метр высотой. Вzbираться на него, как по трапу на самолет, по высоченной лестнице. Этак оступишься и еще до начала боя проиграешь... Ну уж нет! Не хочу слышать слово «проиграть». Выиграть — вот такая задача перед нами, советскими боксерами.

Мой тренер в последний раз, массируя мои руки, как в бреду нашептывает мне на ухо все то же — спокойствие. А я в общем спокоен. Я знаю, что необходимо удержать Дзампарини от ближнего боя — он умеет четко использовать свои короткие руки.

От обороны переходить в наступление, и чем чаще, тем лучше. В общем, я спокоен. А то, что слегка подрагивает нерв на мышцах, так это пройдет, как только я вступлю в бой...

— Олег! Олег! Олег!

Ага, вот, значит, где наши расположились. Почти под потолком. Ну прямо бальзам на душу...

— Бой! — Это уже рефери скомандовал.

Прав был тренер, Примо Дзампарини действительно легок, как серна, тут надо быть начеку. Ты смотри как вытанцовывает! Попляши, попляши — это нам не страшно... Так, в плечо? Хорошо. Еще в плечо, пускай... А болельщики-то как рады, как будто он меня в нокаут послал. Попробуй-ка и ты, синьор, мой подарочек. Что, не нравится? Твои болельщики тоже, видно, не очень-то поощряют твои промахи. Слышишь, молчат...

— Олег! Олег! Олег! Мо-ло-дец! Мо-ло-дец! — Вот, а это уже мои земляки скандируют.

Гонг. Прекрасно, отдохнем немного и снова в бой. Мой тренер, видимо, перенервничал и поэтому молчит. Тренер Дзампарини тычет в меня пальцем из противоположного угла ринга и о чем-то нашептывает Примо.

Итак, второй раунд. Обидно, конечно: этот знамени-

тый Примо Дзампарини шлепает меня по рукам, в плечи, и публика кричит от удовольствия, а сам пропускает удары в челюсть, в голову, и никакого эффекта. Ну ладно, молчите. Дайте же тогда хотя бы моим землякам поддержать меня. Не желаете?

— Вива, Примо! Вива, Примо! Вива, Примо! — Ох как на тебя поддержка твоих действует. Смотри как размахался... В угол меня прижал? Думаешь, сдамся? Не выйдет, приятель. Что так напрягся, Примо? Никак свалить своим прямым правым хочешь?..

Журналисты и судьи, сидящие под рингом и наблюдавшие за ходом поединка, неожиданно встали — вскочили — со своих мест и бросились прочь от помоста. Зал как по команде замер. Советский боксер сделал сайстек — шаг в сторону — в момент, когда Примо Дзампарини всю массу своего тела перенес в правую руку для прямого удара; стремительно пролетев мимо Олега Григорьева, итальянец продолжал свой полет уже меж канатов ринга. Три с половиной метра высоты... В зале мертвая тишина. Реакция советского спортсмена была мгновенной: Олег схватил за ноги уже почти вылетевшего за ринг Дзампарини и втащил его обратно.

Куда ты, амиго? Так мы не договаривались... Однако тяжелый ты, парень. Вставай, вставай. Полетали и хватит.

— Как ты себя чувствуешь, Примо? — Я пытаюсь растряссти испуганного и еще не до конца осознавшего происшедшее кумира итальянской публики. И вдруг, подобно взрыву Везувия, изверглись из тысячи уст возгласы: «Вива!» Зал содрогнулся от залпа оваций. Я отошел в сторону от бледного Примо, с ним занялся его

врач, и только тут я расслышал, что эти тысячи уст кричат: «Вива, руссо!..»

— Бой! — довольно меланхолично произнес рефери. До конца поединка остались считанные секунды. Хотя Примо совершил неудачный «полет», но, я чувствую, с очками за удары у него дело обстоит получше, чем у меня. Поэтому надо работать и работать. Так, по корпусу, неплохо. Опять в корпус, в голову, в челюсть.. Что это? Что я слышу?

— Вива, руссо! Вива, руссо! — Кажется, мне? Так и есть, мне.

...На высшую ступень пьедестала почета XVII Олимпийских игр приглашается боксер Олег Григорьев — Советский Союз! Примерно так прозвучали слова диктора в Римском Дворце спорта «Палаццо делла спорт» в 1960 году, но его последние эпитеты о званиях советского спортсмена утонули в шквале оваций и возгласов. Ведь пленить сердца болельщиков — это тоже победа.

М. Антонюк

ТРИ ЧАСА НА МАЧТЕ

Первыми нашими олимпийскими чемпионами в парусном спорте стали москвичи Тимир Пинегин и Федор Шутков. Не было на XVII Олимпийских играх равных им гонщиков, выступавших на судах класса «Звездный». Да и вообще трудно найти в летописи парусного спорта второе такое столь же удачное сочетание, какое представляли собой два этих яхтсмена — рулевой Тимир Пинегин и матрос Федор Шутков.

...В мае 1941 года на Клязьминском водохранилище

проходила московская парусная регата. Все сильнейшие яхтсмены столицы участвовали в этом состязании.

В числе гонщиков был четырнадцатилетний паренек, допущенный к соревнованию взрослых в порядке исключения после его настойчивых просьб. Тема, так звали мальчика, с необычайной ловкостью и искусством ставил паруса и управлял лодкой, направляя ее по наиболее выгодному маршруту, безошибочно ловил порывы ветра, использовал попутные течения — словом, доказывал превосходное знание местной «лоции», как говорят яхтсмены. Бывалые гонщики только изумленно покачивали головами. Но ничего непостижимого в успехах Темы в общем-то не было. Все дело в том, что он упорно тренировался. Много часов провел над учебниками и специальными книгами в классных комнатах местного яхт-клуба, в беседах с опытными «морскими волками» и на тренировках на воде, прежде чем добился высокого мастерства.

Но для тех, кто ничего этого не знал, итог регаты был сенсационным: 14-летний Тема Пинегин, завоевавший в ходе гонок всеобщую любовь, вышел... победителем.

Эта победа Темы стала первой из множества блистательных побед знаменитого в будущем Тимира Пинегина.

...В Хельсинкском заливе шла очередная гонка яхтсменов по программе Олимпийских игр 1952 года — первых, в которых приняли участие советские спортсмены. Среди выступавших на лодках класса «Р-6» был известный ленинградский спортсмен Николай Ермаков.

Мы называли только Ермакова, а ведь на «Цирцее» выступали двое: рулевой и матрос-шкотовый. Но так уж повелось в парусном спорте, что даже более многочисленный экипаж лодки как бы олицетворяет лишь один человек — рулевой. Именно он считается главной фигурой, потому что в первую очередь от него зависит

спортивный результат экипажа. Рулевой выбирает курс, ведет яхту по этому курсу, стараясь прийти к финишу раньше других... Рулевой дает указания своим матросам-шкотовым, которые, следуя его командам, убирают и ставят паруса, откренивают лодку, чтобы она не перевернулась при сильном ветре или волне, словом, выполняют «черновую», но необходимую работу.

Однако на этот раз именно матрос оказался главной фигурой на «Цирцее»...

Стартовал экипаж явно неудачно. В каждой гонке лодка приходила чуть ли не последней. Может быть, потому, что яхта была старой, построенной еще в 1937 году в Англии.

Но, может быть, и, пожалуй, это самое верное объяснение, просто у Ермакова, как и у остальных наших яхтсменов, еще не было тогда достаточного международного опыта.

Так или иначе, но сумма баллов Ермакова оставляла желать много лучшего. И вот, стремясь поправить положение, он напрягал все силы, использовал все умение, чтобы прийти хоть на этот раз к финишу одним из первых...

Он не задержался на старте, как это, к сожалению, бывало не раз. Рванулся вперед сразу после выстрела из пушки на судейском судне. И на дистанции старался не упустить ни одного мгновения, вел яхту по самым выгодным курсам, ловил каждую вспышку ветра, следил за всеми течениями.

И сегодня действительно все шло гораздо лучше, нежели во время первых гонок.

Так, возможно, еще не все потеряно? Возможно, еще удастся хоть что-то наверстать — не терял надежды Ермаков.

«Возможно, возможно», — подпевал ветер. Он крепчал час от часу и все быстрее мчал яхту к финишу.

И вдруг вверху раздался слабый, жалобный треск. Запрокинув голову, Ермаков увидел, что случилось непоправимое: соскочила с места краспица — одна из распорок на мачте.

Рулевой едва удержался, чтобы не погрозить ветру кулаком.

Но что толку?! Грози не грози, потерянного не вернешь...

Не вернешь? Нет, матрос Федор Шутков думал иначе. Быстро потеряв руки, он начал карабкаться на мачту.

С изумлением наблюдал за ним Ермаков. Что он придумал? Поставить краспицу на место? Но пока сделаешь это, гонка кончится, а если не уложишься в определенное время, не получишь зачета. Да и как здесь, на воде, прикрепить распорку снова?

Однако матрос и не пытался сделать невозможное. Он только поставил краспицу на место и, удерживая ее, повис на мачте.

Волны и ветер швыряли лодку из стороны в сторону, но Федор, большой, коренастый, словно прирос к гладкому деревянному столбу.

Уже многие соперники обошли их, но теперь это было не самое главное. Несмотря на, казалось, неисправимую поломку, они продолжали гонку и, значит, могли надеяться на зачетные баллы — пусть невысокие, но такие дорогие для дебютантов олимпийские очки..

...На большом многотонном катере стояли сотни любителей парусного спорта, наблюдавшие за ходом соревнований. Они специально вышли в море, чтобы посмотреть эти гонки. И не ошиблись в ожиданиях. Борьба была упорная, увлекательная, поистине захватывающая.

Зрители даже устали немножко. Они видели уже все — и лидера, и отставших, и удачные повороты, и

драматические ситуации... И вдруг они вновь схватились за бинокли...

Яхта, обыкновенная яхта класса «Р-6», идет к финишу. Она не будет первой. Победитель прошел давно. И все-таки именно эта яхта привлекает всеобщее внимание. Потому что такого еще не было никогда, чтобы человек висел над бушующим морем на гладкой мачте, словно изваяние — большой, могучий человек. И он сумел провисеть на мачте до самого финиша. А для этого понадобились целых... три часа!

Наверное, это был один из редчайших случаев в истории спорта, когда о победе писали в газетах меньше и скромнее, нежели о ермаковской яхте и подвиге его матроса Шуткова. Страницы многочисленных финских — и не только финских — изданий были заполнены информацией и фотографиями, посвященными «легендарному русскому шкотовому», «советскому матросу с железной рукой» Федору Шуткову.

Тимир Пинегин присутствовал на Олимпийских играх в Хельсинки, однако не участвовал в соревнованиях — был в роли запасного рулевого. Как раз в те дни он увлекся гонками на яхтах класса «Звездный» и твердо решил выступать на них. Но нужен был еще матрос. Кого же выбрать шкотовым?

Кандидатур было много, но теперь, в Хельсинки, Тимир Пинегин сделал окончательный выбор: только Федор Шутков.

Там же, в Финляндии, Тимир предложил Шуткову выступать вместе с ним, тот согласился. И Пинегин не ошибся в выборе: следующим же летом они одержали блистательную победу во всех семи гонках на первенстве Советского Союза и после этого много лет подряд выступали столь же великолепно. А венцом их успехов и стала победа на XVII Олимпийских играх — первая в истории нашего парусного спорта.

В. Бабкин

ЦЕНА САНТИМЕТРАМ

«Представляете ли вы, что это такое — прыжок в длину? Это горящий бикфордов шнур, в конце которого лежит «динамит» — планка. Чем ближе к ней, тем больше напряжение... И вдруг вот он, взрыв! Прыгун подбросил себя в воздух и «бежит» по нему свои последние метры...»

Так записал однажды в своем дневнике прыгун Игорь Тер-Ованесян. Это определение выглядит достаточно верным.

Специалисты выделяют в этом прыжке четыре части: разбег, отталкивание, полет и приземление. Но если вам когда-нибудь доведется посмотреть замедленную съемку прыжка в длину, вы убедитесь, что прыгун продолжает свой бег до самого момента приземления в песок. В воздухе он проделывает почти те же движения, что и на упругой дорожке. Шаг, другой, третий... еще полшага — решающие драгоценные сантиметры, ноги входят в податливый песок, и прыгун весь напрягается в последнем усилии, старается уйти вперед, вбок, ни в коем случае не назад, ни в коем случае не потерять ни единого из отвоєванных сантиметров...

Три с половиной шага — это прекрасно. Это примерно восемь метров. Прыгун, преодолевающий метров шесть, успевает сделать в воздухе лишь два-три шага.

Взрыв!.. Иначе не назовешь мощный толчок, «выстреливающий» спортсмена на восемь метров и более. Сила удара при этом достигает девятисот килограммов. Почти тонна!.. Такой удар переломит спину быка.

Будущий прыгун в длину никогда не начинает тренироваться сразу в этом виде спорта. Сначала он учится скорости и становится отличным спринтером. Но, кроме скорости, он должен обладать и другим неизменным качеством — прыгучестью и прыгать, во всяком слу-

чае, выше своей головы в буквальном смысле. И только тот, в ком соединились прыгучесть и скорость спринтера, может достигнуть успехов в прыжках в длину.

Шаги по воздуху

Прыжки в длину входили в состав античного панкратиона — пятиборья, включенного в программу Олимпийских игр древности. Судя по некоторым данным, античные прыгуны разбегались с гантелями в руках. При отталкивании этот груз отбрасывался назад.

И тогда лучшими прыгунами в длину были бегуны на короткие дистанции, или, как мы теперь говорим, спринтеры. История сохранила имя спартанского бегуна Эхиона, который, приняв участие в панкратионе, прыгнул в длину примерно на пять с половиной метров.

Сегодня этот результат кажется нам ничтожным. Уже в 1874 году ирландец Джон Лэйн покориł семиметровый рубеж. Он прыгнул 7,04 метра.

С 1896 года прыжки в длину неизменно входят в программу новых Олимпийских игр. И опять в них отличались прежде всего спринтеры. В 1935 году рекорд перешагнул восьмиметровую отметку. Его установил американский спортсмен Джесси Оуэнс. И это неудивительно. Ведь Оуэнс был сильнейшим спринтером мира, обладателем рекорда и на беговой дорожке — 10,2 секунды, а кроме того, прыгал в высоту на два метра. На Берлинской олимпиаде 1936 года он завоевал четыре золотые медали — больше, чем любой другой легкоатлет.

Из многих легкоатлетических достижений рекорд Оуэнса в прыжках в длину продержался дольше всех — 25 лет 2 месяца и 18 дней. Это рекорд рекордов. Все изменилось вокруг: пронеслась над планетой опустоши-

тельная война и вновь настал мир, было изобретено ядерное оружие, пронзили космос искусственные спутники, сотни спортивных рекордов были превышены, а этот все держался. Восемьсот тринадцать сантиметров... Об этом прыжке говорили почти так же, как о каком-нибудь мифическом подвиге. Казалось, человеку не суждено прыгать дальше.

Для того чтобы побить этот рекорд, надо было научиться бегать быстрее Оуэнса и прыгать выше его. И оба эти качества должны соединиться в одном спортсмене.

На Западе, где достижения в беге и прыжках в высоту долгие годы были гораздо выше наших, некоторые спортсмены приближались к мировому рекорду Оуэнса. В нашей стране прыгали гораздо хуже.

Но к середине пятидесятых годов положение уже перестало казаться столь безнадежным. Наши прыгуны в высоту преодолели двухметровый рубеж — это был скорее рубеж психологический, преодоление страха — и начали подниматься все выше и выше.

И бегать стали быстрее... Правда, прогресс здесь был не столь очевидным, но результаты сильнейших стали ближе к рекордной цели.

Перед советскими прыгунами словно приоткрывалась заветная дверь...

За восьмиметровой чертой

Высохший под жгучим солнцем песок, в который только что приземлился прыгун, осыпался. Воронка становилась шире и шире. Спортсмен с отчаянием смотрел на это. Он был так растерян, что даже не мог поторопить судью, чтобы тот побыстрее отметил место приземления и замерил результат. А воронка в песке все расширялась, съедала сантиметр за сантиметром — пре-

дельные рекордные сантиметры, к которым год за годом шел прыгун...

Наконец судьи смогли замерить результат — восемь метров одиннадцать сантиметров, на один-единственный сантиметр меньше, чем у американца Ральфа Бостона, отныне считавшегося победителем Римской олимпиады. Его соотечественнику Робертсону не повезло: он довольствовался «лишь» серебряной медалью.

Третьим в этом поединке был советский прыгун Игорь Тер-Ованесян. Он искренне сочувствовал Робертсону: Игорь знал цену каждому сантиметру в олимпийском прыжке. Знал он также, несмотря на молодость, что такое неудачи, нелепые случайности, перечеркивающие годы тренировок.

У него были неплохие результаты в разных видах легкой атлетики. Общая сумма в десятиборье у Тер-Ованесяна 7200 очков, что намного превышает норму мастера спорта... По разносторонности физического развития Тер-Ованесян мог рассчитывать в дальнейшем на рекордный результат.

Но рекорд, продержавшийся десятилетия, тем временем, как говорится, «разменяли». И постаревший Джесси Оуэнс лично поздравил нового его «владельца» — Ральфа Бостона. Рекорд в прыжках в длину не хотел пересекать океан.

Задача Тер-Ованесяна усложнялась. Он, которому еще фантастическим казался результат 8,13 метра, должен был мечтать преодолеть уже 8,21.

Но Ральф Бостон не собирался «консервировать» на десятилетия свое выдающееся достижение. В следующем, 1961 году он прыгает еще на семь сантиметров дальше. Это случилось во время традиционного легкоатлетического матча СССР — США, и Игорь, один из очевидцев рекордного прыжка, аплодировал вместе со всеми счастливому американцу.

Игорь не стеснялся учиться у американских спортсменов. Множество раз снова и снова просматривал он кинограммы рекордных прыжков, пытался постичь гармонию скоростного бега, учился равновесию в полете, силе и вместе с тем мягкости приземления. Он знал ошибки и удачи сильнейших прыгунов мира, пожалуй, лучше, чем они сами.

Тренер Игоря, в прошлом тоже прыгун, Владимир Борисович Попов сочетал опыт практика с педантичностью и вдумчивостью ученого. Ни одна из существенных работ советских и зарубежных специалистов в прыжках не прошла вне его поля зрения. Он должен был тренировать уже не так, как учили его самого: ведь достижения неизмеримо выросли. Учитывалась каждая мелочь в режиме, питании, в тренировках, отдыхе. Где-то подспудно накапливались миллиметры, чтобы затем стать рекордными сантиметрами...

И вот наконец Игорь почувствовал: «Да, я это могу...» «Это» — мировой рекорд.

...Игорь установил его в Ереване, в городе, где начинал некогда спортивный путь его отец, тоже легкоатлет, Арам Тер-Ованесян, где сам Игорь жил несколько лет и многие знали его лично. Зрители — немаловажный компонент состязаний, они придают решимость. И настроение к Игорю пришло вдохновенное, то есть спокойное, сосредоточенное...

В первой попытке 8,12 метра. «Ого! — подумал он. — Могу...»

Второй прыжок. Кажется, удался. Спортсмен выскочил из песка, оглянулся, нет ли «заступа»? Обошлось: прыжок замеряют. Игорь близко от судьи, прислушивается, ждет. И тот тихо, как-то почти безразлично или еще не веря замеру, говорит:

— Восемь тридцать один.

До Игоря не сразу доходит подлинный смысл этих

слов — слишком все обычно и просто, он только недоуменно разводит руками.

Вот и сделано совсем, кажется, незначительное — переставлены две последние цифры в рекорде Оуэнса: 8,13—8,31...

Мировой рекорд в прыжках в длину наконец перешагнул океан.

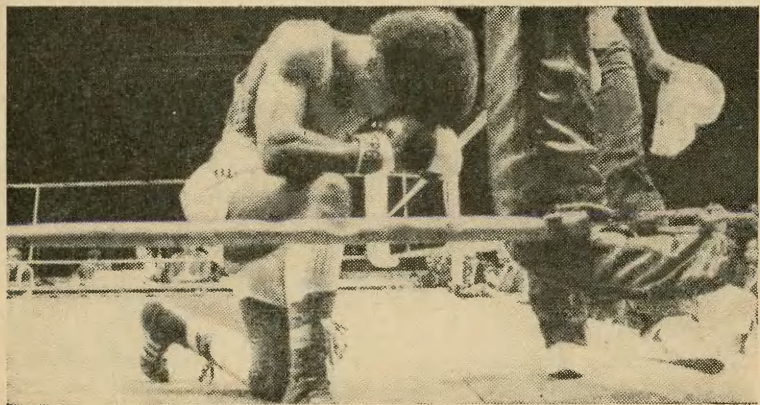
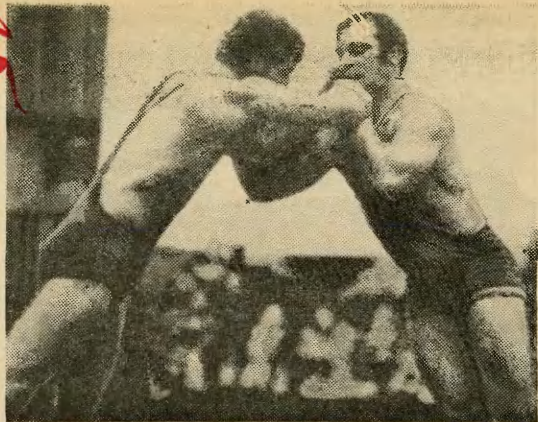
М. Тартаковский

1964

ИНСБРУК
ТОКИО

В феврале 1957 года проходило первенство Челябинска по конькобежному спорту среди женщин. Тысячи болельщиков собрались, чтобы увидеть выступления своих любимцев — И. Зайцевой, члена сборной страны Т. Пашковой, многих других известных спортсменов.

А накануне произошло событие, которое, казалось бы, не имело никакого отношения к соревнованиям. Первокурсница Челябинского государственного пединститута Лидия Скобликова поссорилась с любимым человеком. Это была одна из тех мелких размолвок, когда кажется, что все кончено, а через несколько дней уже трудно вспомнить причину ссоры.

Забылась бы и эта, но Лидия в запальчивости сказала тогда:

— Придешь на стадион, выиграю соревнование.

Он пришел.

Как она тогда бежала! Разве можно сравнить этот яростный, испуганный порыв с красивым, накатистым, техничным бегом соперниц! И когда замерли стрелки секундомеров, оказалось, что дистанцию 1000 метров выиграла эта странная девчонка-второразрядница.

Так еще мало кому известная спортсменка овладевала наукой побеждать, чтобы уже в 1959 году от-

крыть счет наградам на международных соревнованиях, а еще через пять лет подняться на недостигаемую для многих конькобежцев высоту. Постепенно разовьются и утвердятся черты характера, которые формировались с самого первого старта, — решительность, настойчивость, умение сказать себе: «Надо». И умение «выложиться» для победы, отдать все для достижения поставленной цели. А проявляться это будет во всем — и в большом, и в малом.

Для Скобликовой характерна вера в свои силы и возможности, подкрепленная опытом, мастерством и точностью намеченной цели. Черты, которые, как второе дыхание, помогают человеку, когда кажется, что силы кончились, когда теряешь ощущение времени, когда собственное усталое тело становится лютым врагом. И особенно проявляются они в спорте. Ведь здесь ты наедине с соперником, или с секундомером, или со своим кажущимся бессилием.

...1963 год был трудным для советских конькобежцев. Тогда наша сборная потерпела немало поражений на зарубежных дорожках. Лидия, правда, была в хорошей спортивной форме, выиграла первенство мира, но и она чувствовала, что «со старым багажом» далеко не уедешь.

А до очередных Олимпийских игр в Инсбруке оставалось всего несколько месяцев. Приходилось на ходу пересматривать всю методику подготовки. В частности, вставала необходимость увеличить тренировочные нагрузки спортсменов.

— Я всегда любила тренировку, — рассказывает Лидия Павловна. — Хорошая тренировка — залог успеха. Поэтому я никогда не боялась пробежать двадцать раз по двести метров, но сомневалась, что смогу резко повысить нагрузки.

Разрешить сомнения помог случай. Тренировочная ба-

за находилась в то время в двадцати километрах от Иркутска. Спортсмены ездили туда автобусом. И вот на одной из тренировок товарищ Скобликовой по сборной сказал, что добрался до базы... бегом. Это заинтересовало Лидию, и она быстро сколотила группу желающих проделать так же обратный путь.

— Все подъемы я буду брать с ускорением, — заявила она при этом.

Как раскаивалась она потом в своем необдуманном обещании! Подъемы оказались почти на каждом километре.

Может быть, другой на ее месте отшутился бы, сослался на незнакомую трассу... Но не такова Скобликова. Произнесено знакомое слово «надо», а раз надо, значит, будет.

Первые километры она пробежала спокойно и уверенно. Но потом стала сказываться усталость после тренировки. Каждый шаг давался все с большим трудом. А тут еще эти проклятые подъемы, которые она обязана брать с ускорением. О-бя-за-на... Это слово, распадаясь на слоги, вырывается в такт дыханию. Теперь главное — легкие и сердце. Они работают как хорошо отлаженные и пригнанные моторы, и пока это так, ничего не страшно.

Ускорение, еще ускорение... Потом ей еще долго чудились эти бесконечные подъемы. Но она добежала. И именно так, как обещала. После этого Лидия убедилась, какие гигантские нагрузки способен переносить тренированный организм.

Теперь это была уже не та девушка, которая тогда, в 1957-м, «на одной только любви» победила своих именитых соперниц. Теперь ее отличали высочайшее мастерство, тактическая зоркость, прекрасная техника. За ее спиной остались победы на чемпионатах СССР и мира, Олимпийские игры в Скво-Вэлли, где она завоевала две

золотые медали — на дистанциях 1500 и 3000 метров. Именно поэтому ей, наверное, труднее, чем кому бы то ни было, оказалось менять привычный ход тренировок. Зато, сделав это, Скобликова показала, что умеет подчинять себе обстоятельства: и неудачный жребий, и неблагоприятную погоду. Всего через три месяца в Инсбруке это раскрылось наиболее полно.

...В первом забеге, на 500 метров, Лидия стартовала в тринадцатой паре. Не секрет, что некоторые спортсмены, чей успех порой зависит не только от мастерства, но и от случайностей, народ суеверный. Поэтому товарищи сначала даже боялись сказать ей о несчастливом числе. Но не это обеспокоило Скобликову. Хуже было другое: тринадцатая пара стартовала последней.

Здесь вступал в действие моральный фактор. С одной стороны, легче строить график бега, но, с другой, все соперницы к этому времени уже «поделили» между собой все призовые места, причем И. Егорова показала 45,4 секунды — новый олимпийский рекорд.

Дан старт, и «уральская молния», как уже давно окрестили Лидию болельщики, помчалась по дорожке. И стадион взорвался аплодисментами: 45,0! Установленный только что И. Егоровой рекорд повержен!

Следующая дистанция, 1500 метров, была привычной для Скобликовой. Она признанный стайер. И все же никто не ожидал от нее в этот день высокого результата: погода выдалась плохая, тяжелый влажный воздух будто ватой забивал легкие. Но Лидия осталась верна себе. Всего 2 минуты 22,6 секунды понадобилось на установление еще одного олимпийского рекорда.

А впереди новый день соревнований. Тысячметровая дистанция стала триумфом Лидии. Как на крыльях, легко и раскованно летела она по олимпийской дорожке. И выиграла. И вновь с рекордом Олимпиад: 1 минута 33,2 секунды — зафиксировали судейские протоколы.

Еще ни одна спортсменка не добивалась такого успе-

ха. Это был подвиг, за который Лидия Скобликова удостоилась звания Королевы коньков. Но разве может Скобликова успокоиться? Ведь впереди 3000 метров — одна из «ее дистанций». Значит, надо выиграть и эту. Итак, привычное слово произнесено.

И, как часто бывает в подобных случаях, именно в этот момент судьба преподнесла очередной сюрприз. Незадолго до забега Скобликовой отказала морозильная установка. Солнце и коньки соперниц довершили дело: бежать Лидии пришлось по ледяной «каше».

Какие уж тут рекорды! Сейчас главное не упасть, добежать до финиша, выдержать... И снова мысленный приказ — «надо».

Брызгами взметалась крошка на виражах, не звенели — хрустели коньки. И вот на табло результат — 5 минут 14,9 секунды. Лучшее время дня. Кстати сказать, через два забега морозильную установку исправили, остальные участницы бежали уже по хорошему льду. Но ни одной из них не удалось догнать Скобликову.

В Инсбруке она установила рекорд, который можно повторить, но нельзя превзойти: Лидия стала обладательницей всего конькобежного «золота» Олимпиады. После этого она еще не раз показывала выдающиеся результаты на ледяной дорожке, и всегда ей помогало «второе дыхание» — сплав мужества, настойчивости, трудолюбия, веры в себя.

Несколько лет Лидия Павловна руководила кафедрой физического воспитания Высшей школы профсоюзного движения ВЦСПС имени Н. М. Шверника. Оставив большой спорт, она воспитывала чемпионский характер в тех, кто никогда не будет чемпионом, закладывала лучшие черты спортсмена в людях, которые не собираются становиться «звездами» мирового спорта.

Прошлой осенью Л. П. Скобликова сдала экзамены

в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. А совсем недавно почти полумиллионная армия скороходов России оказала Лидии Павловне высокое доверие, избрав ее председателем Федерации конькобежного спорта.

Б. Пинский

ЖЕЛЕЗНАЯ ИГРА

Рудольф вышел из кабинета врача и в нерешительности остановился: а не вернуться ли обратно, не отдать ли эту злосчастную бумажку, где было написано: «В отдел кадров шахты № 4-6. Ввиду болезни электрика Р. В. Плюкфельдера вывести его с подземных работ. Диагноз: компенсированный порок сердца».

Нелегко прочитать о себе такое в восемнадцать лет и к тому же узнать, что тебе запрещается не только работа в шахте, но даже быстрая ходьба!

О том, что было у него на душе, юноша поверял лишь баяну, которым владел отлично, только в ту пору чаще всего выводил грустные мелодии.

В такие минуты Рудольф вспоминал милое сердцу село Ново-Орловку на Донбассе, где прошло его детство... Затем страшное лето сорок первого года, налеты фашистских стервятников, приближение к селу фронтовой канонады и тяжелая эвакуация в Кемеровскую область. С огромными трудностями и лишениями военного времени устроились на новом месте, в шахтерском поселке Киселевске. Там новая беда обрушилась на семью: скоропостижно скончался отец. Чтобы прокормиться, Рудольфу пришлось пойти работать в угольную шахту.

Тогда его не считали слабым. В силе и выносливости юноша не уступал взрослым, поэтому ему, несовершеннолетнему, в порядке исключения позволили спуститься в

шахту. И только наладилась жизнь, как вдруг... болезнь сердца. Видимо, он надорвался, работая в забое. Пришлось переквалифицироваться на столяра, но и с этой работой справлялся с трудом: заходило сердце и сбивалось дыхание.

К удивлению домашних, Рудольф все свободное время проводил в читальном зале клубной библиотеки. Он изучал литературу по физкультуре и медицине. Прочитал брошюру «Дыхательная гимнастика» — научился ритмично дышать во время ходьбы и работы. Стал строго соблюдать режим дня, который начинался с гимнастических занятий и обтирания холодной водой.

Однажды вернулся домой взволнованный, с какой-то книжкой и читал ее до «первых петухов». «Б. Полевой. «Повесть о настоящем человеке», — прочитала утром мать Рудольфа Гермина Михайловна на обложке оставленной сыном книжки. А спустя несколько месяцев старший брат Николай случайно увидел, как вдалеке от поселка Рудик... бегают кроссы! Уговоры бросить эти занятия не помогли: каждый день Рудольф убежал за околицу.

С той поры веселее зазвучал баян в доме Плюкфельдеров. И на работе дела налаживались: Рудольф с успехом освоил электросварку, которая давала значительно больший заработок, чем столярные работы.

Как-то в шахтерском клубе появилось объявление: приглашались желающие заниматься в секции классической борьбы. И Рудольф одним из первых пришел на тренировку. Его привлекло, что занятиями будет руководить мастер спорта Василий Анисимов. У Рудольфа обнаружились незаурядные способности, он с успехом выступал на соревнованиях и через полтора года стал... перворазрядником.

Как ему удавалось добывать справки о прохождении медицинского осмотра, было секретом, но как только лечащий врач случайно узнал о спортивных достиже-

ниях своего пациента, его борцовская карьера на этом закончилась: Рудольф предстал перед медицинской комиссией, признавшей значительное улучшение его здоровья, но... не настолько, чтобы серьезно заниматься спортом.

Рудольф все же продолжал ходить на занятия борцов, как вдруг тренер переехал в Москву. Можно было бы и без него проводить схватки на ковре, однако ковер спрятали в кладовку. Только в углу зала на помосте сиротливо стояла штанга, а рядом набор чугунных «блинов».

«А почему бы не заняться штангой?» — подумал Рудольф. Скинул пиджак, взялся за шероховатый стальной гриф, и с того дня началось новое увлечение.

В библиотеке каким-то чудом оказалась книга «Тяжелая атлетика», которая помогла ему осваивать технику выполнения различных упражнений. Поначалу кое-кто подтрунивал над парнем, в одиночку таскающим «железяку». Однако вскоре насмешки сменились удивлением и восхищением. Самые могучие богатыри-забойщики отступали перед штангой, с которой Рудольф справлялся с завидной легкостью.

В спортивный зал стало приходиться все больше и больше молодых шахтеров, чтобы посмотреть на тренировку своего товарища, а затем попробовать и свои силы. Рудольф охотно показывал им, как выполняются толчок, рывок и жим, и, сам того не замечая, оказался в роли тренера. Теперь он шел в зал не один, а в компании учеников. Их число и успехи росли, а вот сам «учитель» не был удовлетворен ни своими знаниями, ни своими достижениями, чувствуя, что они могут и должны быть значительно большими. Тогда и созрело решение заочно пройти курс техникума физкультуры.

Настала горячая пора, постоянно не хватало времени: приходилось совмещать работу, тренировки, учебу и многочисленные обязанности по домашнему хозяйству.

Но все спорилось у энергичного и очень организованного парня. Одно его огорчало: он ничего существенного еще не добился в тяжелой атлетике. Только в 25 лет он добился освобождения от медицинских запретов, и начался невиданный в мировой истории тяжелой атлетики спортивный взлет.

В 1956 году Рудольф стал чемпионом РСФСР и третьим призером Спартакиады народов СССР, а через два года внес 12 поправок в таблицу всесоюзных и мировых рекордов! Затем последовал триумфальный дебют на чемпионате мира в Варшаве в 1959 году, где он — атлет-средневес — поднял в троеборье на 12,5 килограмма больше, чем чемпион мира в полутяжелом весе! Рудольф тогда оказался даже сильнее большинства тяжеловесов, хотя был легче каждого из них на 30—40 килограммов!

Перед Олимпийскими играми 1960 года его уже называли «хозяином мирового помоста» и считали, что золотая медаль у него уже «в кармане». Да и сам Рудольф в этом не сомневался, намереваясь грядущей олимпийской победой завершить свою спортивную карьеру. И вдруг в Риме на последней тренировке... получил растяжение спинных мышц. Несмотря на все старания врача и массажиста, он не смог принять участия в олимпийском турнире.

Плюкфельдер тяжело переживал неожиданный удар судьбы и долго не появлялся в спортивном зале, но затем снова возобновил тренировки и сказал друзьям:

— Не сойду с помоста, пока не стану олимпийским чемпионом!

Однако в марте 1961 года последовала новая неудача: из-за травмы бедра он проиграл состязания на приз Москвы знаменитому американцу Томми Коно, которого не раз побеждал прежде. И поползли слухи о том, что Рудольф, дескать, «сломался» и не под силу ему теперь современная рекордная штанга. Но через полгода сопер-

ники встретились вновь, уже на чемпионате мира, где Рудольф взял блистательный реванш с новым мировым рекордом. И во второй раз его объявили чемпионом мира. Затем мировое первенство перешло к венгру Дьезе Верешу, что ничуть не смутило Плюкфельдера. Это был шаг назад, чтобы затем сделать три шага вперед.

Рудольф не терял веры в свои силы и тщательно готовился к своему главному спортивному сражению, к Олимпийским играм 1964 года. К тому времени он обрел отличную спортивную форму и в Токио превзошел всех претендентов на олимпийское первенство, побив все рекорды.

Итак, Плюкфельдер достиг заветной цели (в 37 лет это своеобразный рекорд!), но торжествовал он не только как спортсмен, но и как тренер. За четыре дня до своего триумфа на высшую ступеньку олимпийского пьедестала почета поднялся его воспитанник Алексей Вахонин, выигравший турнир штангистов легчайшего веса. Такого и по сей день еще не знает история, чтобы на одних и тех же играх олимпийскими чемпионами стали одновременно и тренер, и его ученик. Это тоже своеобразный рекорд!

В ореоле спортивной славы Рудольф Плюкфельдер простился с большим спортом и полностью посвятил себя педагогической деятельности. С той поры он подготовил немало первоклассных мастеров «железной игры», в том числе олимпийского чемпиона 1976 года, многократного чемпиона и рекордсмена в полутяжелом весе Давида Ригерта.

Г. Еленский

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ НЕУДАЧНИК

Сначала, как всегда, была неудача. Даже сразу две, одна за другой, как причина и следствие, и это выглядело уже полным крушением. За несколько дней до решающих стартов XVIII Олимпийских игр в Токио в

1964 году на одной из тренировок советский гребец Вячеслав Иванов разбил свою лодку «скиф» и теперь вынужден был выступать на другой. Новая лодка, быть может, была не хуже, но к ней следовало привыкаться, привыкнуть, как музыканту к новому инструменту, а времени для этого уже не оставалось.

Эта неудача повлекла за собой вторую: Вячеслав Иванов, выступая на незнакомой лодке, проиграл в предварительном заезде и не прошел в финал. Выручить его теперь могло только чудо.

А может быть, так и должно было случиться? Спортсмен дважды уже — в Мельбурне и в Риме — завоевывал золотые олимпийские медали, а вероятность такого же успеха в третий раз ничтожно мала. Трехкратных чемпионов за всю историю Олимпийских игр можно считать по пальцам...

Но Вячеслав был еще так молод... Да, неоднократный чемпион Олимпийских игр был совсем молод. И неудивительно: ведь впервые он выиграл в Австралии, когда ему едва исполнилось восемнадцать лет. Вероятно, поэтому никто тогда не верил в его победу, и австралиец Стюарт Маккензи, бесспорный, казалось, претендент на золотую медаль, за несколько минут до старта снисходительно хлопал юного соперника по плечу и на обороте подаренной фотографии поставил подпись: «Маккензи — первый».

Он и в самом деле был сначала первым (он обошел юного советского коллегу на целых пять корпусов лодки), но лишь до отметки 1700 метров... И тут произошло то, о чем долго потом говорили болельщики и писали специалисты: Вячеслав нагнал Маккензи, а затем вышел вперед. Этот небывалый финиш тут же окрестили «ивановским». Считалось, что он неповторим.

«Иванов — баловень удачи» — так назвала свой репортаж об этом событии итальянская спортивная газета. Вячеслав только улыбнулся, когда ему перевели этот

заголовок: чего-чего, а неудач в его спортивной жизни было, как говорится, хоть отбавляй.

Еще на заре своей спортивной «карьеры», тренируясь в Югославии перед первенством Европы 1956 года, он перевернулся вместе с лодкой. Просто вывалился как младенец из люльки. Ну чем не повод для подтрунивания и безрадостных прогнозов!.. Тут-то и начали злословить насчет возраста «этого мальчишки». И немало удивились, когда он опередил и «железного» югослава Власича, и всех остальных. Тогда он стал чемпионом континента.

Но в следующем году неудача повторилась. На Хенлейнской регате в самый разгар гонки Вячеслав врезался в плывущее бревно. Это было страшно своей неожиданностью: ведь в азарте борьбы ни о чем не думаешь, кроме достижения цели. Пострадала, казалось, только лишь лодка, но гребец был травмирован морально, и это было хуже всего. Проиграл он и на очередном первенстве Европы...

На XVII Олимпийских играх в Риме он уже не считался фаворитом, ему прочили скромное место. Ведь в предварительных заездах многие показали лучшее, чем Вячеслав, время, и он едва попал в финал...

Зато в финале повторилось то же, что уже произошло в Мельбурне четыре года назад. Мощным спуртом Вячеслав нагнал опаснейшего из своих соперников. Только теперь это был уже не Маккензи, а немец Хилл. За четыреста метров до финиша Хилл все еще пытался достать русского. Но тщетно! Двадцатидвухлетний гребец получил свою вторую золотую медаль!

Он считал, что в Токио главным его соперником будет опять-таки Хилл. Но тот вряд ли видел сейчас в нем опасного конкурента: ведь Иванов проиграл в предварительном заезде. Ему оставались только заезды, называемые «утешительными». Лишь выиграв в них, он мог еще надеяться попасть в финал...

Это и было бы тем «чудом», о котором я писал вначале.

— Я не чудотворец. Но на своей собственной лодке мог бы попробовать, — грустно пошутил тогда Вячеслав Иванов в интервью с японским журналистом.

«Не все ли равно, на какой лодке?» — спросите вы. Увы, не все равно...

Одиночка «скиф» проста как скрипка. Что в скрипке? Корпус из красного дерева, струны да смычок. Вот и все, пожалуй. Остальное подробности, детали, так сказать.

В «скифе» и того проще. Корпус из тонкого красного дерева (борта нетрудно продавить пальцем), длинные и узкие, как смычок, весла. Гребец в этой лодке кажется сидящим прямо на воде. Просто удивительно, как он управляется на такой маленькой опоре со своими длинными веслами...

Лодка, как и скрипка, всецело послушна человеку. Едва уловимое движение веслами, и она приходит в движение. «Скиф» скользит по воде совершенно бесшумно. Но только горный поток мог бы развить такую скорость, как эта лодка.

Километр за километром — из них складывались тренировки. Рывок, расслабление, опять рывок... Так выработывалась скоростная выносливость. А иногда просто спокойные взмахи весел: длинное скольжение, когда гребец весь погружается в особое «чувство лодки», как говорят, «ловит ее ход».

«Слиться с лодкой, почувствовать ее особенности, прихоти, даже «настроение» — так записывал Вячеслав задания изо дня в день в своем дневнике тренировок.

А «скиф» точно и сам, в свою очередь, привыкал к человеку, повиновался не только движению его рук, но даже и пальцев, как, вероятно, и скрипка в руках музыканта...

Вот почему так важно было выступать именно на своей лодке.

И, между прочим, хозяева XVIII Олимпийских игр, японцы, отлично понимали это. Они решили срочно починить разбитую лодку советского гребца.

Работа велась японской судостроительной компанией «Дельта». Восемь человек провели тончайшую «пластическую операцию»: с помощью стекловолокна они так заделали трещину, что вес лодки увеличился всего на триста граммов.

Вот тогда и произошло «чудо», в которое мало кто верил. Вячеслав буквально вырвал победу в «утешительном» заезде и попал наконец в финал. Он опять выступал на своей лодке. Сразу же со старта Вячеслав повел мощно и ровно. Он лидировал четверть дистанции, а затем его все же обошел старый соперник Хилл, упрямый, как и четыре года назад в Риме на озере Альбано...

Но упрям и Иванов. Как тогда, в Риме, как и в Мельбурне когда-то, он повторяет свой знаменитый бурный финиш и нагоняет соперника. Томительно долгие секунды обе лодки идут рядом, нос в нос, корма в корму... И вот советская лодка медленно, сантиметр за сантиметром, выходит вперед: Хилл не выдержал натиска. Вячеслав опередил его на считанные секунды, но это и есть победа!

Президент судостроительной компании «Дельта», в прошлом гребец, поздравил советского спортсмена.

— Я рад, — сказал он, — что этому блестящему финалу в какой-то мере помогли и мы.

— Частица моей победы принадлежит рабочим компании «Дельта», — ответил Вячеслав. — Передайте им мою благодарность.

Вот так в третий раз Олимпийские игры вознаграждали его золотой олимпийской медалью.

И, наверное, эти олимпийские заезды часто вспоминаются капитану третьего ранга Вячеславу Иванову, который сейчас служит на боевом корабле Северного флота.

М. Тартаковский

МУШКЕТЕРЫ XX ВЕКА

Зал токийского университета «Васэда». Желтые металлические дорожки, спортсмены в белых элегантных костюмах, арбитры, застывшие у сложных, мигающих разноцветными огнями аппаратов. Начиналась последняя встреча командного турнира мужчин-рапиристов, в которой решалась судьба золотых олимпийских медалей. На дорожку были вызваны сборные Советского Союза и Польши.

Напряжение в огромном зале нарастало с каждым боем. Наши фехтовальщики накануне неудачно выступили в личном турнире, не сумев пробиться в финал. Что же касается поляков, то на командный поединок они вышли во главе с новым олимпийским чемпионом Эгоном Франке.

Старт. Экс-чемпиону мира Ришарду Парульскому салютует наш Юрий Сисикин. И вскоре записывает первое очко на боевой счет команды. Но тут же Франке сравнивает счет.

Наши спортсмены уходили вперед, и тут же соперники уравнивали шансы. Так было на протяжении 14 поединков!

Когда до окончания этого матча оставались только две встречи, две дуэли, при равном счете советские рапиристы имели худшее соотношение уколов, и их могла спасти лишь победа в обоих оставшихся боях... Почти безнадежное дело! У поляков остались самые сильные рапиристы — Парульский и Франке.

С экс-чемпионом мира скрестил свою рапиру Марк Мидлер, самый опытный из советских фехтовальщиков, капитан команды. Высокий поляк сумел уйти от коренастого Мидлера на внушительное расстояние — он повел 3:1. Еще два укола, и все, победа будет за командой Польши. Но Марк сравнял счет и... тут же получил четвертый укол.

Это уже по-настоящему опасно. Соперники делают ложные выпады и атаки, словно боксеры перед решающим штурмом. Вдруг оба одновременно молниями кидаются друг на друга. Треск рапир, жаркая рукопашная схватка. И оба падают на дорожку. Боксеры говорят в таких случаях: обоюдный нокдаун!

Первым поднялся Мидлер. У поляка легкое ранение, он оглушен. Но бой продолжается. Соперники занимают боевую стойку. И тут в какие-то считанные секунды Мидлер, не дав Парульскому опомниться, нанес один за другим подряд два укола. Победа!

Но предстоял еще последний поединок дня: Франке — Сисикин. Только выиграв этот поединок, наша команда получала титул олимпийского чемпиона. Юрий был незаменим именно в таких критических ситуациях. Он по праву считался самым талантливым в нашей сборной. Но относился к своему дарованию несколько легкомысленно, и это наложило отпечаток на саму фехтовальную манеру «вечно второго», как его называли в среде фехтовальщиков.

Легкий и стройный, он приходил на турнир как на праздничный бал. Шутил, рассказывал разные истории, и никто не слышал от него разговоров о боях, о соперниках. «Вон видишь, Виктор Жданович? Он все объяснит. Лучше послушай, какой смешной случай тут недавно произошел...»

Он выходил на дорожку, поддразнивая противника шуточками, шумно восхищался, когда получал хороший укол, картинно негодовал, когда судьи ошибались в ка-

кой-то спорной ситуации. Словом, Юрий вел себя на поле боя словно бы несерьезно. Но это был в общем-то старый, хотя и доступный лишь большим мастерам тактический ход, вернее сказать, стратегическая линия поведения. Спорт знает немало таких вот «легкомысленных», скрывающих за безразличной улыбкой бдительность и чуткое внимание.

Сисикин не старался разгадать замыслы конкурента, как делал это Марк Мидлер, не разрушал их, как Герман Свешников. Нет, Юрий строил свой бой вне замыслов соперника, словно его вовсе не было рядом. Как сказал однажды один из известных тренеров, Сисикин «перелезал» через чужую тактику, как через забор. Он всегда имел наготове несколько серий боевых приемов, годных для любого противника, и так ловко и коварно чередовал их, что сопернику приходилось трудно.

И тем не менее он действительно был «вечно вторым». Шутили, что в чемпионатах страны еще задолго до начала боев гравер мог спокойно трудиться над серебряной медалью Юрия. На Олимпиаде 1960 года в Риме один-единственный укол, который на мгновение быстрее сумел нанести Виктор Жданович, сделал Сисикина серебряным призером личного турнира. Стремительные взлеты в его карьере сменялись обидными неудачами. Так случилось и накануне Токийской олимпиады. Тренерский совет даже решал, кого послать вместо Сисикина. Но пришли его товарищи по команде и сказали, что без Сисикина им не выиграть. Так Юрий поехал в Токио, так очутился он среди участников финального матча на золотые медали...

И вот пущены часы в решающей дуэли между Сисикиным и Франке.

Оба прекрасно понимали, что на карту поставлено все, ради чего трудится спортсмен целые годы, иногда всю жизнь. Поединок высочайшего нервного напряжения, когда каждое малейшее движение клинком может

трансформироваться в укол и приблизить одного из соперников к триумфу, а у другого отнять надежду.

Бой складывался явно в пользу нового олимпийского чемпиона Эгона Франке, который, что говорится, был в ударе. У него получалось все, что он замышлял. И уже через несколько минут польский рапирист вел в счете — 4 : 2. Сисикин безнадежно проигрывал. Поляку достаточно было нанести последний удар.

До окончания боя оставалась одна минута.

2 : 4 — с таким счетом проигрывал Сисикин.

3 : 4 — такие цифры зажглись на электротабло после молниеносной «флешь-атаки» Сисикина, когда Франке не успел даже перехватить его рапиру. Оставалось полминуты.

4 : 4! Таким стал счет, когда, отразив атаку польского рапириста, Юрий хладнокровно контратаковал, запутал соперника в сети обманных движений и острием своей рапиры достал-таки электрокуртку Франке.

Оставалось несколько секунд...

Кто?! Кто первый нанесет этот поистине «золотой» укол Олимпиады? Чемпион ли, так внезапно выпустивший инициативу из своих рук, или наш рапирист?

Секунды боя летели с сумасшедшей скоростью. Вот-вот должен был упасть флажок на часах. И Юрий кинулся вперед в расчете на то, что ошеломленный соперник не сумеет опередить его.

Мелькание клинков, гулкий топот быстрых ног по дорожке. Стремительно выброшенная вперед рука Сисикина. И восторженные овации товарищей по команде!

Герман Свешников с победным кличем вспрыгнул на высокий помост, где была уложена боевая дорожка, вскочил Сисикину на плечи и в полном восторге разодрал на приятеле его мушкетерскую куртку, крепкую куртку, прошитую металлической нитью, и она пошла клочками на сувениры.

Так была завоевана эта красивейшая и труднейшая победа, после которой Юрий Сисикин распрощался с титулом «вечно второго»...

И. Образцов

МУДРОСТЬ ТРЕНЕРА

В разгар спортивного сезона 1962 года пришла ко мне тяжелая усталость: казалось, наверное, напряжение бесконечных выступлений. От недели к неделе все труднее удавалось преодолеть даже тот минимум нагрузок, который нужен для поддержания спортивной формы. Перестали радовать победы, и на тренировку шла как на пытку. А до чемпионата Европы оставалось всего шестьдесят дней...

Как-то после очередной вымученной тренировки мой учитель Виктор Ильич Алексеев сказал: «Тамара, пора отдохнуть от стадиона. Поедем в лес. Места я знаю дивные, грибные».

На следующий день рано утром я заехала за Виктором Ильичом и его супругой Хильдой Оскаровной, которая была директором нашей спортивной школы.

Меня ждали: Виктор Ильич, уже одетый по-дорожному, держал в руках неизменный рюкзак, в котором, как мы шутили, помещался едва ли не целый стадион. Хильда Оскаровна припасла каждому по лукошку.

— Куда путь держим? — поинтересовалась я.

— В лес, на Карельский перешеек, — ответил Виктор Ильич.

Позади остались новые районы Ленинграда; свернув с шоссе, мы проехали километров десять по проселку и остановились на поляне, окруженной редким березняком.

Здесь-то и началась тренировка. Привычная, потому что отрабатывали финальные усилия в метании диска и толкании ядра, имитировали броски, пробежки, прыжки. И в то же время непривычная — мы ведь тренировались в лесу.

Удивительный талант Виктора Ильича состоял в том, что мог он мгновенно приспособиться к новым условиям, в которых оказывался с учениками.

По объему занятия были не меньше, чем на городском стадионе, но я заметила, что делаю упражнения с охотой, играючи, можно сказать, с наслаждением, и все было как бы внове. Тренер сумел, используя лесную тропинку, горку, ветку елки, максимально унифицировать движения, оставив их общий рисунок, принцип и в то же время придав им новые, незнакомые дотолле оттенки, ориентиры.

Два часа интенсивной тренировки, которые на стадионе меня бы измотали, здесь, в лесу, почти не утомили.

Потребуй Виктор Ильич повторить тренировку, я могла бы делать все сначала.

Я так и сказала Виктору Ильичу.

Но он неожиданно возразил:

— На сегодня хватит. Мы с тобой заслужили отдых. Вот он лес! Пойдем послушаем пение птиц и узнаем, о чем шепчутся деревья, соберем дары леса.

— Виктор Ильич, если вы имеете в виду грибы, то я уже пробовала их собирать... У меня такое впечатление, что они от меня убегают.

— Так уж и убегают? — Он улыбнулся. — Просто надо научиться их видеть, а для этого совсем немного нужно: терпение. И, конечно, знать, какой гриб где растет. Взять хотя бы опята, которые так тебе нравятся. Вообще-то они любят трухлявые пеньки, а бывает, забираются и высоко на деревья. А белые любят смешанный

лес, плотную почву. И если не полениться и низко наклоняться, особенно заглядывать под разлапистые елки, обязательно найдешь грибы. В лиственном лесу, где много берез, ищи подосиновики и подберезовики, лисички любят мох, а маслята — солнечные поляны. А теперь пойдем и проверим, как все это бывает на самом деле.

Мы уходили все дальше в чащобу, и лес я увидела уже в ином свете.

— Ты чего это шарить глазами поверху? Мы ведь грибы ищем.

— Говорю же, я на них невезучая.

— А это что?

Смотрю и не верю самой себе: под елкой, чуть прикрытый листьями, стоит огромный боровик... И тут моим «охам» и «ахам» не было конца: грибы выстроились словно на параде...

С тех пор мы часто переносили тренировки в лес. Потом я узнала: тот первый памятный для меня парад грибов я увидела благодаря моему учителю — он заранее присмотрел это место и решил наглядно преподать мне урок и показать, что такое лес.

Вот какой был у меня тренер. Он воспитывал не только спортсмена, но человека прежде всего. Воспитывал даже такими, казалось, незначительными событиями, как эта первая наша вылазка на природу. Благодаря ему я, приехавшая из степного Самарканда и с детства не знавшая леса, влюбилась в среднерусские дубравы и перелески. Виктор Ильич считал, что без постоянного общения с лесом, с природой человек становится духовно беднее... Мы бродим по лесу, и он пробуждает в сердце самое сокровенное, помогает острее увидеть прекрасное. Теперь-то я понимаю то, о чем Виктор Ильич не говорил, но что, конечно же, имел в виду: лес делает человека добрее, чище, терпимее к окружающим...

Сам Виктор Ильич в лесу черпал вдохновение, как бы приобщался к чаше мудрости и терпения. Он не раз признавался: идеи многих экспериментов, упражнений, которые потом были взяты на вооружение чуть ли не во всех видах спорта, пришли к нему на лесных тропах и полянах... В лесу он отдыхал — его радовало буйство трав, он не мог надышаться их ароматом. А как он любил посидеть у костра, испечь картошку, выпить чай с дымком! И никогда при этом не забывал затушить огонь, засыпать костер землей, собрать и закопать консервные банки и другой мусор. Природа должна сохраняться в первозданной своей красе. Хотя бы для того, чтобы те, кто придет в лес после нас, испытали на себе его очистительное воздействие.

Виктор Ильич был убежден: городской житель, чтобы сохранить себя на многие годы бодрым и здоровым, должен хотя бы раз в неделю побродить по лесу. И лес, подобно чудесному исцелителю, словно рукой снимет нервное напряжение, от которого так устают современные горожане.

Свою первую спортивную группу, которая затем переросла в знаменитую на весь мир школу, Алексеев создал на полянах пригородного ленинградского поселка Ольгино. Природа помогла ему сделать своих учеников союзниками и единомышленниками.

И это не просто слова... Вспоминаю себя в тот памятный год — от тренировки к тренировке ко мне возвращались уверенность и спокойствие. Спортивный сезон закончился первенством Европы, на котором мне удалось завоевать две золотые медали. И, конечно, победить на Олимпийских играх в Токио очень помогли тренировки на лесных полянах Карельского перешейка.

Т. Пресс

Ричардас Тамулис боксировал спокойно, уверенно, явно превосходя малоизвестного соперника. А тот горячился, опрометчиво бросаясь в неподготовленные атаки, и «проваливался», рассекая перчатками воздух. Никто не сомневался, что этот поединок в матче Литва — Варшава завершится в пользу советского чемпиона, как вдруг случилось такое, чего еще не знала история бокса. Когда соперник «раскрылся», Тамулис обрушил на него свой знаменитый свинг слева, но удар пришелся не перчаткой в подбородок, а серединой плеча о локоть. В партере слышали, как у Тамулиса хрустнула кость, и сломанная рука повисла плетью...

Он не помнил, кто довел его до кареты «Скорой помощи». В памяти запечатлелся только вой сирены стремительно мчащегося по вечерним варшавским улицам автомобиля, а затем... страшный удар, острая боль, пронзившая мозг, и все провалилось в небытие.

О том, что произошло, уже после операции рассказал врач: в машину «Скорой помощи» врезался выскочивший откуда-то из переулка автобус, и в момент катастрофы у Тамулиса была вторично сломана рука.

Домой, в Каунас, Ричардас вернулся с гипсовой повязкой на руке. Друзья и родные утешали как могли, желали скорого выздоровления, но о боксе никто уже не говорил, и Ричардас понимал, что означает это деликатное умолчание.

Кости срастались хорошо, и через десять недель врачи сняли гипс, назначив лечебную гимнастику. А Тамулис сам дополнил ее кроссами и упражнениями из арсенала общефизической подготовки. Где-то в душевных тайниках зарождался дерзновенный план: не только вернуться на ринг, но и выступить... на Олимпийских играх. До них оставалось полгода, и, значит, было еще время обрести былую спортивную форму. К тому же дело бы-

стро шло на поправку. Самочувствие и настроение были великолепными, как вдруг новое несчастье: в начале мая он поскользнулся на лестнице и упал... на травмированную руку. На сей раз хирургам предстояло сделать двойную и чрезвычайно сложную операцию.

Перед его возвращением из больницы родители сняли со стены боксерские перчатки, но нельзя было спрятать мысли о боксе: о нем Ричардас думал постоянно, о нем напоминали кубки, вымпелы, жетоны, медали на ярких муаровых лентах.

Большинство подростков приходит в спорт от избытка сил и жизненной энергии. У Ричардаса все произошло наоборот. Он рос болезненным, хрупким, но старался не отставать от сверстников в различных дворовых состязаниях в силе, ловкости и смелости. Решил доказать свои возможности прыжками с крыши высокого сарая, но закончилось это для нашего героя... переломом левой ноги. Берцовая кость срослась неправильно, одна нога короче, и мальчик остался с заметной хромотой.

Его дразнили и обижали более сильные ребята, и на его месте другой бы замкнулся, ушел в себя, отгородился от других стеной обостренного самолюбия. А Ричардас с недетской твердостью решил иначе: наперекор всему непременно стать сильным. Прочитав где-то, что бокс — отличное средство самозащиты, дающее огромное преимущество в рукопашной схватке даже с физически более сильным противником, паренек решительно направился в боксерский зал «Спартак». Тренер Антонас Заборас сумел раскрыть в тщедушном новичке незаурядную способность быстро усваивать тонкости бокса. И через несколько месяцев занятий Ричардас начал успешно выступать на соревнованиях, побеждая соперников не силой, а умением.

Но бокс не обходится без синяков, и, увидав их, отец запретил мальчику ходить на тренировки. Немало затратил времени и красноречия тренер, чтобы переубедить

Тамулиса-старшего, но в конце концов добился снятия вето. И вскоре Ричардас принес домой маленький мельхиоровый кубок, выигранный на первенстве Литвы среди мальчиков, — первая награда за спортивное трудолюбие. Вскоре рядом с ним появились призы за победы на всесоюзных соревнованиях юных в 1955—1956 годах, а затем и первая золотая медаль, завоеванная на III международных спортивных играх молодежи и студентов в Москве в 1957 году.

Через полгода на всесоюзном первенстве Ричардас Тамулис завоевал «путевку» на чемпионат Европы 1959 года. Там ему пришлось выступать в новой, более тяжелой весовой категории — второй полусредней, и дебют сложился неудачно: Ричардас выбыл из турнира после первого же боя. Некоторое утешение принес чемпионский титул на II Спартакиаде народов СССР, после чего и началась его интенсивная подготовка к XVII Олимпийским играм.

С большими надеждами на победу в Олимпиаде был встречен 1960 год, и вдруг подряд два перелома руки! Неужели новая травма оборвет удачно начавшийся путь к вершине спортивной славы?

В конце года был снят гипс, и снова назначена лечебная гимнастика, но проходили недели за неделей, а рука полностью не разгибалась и пальцы в кулак не сжимались. И хирурги категорически запретили Ричардасу боксировать.

Он совсем упал духом, даже стал пропускать лечебные процедуры: к чему они!

В эту трудную пору и пришел на помощь спортсмену знаменитый экс-чемпион Европы в тяжелом весе Альгирдас Шоцикас. Этот могучий и веселый человек, пышущий здоровьем, был способен заразить своим оптимизмом кого угодно. Он явился не успокаивать Тамулиса, нет, он пришел с дерзновенным планом возвращения его на ринг и сумел вселить уверенность в успехе.

Ричардас стал ежедневно приходить в спортивный зал и сотни, нет, тысячи раз выполнять одни и те же упражнения ортопедической гимнастики. Изнурительный труд. Приходилось терпеть боль, преодолевать усталость и отвращение к однообразию движений. Однако он трудился до седьмого пота и вскоре стал замечать, что некогда громадная дистанция, отделявшая его от ринга, начала постепенно сокращаться.

К зиме мышцы больной руки настолько окрепли, что в январе из кости удалили хирургический гвоздь, и некогда обреченный Ричардас был признан окончательно здоровым.

Он тренировался как одержимый, стремясь наверстать упущенное, и спустя две недели после выздоровления стал чемпионом Литвы, через три месяца — чемпионом СССР, а в мае 1961 года выступил в Белграде на чемпионате Европы. Ценители бокса восхищались его искусством маневрирования, арсеналом приемов активной защиты и мгновенных контратак, а главное, завидным хладнокровием, мудростью тактического мышления, за что журналисты называли Тамулиса «философом ринга». Он был провозглашен чемпионом Европы.

Спустя год Тамулис вновь выиграл первенство страны, а затем... с ним опять стряслась беда.

В один из июльских вечеров 1962 года на каунасском стадионе «Жальгирис» боксеры занимались легкой атлетикой. В забеге на 100 метров сошлись азартные ребята под стать друг другу, и на дорожке разгорелась острая борьба. Стремясь во что бы то ни стало вырвать победу, Ричардас сделал рывок корпусом на финишную ленточку и, потеряв равновесие, упал на правое плечо. Перелом ключицы с разрывом акромиально-ключевого сочленения — таков был диагноз хирургов, приступивших к сложной пластической операции.

Вновь потянулись изнурительные недели лечения.

Правая рука была еще в гипсовой повязке, когда из Москвы пришел вызов на сбор. В ответ Федерация бокса СССР получила телеграмму: «Из-за травмы Тамулис временно не тренируется. Шоцикас».

Подумать только — «временно», когда эта травма вполне могла кончиться инвалидностью. Но в этом лаконичном ответе выразилась твердая уверенность чемпиона и его наставника в скором выздоровлении. Впрочем, врачи, как и прежде, не разделяли их оптимизма, но и в третий раз им пришлось удивленно разводиться руками.

Страстное желание как можно скорее вернуться в спорт и закаленный спортом организм Тамулиса привели к успеху в лечении и этой травмы. Не прошло и четырех месяцев, как Тамулис возобновил тренировки. К весне он обрел былую спортивную форму и в мае 1963 года блистательно выступил на XV чемпионате Европы. Филигранно отточенная техника боксирования и легкость передвижения, тонкость тактики и безупречность маневрирования вновь принесли ему «европейскую корону».

А в сентябре 1964 года сбылась наконец его заветная мечта: он стал участником олимпийского турнира. Стартовал блестяще, одерживая победу за победой, и был близок к успеху в финальном бою, но в равном поединке достойных друг друга соперников чаша весов спортивной Фемиды, поколыхавшись, чуть-чуть склонилась в сторону польского чемпиона. Досадно, конечно, но и стать «второй перчаткой» мира — выдающееся достижение, тем более для Тамулиса, столько пережившего на пути к олимпийскому пьедесталу почета. Его серебряная олимпийская медаль явно имела золотой отлив.

Г. Еленский

«ОПЯТЬ ОБМАНУЛ»

Не слишком веселым выглядел прославленный советский пятиборец Игорь Новиков перед началом чемпионата мира 1965 года в Лейпциге. Это было его последнее соревнование. Ему исполнилось тридцать пять лет, а в большом спорте, как считали «специалисты», это уже старость.

Новиков, правда, был убежден, что спортсмен должен сохранять место в сборной и выступать на международных соревнованиях до тех пор, пока остается сильнейшим в стране. А в то время он считался непревзойденным пятиборцем. Да и тридцать пять ему было разве что только по паспорту: медицинское обследование показало, что у него сердце как у восемнадцатилетнего. Это благодаря режиму и тому, что он никогда не курил и не брал в рот спиртного...

И все-таки он твердо решил «уйти». Надоели косые взгляды, недовольство молодых атлетов, которым «доброжелатели» внушали, будто лишь из-за них, ветеранов, этих упрямых «стариков», они, молодые, не попадают в сборную...

Впрочем, пожалуй, и в самом деле хватит. Спортом он увлекся еще в сорок третьем! Именно тогда пришел он в бассейн Еревана, ставшего его второй родиной, а родился он в Павлове-Посаде под Москвой.

Начинал он с плавания, и неплохо начинал, стометровку вольным стилем проплывал примерно за минуту, что считалось хорошим результатом. Был даже чемпионом Закавказья и призером юношеского первенства страны. Еще играл в водное поло и волейбол, и тоже неплохо. Потом на лыжах ходил, гимнастикой занимался. Словом, был разносторонним спортсменом. Наверное, оттого и стал в 1951 году чемпионом СССР по пятиборью, в которое входили верховая езда, фехтование на шпагах, стрельба из пистолета, плавание и бег.

Все другие спортивные увлечения забросил Игорь ради пятиборья и совершенствовался только в нем. Выступал на Олимпийских играх 1952 года в Хельсинки. Четырежды выигрывал звание чемпиона СССР, столько же раз чемпиона мира, дважды был золотым и однажды серебряным призером Олимпийских игр в командном зачете, серебряным в личном...

Действительно хватит!

И только одного хотелось — на прощание особенно блеснуть мастерством. Но вот этого-то он и не мог. На Олимпиаде в Токио в 1964 году получил травму, несколько месяцев не тренировался.

Правда, в 1965 году, как раз перед чемпионатом мира Новиков выиграл два турнира и с неплохими результатами, но сделать что-либо особенное сейчас он, кажется, действительно не мог.

Вот почему не слишком весело было Игорю в Лейпциге, хотя он старался не показывать вида и, как всегда дружелюбно улыбаясь, обменивался приветствиями со знакомыми зарубежными спортсменами.

— Ну что, опять нас удивишь? — спрашивали они.

А когда Новиков в ответ качал головой, не верили:

— Да ты всегда так: говоришь, пока не знаю, а потом медаль.

— Нет, на этот раз я в самом деле не в той форме...

Наконец начался первый этап программы соревнований — преодоление препятствий на коне.

Когда-то первым видом был кросс. Тоже конный, но совсем иной, нежели сейчас. Тогда трасса была многокилометровой, прокладывалась на местности со сложным рельефом, и в самых «горячих» точках — на спусках, подъемах и поворотах — устанавливались препятствия. Трудно было не только пятиборцам, но и зрителям. Чтобы увидеть, как проходит дистанцию спортсмен, они перебежали с места на место, и перебежки эти были вовсе не легкой прогулкой: болельщикам приходи-

лось преодолевать разнообразные естественные преграды.

Теперь зрители сидят на трибунах и видят все. Ведь скачка проходит на прямоугольном поле, на котором установлены барьеры. Всего их пятнадцать, и, чтобы перепрыгнуть через них, достаточно проскакать около километра. Тот, кто делает это успешно, получает максимальную оценку — 1100 очков. При каждом повале препятствия всадник теряет от 10 до 20 очков, при падении — от 30 до 60, при «закидке» — отказе лошади повиноваться — 40. Кроме того, отнимаются от итоговой суммы по 2 очка за каждую секунду, затраченную на скачку сверх нормы, то есть свыше двух минут.

В общем, если раньше конный кросс был настоящим испытанием не только мастерства пятиборца, но и его воли и мужества, то теперь это в основном проверка навыков и техники верховой езды.

Однако и сегодня спортсмена ждут неприятности, если он не сумеет найти «общего языка» с лошастью, причем за короткое время: конь достается пятиборцу по жребию и всего за двадцать минут до старта! Нужно успеть познакомиться с конем, выявить его сильные и слабые стороны и умело использовать их в скачке — словом, на ходу изучить характер лошади.

Наша команда состояла из трех спортсменов. Новиков и Альберт Мокеев уже много раз выступали на международных чемпионатах и имели опыт, который особенно необходим в первом виде. Третий участник команды Павел Леднев вообще впервые выступал на чемпионате мира.

Мокеев проскакал удачно. Погрешности были, они у всех случаются, но в целом результат хороший — что-нибудь около девятисот очков.

Теперь очередь пяти зарубежных спортсменов, а потом стартует Леднев...

Вот и его очередь.

Но что это? Игорь сразу, с одного взгляда понял, что Леднев не нашел подхода к лошади. И, кажется, не справится с ней. Его красивый и норовистый конь не пожелал даже подходить к стартовому створу, он плясал и кружился, а Павел, не придумав ничего лучшего, хлестал коня...

Игорь похолодел. Если так будет продолжаться, может случиться самое страшное — дисквалификация. Она следует после того, как лошадь сделает три «закидки»... А этот конь может совершить такое: он явно невзлюбил своего временного хозяина и ждет не дождется, когда избавится от него...

Павел заставил-таки коня взять старт и направился к первому препятствию...

«Может, все-таки обойдется? — надеялся Новиков. — Может, Павел и сам успокоится, и лошадь уgomонит, и та хоть как-нибудь дотянет до финиша? Пусть Павел потеряет несколько десятков, даже сотню-другую очков, лишь бы закончил дистанцию...»

Увы. Надежды эти оказались напрасными.

Раздался колокол, известивший о том, что Леднев снят с трассы досрочно, что он не получит ни одного очка.

Это была настоящая трагедия. Потеряв примерно тысячу очков или что-то около того, сборная СССР лишилась шансов не только на медали, даже на возможность войти в первую десятку!

Игорь пришел в отчаяние, однако это чувство проявилось у него весьма своеобразно.

Он забыл обо всем. И даже о травме. Куда делись его недавние грустные размышления по поводу предстоящего ухода из большого спорта, его печально-счастливые воспоминания о минувших победах... Теперь он думал только об одном — о том, что пока он еще в сборной и потому должен во что бы то ни стало сделать все, что в его силах, чтобы спасти положение...

Его последнее выступление за сборную и в самом деле было запоминающимся. Больше того, стало легендарным! Во всех пяти видах соревнований он получил более чем по тысяче очков, и его сумма оказалась второй. Лучшая была только у талантливейшего пятиборца — венгра Андраша Бальцо. Под стать Игорю выступали потом и Мокеев с Ледневым. В итоге сборная СССР, как и сам Новиков, получила серебряную медаль.

— А что ты говорил перед стартом? — иронизировали зарубежные соперники Игоря. — Опять обманул...

В. Бабкин

ПОРТРЕТ

Фехтовальщики готовились к Токийской олимпиаде 1964 года. К ним приехал фотокорреспондент, чтобы сделать заранее снимки тех, кто может стать чемпионом или призером. Кандидаты принарядились, причесались.

А тренер Семен Яковлевич Колчинский всех спрашивал:

— Гришу не видели? Куда он запропастился?

Фотограф покончил с делами, собрался уезжать.

— Подождите, пожалуйста, — уговаривал его Колчинский, — еще одного хлопчика сфотографируйте, Гришу Крисса.

— Да у меня его и в списке нет.

В его успех не верили. Во-первых, потому что он был дебютантом, а во-вторых...

Уж очень не вписывался в компанию рослых атлетов-шпажистов этот невысокий сутуловатый паренек. И в бою на дорожке Крисс как-то странно себя вел. Он подшагивал, недошагивал, надоедал противнику непрерывными ложными атаками. Рука его при этом поддер-

гивала брюки, перчатку, даже ухитрялась чесать за ухом, что нервировало судей и выводило из равновесия противников. Но, едва наступал опасный момент, Гриша чуть отпрыгивал, ровно настолько, чтобы не получить укола, и снова начинал «обстрел». Когда противник, совершенно издерганный, на секунду терял бдительность, Крисс наносил неотвратимый укол.

Такое нетрадиционное, непонятное фехтование вводило в заблуждение знатоков этого старинного вида спорта. О Криссе не спорили, в его талант просто не верили.

Только Колчинский верил в него.

Итак, фотограф твердил, что Крисса снимать не положено. Только один довод, который Семен Яковлевич прошептал ему на ухо, почему-то подействовал: «У вас есть возможность прославиться».

Крисс появился, подбрасывая ногами камешки, руки в брюки. Светлые вихры растрепаны, ворот клетчатой рубахи распахнут.

— Ну вот, — сказал фотограф, — и одет не по форме.

Но Колчинский уже тащил к нему своего ученика.

...Впервые Крисс появился в киевском спортивном зале «Динамо», где вел занятия Колчинский, в 1959 году. Мальчишка в кепке набекрень и с полной ладонью семечек наблюдал за тренировкой, временами комментируя ее.

— Ой, я не могу, дядя, вы их чего на веревки привязали, думаете, сбегут?

Колчинский снял маску:

— Иди сюда. Сейчас посмотрим, что ты за явление такое. Дайте ему шпагу.

— Давайте, что тут сложного?

Мальчик встал на дорожку, и с него быстренько сбили спесь, а потом показали, как надо фехтовать. На следующий день он пришел на тренировку.

За месяц до Олимпиады после чемпионата СССР, где Крисс стал победителем, заседал тренерский совет. Было решено: Крисса в Токио взять, но только для участия в командных соревнованиях. Там его необычность может пригодиться, а в личных пропадет эффект неожиданности.

Но в этот последний месяц тренировок Григорий очень успешно выступал и выиграл все поединки-прикидки, и тренеры вынуждены были заявить Крисса на участие в личном турнире.

В Токио в решающем бою за выход в финальную четверку жребий свел Крисса и поляка Гонсиора, которому наш спортсмен проиграл на международном турнире год назад. Еще до начала поединка Гонсиор принимал поздравления. Все были уверены в его победе.

И тут на дорожке начались невероятные вещи. Григорий нанес первый, второй, третий уколы... Богдан Гонсиор сорвал маску, бросился к тренеру Збигневу Чайковскому. Но тот успокоил спортсмена: видимо, это случайность. Но бой закончился с разгромным для Гонсиора счетом — 10:3.

Колчинский вспомнил, как год назад на турнире в Польше он беседовал с известным английским спортсменом Хоскинсом. Тот тогда победил, а Гриша и до финала не добрался. Тем не менее англичанин заинтересовался у Семена Яковлевича, кто из его учеников претендует на место в олимпийской сборной — Витебский или Крисс.

В решающем бою за олимпийское «золото» опасения Хоскинса оправдались. Впервые советский шпажист стал чемпионом Олимпийских игр.

Теперь в определении Крисса-бойца появились новые слова. Вместо «странный», «непонятный» предпочитали говорить «яркая индивидуальность». Правда, Григорию продолжали советовать несколько изменить стойку, слегка исправить выпад, добиться более четкого

передвижения. Но Крисс полностью доверял Колчинскому, который следовал своей системе постепенного совершенствования индивидуальных качеств ученика. Сначала вера в тренера, а потом и собственные наблюдения помогли спортсмену сохранить своеобразие своего стиля. Практика показала, что киевляне были на правильном пути. Григорий Крисс дважды выигрывал чемпионат мира, несколько раз становился серебряным и бронзовым призером мира, был неоднократным победителем чемпионатов страны и международных турниров.

Внимательное отношение к индивидуальным качествам бойца стало главным правилом Крисса и в его тренерской работе.

Семен Яковлевич не раз был свидетелем того, как его ученик, приходя на занятия младшей группы, поправлял кому-то стойку, кого-то обучал новому приему, и мальчишке, проигрывавшему товарищам, читал целую лекцию по тактике ведения фехтовального поединка.

Однажды во время тренировки Крисс увидел, что в зал заглядывает малыш и тут же прячется.

— Что, нравится? Да рановато тебе еще на фехтование.

Мальчик зашмыгал носом.

— Сырости нам тут не хватало. А ты в бассейн пробовал? Тебе туда в самый раз.

— Там уже, говорят, набор кончился, — прогудел мальчишка.

Григорий отпросился у Колчинского, взял мальчишку за руку и повел в бассейн. Из кабинета директора вышел возбужденный, но довольный.

— Вот все и уладили, а ты сразу нюни распустил.

На ежегодном турнире во французском городе Пуатье сборная СССР в течение многих лет останавливалась в одной и той же гостинице. Сынишка хозяйки Никола сразу влюбился в Григория. Никола говорил на французском, а Крисс на русском языке, но они очень

хорошо понимали друг друга. Во время турнира Никола сидел в первом ряду и перед каждым боем окликал Крисса:

— Гри-го-рий!

Обернувшись, Григорий видел мальчика, вытягивающего руки с двумя сплетенными пальцами. Это был тайный знак Николая, который должен был принести победу его кумиру. Но однажды знак не помог. Крисс проиграл решающий бой.

— Когда я увидел, — вспоминает он, — сколько слез пролил мой маленький друг, то ругал себя на чем свет стоит. В принципе я мог выиграть тот бой, но расслабился как-то. Тогда я пообещал Николая, что на следующий год стану победителем турнира. Конечно, не только поэтому я победил в 1969 году, но, кроме всего прочего, помнил, что не должен огорчать своего болельщика.

Я спросил у Крисса, каким качествам он уделяет основное внимание при отборе учеников: физической подготовке, психологической устойчивости, быстрому умению усваивать материал...

Он ответил неожиданно:

— Порядочности. Доброму отношению к противнику. Можно спорить о тренерском кредо Крисса. Бесспорно одно: тот тренер, который в первую очередь выделяет перечисленные мной качества, свою основную задачу видит в достижении чисто спортивного результата. Тот же, для кого важна в первую очередь нравственность, воспитатель в широком смысле слова.

Я попыталась возразить Григорию:

— А как же доброта должна уживаться со спортивной злостью?

— Я не отрицаю, что спортивная злость нужна. Но у некоторых она направлена на противников, я же считаю, что злиться спортсмен имеет право только на себя.

Григорий вырос без отца — тот погиб еще в первый

год войны. Его детство прошло на Подоле в Киеве. После войны в этом районе были пустыри, свалки, полуразваленные домишки, которые служили пристанищем всяческой шпаны. С Подола Крисс принес в зал озорство и непокорность, неуемное стремление поступать наперекор всем и всему. Эти качества помогли ему в спорте стать тем, кем он стал, они же, не будь спорта, могли завести его и на кривую дорожку. Спорт внес в его жизнь смысл, красоту, окрыленность. Вложить в учеников те же представления о спорте — мечта и высшая цель Крисса-тренера.

Сейчас он тренирует юношескую сборную Украины. Среди его учеников Игорь Кучерявый — призер молодежного первенства страны и финалист чемпионата мира среди юниоров, Александр Курач, чемпион страны, победитель молодежного первенства социалистических стран.

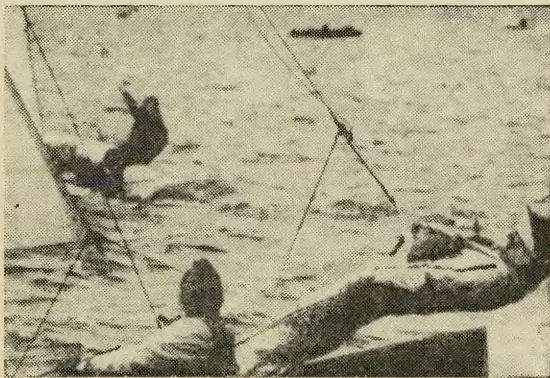
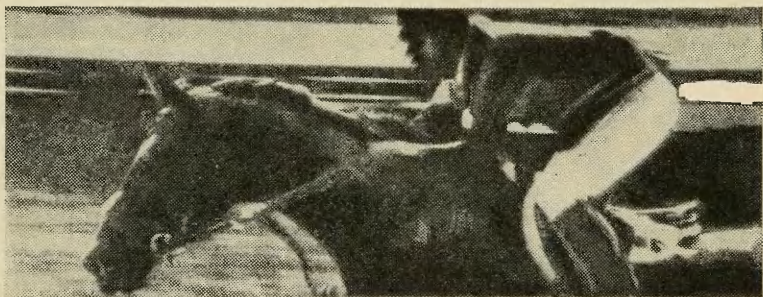
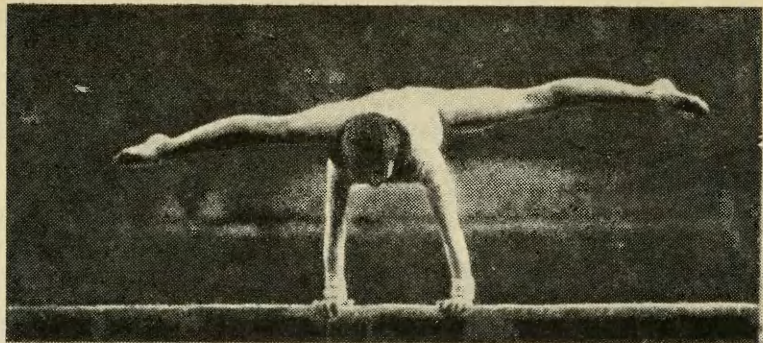
Т. Колчанова

1968

ГРЕНОБЛЬ МЕХИКО

ТАК ВОТ ТЫ КАКАЯ, ОЛИМПИАДА!

Четыре золотые медали и одну серебряную привез с Олимпийских игр Евгений Гришин. Его называли «королем спринта», «дьяволом», «Джесси Оуэнсом на льду». Как-то я спросил Евгения Романовича Гришина: «Какая из четырех Олимпиад, в которых вы участвовали, запомнилась больше всего?» Ответ был неожиданным: «Игры в Гренобле, обещавшие лед, обещавшие скорость, но подарившие дождь со снегом и скромное четвертое место, это была единственная Олимпиада, с которой я вернулся без медали».

Вообще-то это в характере Гришина — тщательно анализировать неуспехи, не упиваться славой победных сражений, а требовательно возвращаться к тем дням, когда случалось проигрывать. Прошу Гришина рассказать о Гренобле-68 и объяснить, почему именно тот февраль более всего запомнился ему за 20-летнее пребывание в сборной СССР.

И Гришин начал свой рассказ об Олимпиаде-68:

— Сижу в раздевалке и слышу краем уха: «Все фавориты признались в своей беспомощности — где Судзуки? Где хваленый Блечфорд? Где наш Лепешкин? Олимпиада — это лотерея. Подумать только — норвежский многоборец Томассен

выигрывает «серебро», а спринтеры не попадают в первую десятку... Почему?»

Меня волнует этот разговор, но нет сил вмешаться и сказать ребятам только одно слово: «Олимпиада!»

Олимпиада — вот он, пароль, ответ на вопрос, почему все спринтеры, которые имели в активе 39 секунд, не могли показать в Гренобле приличных результатов. Олимпиада! Олим-пи-ада!

Ее ждешь четыре года и сгораешь от нетерпения. Волнуешься! Не считаешь своих сил! Потому что ты, хоть и в четвертый раз участвуешь в Олимпиаде и за тобой закрепилось прозвище Дед, даже ты не можешь предугадать всего, что случится на Олимпийских играх.

...Лежу на раскладушке. Входит Валерий Муратов. Он не знает, куда спрятаться от стыда — еще бы, чемпион СССР, фаворит, обязан был завоевать медаль, а занял 18-е место... Парень, безусловно, талантливый, ему еще жить и жить в спорте, и побед на его долю должно достаться немало, но старт на Олимпиаде грустный. Удрученный своим неудачным бегом, Муратов снимает коньки, трет перчатками глаза, чтобы не расплакаться, и говорит по-детски наивно:

— Так вот ты какая, Олимпиада!

Сказал и тяжело вздохнул, словно сбросил с плеч груз нескольких лет. А что же говорить мне? И как вздохать? Я ведь прошел сквозь четыре Олимпиады, каждая из которых отнимала по четыре года жизни! Ну и характер у вас, Олимпийские игры!

И разве нужно удивляться, что мировой рекордсмен финн Юхани Ярвинен, проиграв мне в 1960 году в Скво-Вэлли, снял коньки, забросил их в сугроб и пошел по льду босиком. И мороза он, конечно, не чувствовал. А в Гренобле-68 я, 37-летний «старик», заняв четверное место, взял в руки коньки, развел руки и крепко накрест ударил одно лезвие о другое. Эти коньки свое отзвене-

ли... Моя последняя Олимпиада. Я стоял и вспоминал, как еще год назад ходил на костылях...

А пошел я на костылях так легко, словно всю жизнь пользовался ими. Неужели воспоминания о ранении 1942 года сохранились спустя четверть века? Тогда немцы рвались к Туле, и двенадцать осколков фашистской авиационной бомбы впились в мое тело, и только удачная операция спасла ногу от ампутации. Как сейчас помню военный госпиталь: под стеклянным колпаком лежит обугленный легчик и кричит, не в силах сдержаться... Суется медсестры. Хирург делает мне операцию, выковыривает из ноги какие-то тряпки — обрывки носков, штанов, которые с осколками попали внутрь. Я терплю, а доктор говорит: «Еще бы сутки, и даже Вишневский не спас бы тебе ногу...»

И вот через двадцать пять лет снова костыли... И когда? За десять дней до турне спринтеров по каткам Инцеля и Инсбрука, Мадонны-д'Кампильо и Кортины д'Ампеццо. Как все получилось тогда глупо и бесславно! Мороз в Челябинске был сорок два градуса. Но сборная страны тренировалась. Мы катались по десять-пятнадцать кругов и уходили греться. Ноги замерзали, пальцы не сгибались, отказывались слушаться. Когда я уже спешил в раздевалку, ко мне подкатил Валерий Крот — товарищ по армейской команде:

— Евгений Романович, помогите старт отработать!

Первый раз мы стартовали хорошо. Во второй я плохо среагировал на команду «марш!» и упал. И своим острым коньком перерезал себе стопу до кости. Рассек вену, нерв, сухожилие. Если бы не металлическая площадка, на которой держится конек, я перерубил бы себе и кость...

Когда увидел кровь, которая мгновенно застыла на морозе, я еще попытался шутить: «Так бесславно закончил свой путь конькобежец Гришин!»

В госпитале сделали операцию.

Через десять дней мне сняли швы, и я сбежал в Ленинград. Там проводился матч городов, и я мог трезво сопоставить свои возможности и достижения товарищей. Молодежь бежала отлично, а я был с костылями. Вот такой он, мой финиш! На Олимпиаде меня никто не будет спрашивать, как я готовился — тренировался или лежал в госпитале, бегал кроссы или отсыпался... На Олимпиаде...

Да, я думал об Олимпиаде... А руководство сборной страны уже, наверное, рассталось со мной как со спортсменом. Мне предложили быть тренером по спринту. Согласился. И поехал в турне по Средней Европе в роли наставника молодежи.

В Инцеле ко мне подошел мэр города и попросил выступить на льду их прекрасного катка. Я отказался — нога еще болела. Рисковать было нельзя. Но мэр стал рассказывать об истории баварского катка, о росте популярности скоростного бега в ФРГ, о том, что почти все сильнейшие скороходы мира бежали по этому льду, оставляя на его глади автографы мужества и мастерства — мировые рекорды.

— На этом льду выступали все рекордсмены мира последних лет, кроме Гришина, — сказал мэр.

— Но Гришин ранен, — улыбался я в ответ.

Потом министр спорта Баварии попросил меня пробежать в Инцеле:

— Если здесь гостит сам «дьявол спринта», ему грех укрываться на тренерской «бирже»...

Посоветовавшись с товарищами, решил выйти на лед.

— Мы объявим по радио, что Гришин нездоров, что его бег чисто символический. Зрители поймут Гришина, они и без того любят его, — говорил мэр.

По радио действительно объявили, что шесть дней назад мне сняли швы и что я выступаю не в полную силу.

Жребий свел меня в одном забеге с Лепешкиным. Толя в тот год считался самым быстрым в мире. Уже на первых двухстах метрах Лепешкин выигрывал шагов двадцать. Я ему уступил дорожку на переходе, но Толя, охваченный азартом борьбы, случайно сбил меня с ног. Я упал, а зрители рукоплескали, когда мировой рекордсмен по инерции на животе проехал по льду Инцеля...

Как ни парадоксально, но именно этот первый после операции забег заставил меня поверить в то, что я выступлю на Олимпиаде. Я люблю спринт — самую короткую дистанцию, ибо остро ощущаю время. Что такое спринт? К сожалению, в годы моей спортивной юности это был лишь один крупный международный старт в четыре года. И нередко бывало, что одна сотая секунды могла зачеркнуть четыре года труда. Спринт неумолим. Слишком уж суровы его требования!

Олимпиада — это не только желание победить. Это искусство, проигрывая, не смириться, не искать оправданий, не сетовать на судей, на ошибки тренеров, на свой возраст.

Я сумел себя преодолеть и пробился на Олимпиаду во Францию.

В день старта над Греноблем неожиданно появилось солнце. Его ждали, по нему истосковались.

Соревнования складывались драматически. В третьей паре норвежец Магне Томассен, известный многоборец и средний спринтер, спортсмен, которого никто никогда и ни при каких обстоятельствах не считал фаворитом в спринте, показал 40,5 секунды. Посредственный результат. Так расценили все. И ошиблись. Когда я вышел к линии, то показалось, что на целую секунду должен улучшить время норвежца. Бежал хорошо. Это был мой лучший по технике бег на всех Олимпиадах. Но превзойти результат Томассена не удалось — лишь 40,6. Я сделал все, что мог.

До последнего забега мое время оставалось третьим. Следовательно, я мог надеяться на бронзовую медаль — ее-то как раз и недоставало в моей олимпийской коллекции. Друзья подшучивали:

— Будет полный комплект.

А я стоял мрачный.

— Но ведь бежит Макдермотт! Олимпийский чемпион!

Когда американец начал бег, я понял: никакой медали я не смогу подарить Родине. Никакой! Макдермотт бежал в сумасшедшем, колоссальнейшем темпе. Он бежал так, как практически немыслимо бежать конькобежцу. Невероятно! При такой скорости человека не должно было хватить на пятьсот метров, но его хватило...

Никогда я не переживал такого. Было стыдно смотреть в глаза товарищам. Было стыдно читать газеты. «Такой позор», — говорил я себе. И хотя все почему-то поздравляли меня, занявшего 4-е место, я чувствовал себя прескверно. Заходил в олимпийскую деревню тихо, незаметно, стараясь никому не попадаться на глаза. Как человек, обманувший кого-то. Чьи-то надежды, чьи-то ожидания.

«Добегался! — казнил я себя. — Все, больше никогда не выйду на лед, не притронусь к конькам. Добегался...»

Я привез из Гренобля консервную банку с яркой этикеткой. Над эмблемой из трех роз — герб Гренобля — написан такой текст: «В этой банке содержится свежий воздух Олимпиады в Гренобле, взятый в местечке Круа де Шамрусс. Способ употребления: вскрыть банку обычными доступными средствами. Показано при: моральных депрессиях, стрессах, сплине, упадочных настроениях. Вдыхать полной грудью».

...Гришин достает эту банку, вертит в сильных своих ладонях и говорит:

— Больше десяти лет прошло с того старта в Гренобле, а помнится все так, словно было вчера... Наверное, поэтому я ни разу не открывал эту баночку. А может быть, сейчас вдохнуть, вспомнить? Развести руками: «Так вот ты какая, Олимпиада!» и опять ударить крестнакрест лезвием одного конька по другому...

И он открыл банку...

А. Юсин

ЖИЛ В МУХАРЧЕ ПАРНИШКА...

Приземистый, похожий на ангар зал «Пистахело» в Мехико. Здесь 26 октября 1968 года грузинский борец Роман Руруа мягким прыжком барса вознесся на высшую ступень олимпийского пьедестала. На лице победителя играла озорная улыбка. Перед его мысленным взором вереницей проходили сумрачно-печальные лица соперников, которых он, помня уроки Токио, одного за другим беспощадно клал на лопатки, пробиваясь в финал налегке — без груза штрафных очков...

Его атаковали корреспонденты, просили рассказать о себе, и он: «Что такое я?» — спрашивал и тут же советовал написать лучше о тех, кто ему помогал.

Улеглись олимпийские страсти, и Руруа охотно рассказал мне о своем необычном спортивном восхождении по маршруту Мухарча — Мехико.

«Мухарча — это грузинское село в Гегечкорском районе, — начал Роман рассказ. — Там я родился и рос. Мои родители — крестьяне. Много работали. И меня, маленького, брали в поле. Что они делали, то и я с братом Шурхуди (брат на четыре года старше меня). Мы рано ложились спать, чтобы раньше других встать на работу...

Пошел в школу. Забот прибавилось. Уроки сделаю, за скотиной ухаживать надо — травы накосить и принести ее домой. Пуда два тащу, бывало, уже и силы кончаются, а иду. Иначе как в глаза отцу посмотрю, что скажет мать? «Лодырь ты, Роман», — скажет.

Спорт? Какой там спорт! Учился в пятом классе и ничего о спортсменах не знал. Все началось с нового учителя физкультуры. Он сказал нам, что человек может сделать себя очень сильным, но для этого нужно поднимать штангу и гири. Мы все побежали домой деньги у родителей просить. Целую папаху собрали. И привез наш учитель из Тбилиси блестящую железную штангу.

Сколько я плакал! Все пробовали силу, а мне не разрешали: «Ты маленький. Раздавит она тебя...»

Я жаловался учителю: «Как так можно? Деньги вносил, а поднимать не даете. Это, — говорю, — несправедливо». А он только смеялся, когда я плакал...

Слезам горю не поможешь. Вытер я глаза и вот что придумал: выпилил круглые толстые деревяшки вроде дисков, сделал в них дырки и нацепил их на деревянный кол. Получилась штанга. Поднял я ее раз-другой — хожу по дворику, радуюсь...

Весь двор возле нашего маленького домика я постепенно превратил в гимнастический городок. Стали ко мне приходиться школьники и даже взрослые мужчины. Как я радовался, что даже 30-летние не могут поднять мою штангу (я к ней приделал крючья, на которых подвешивал тяжелые гири).

Футбол в нашем селе появился с первыми радиорепортажами. Я слушал: «Удар! Гол!» — и удивлялся, как громко кричат в Тбилиси из-за этого футбола. Значит, думаю, дело хорошее. Буду и я играть...

Пробовал, не получается. Взрослые качали головой: мол, не годишься в команду. Купил себе мяч и стал разучивать разные приемы. Долго разучивал. Пришел в команду, посмотрели — не взяли.

Однажды к нам приехали играть ребята из соседнего села, и у них, на мое счастье, не было одиннадцатого игрока. И я стал играть против своих. Рвутся они к воротам, но не могут пройти мимо меня.

«Эй! — кричат. — Это же наш парнишка. Верните его нам!»

Закончил я седьмой класс и поехал в Тбилиси поступать в футбольную школу. Прошел медицинский осмотр, врачи сказали: «Крепкий паренек, играть может». И тренеру Гагуа я понравился. Проверил он меня на тренировке и сразу же зачислил в юношескую команду «Динамо» основным игроком. Год играл. Может, навсегда остался бы футболистом, но Гагуа назначили тренировать взрослых, а нас передали другому тренеру. Однажды я немного опоздал, и он изругал меня последними словами.

«Не пойду больше к этому нехорошему человеку», — сказал я себе и задумался, чем бы еще заняться.

Как-то к моему другу приехал в гости из Батуми мастер спорта, борец Тугуши. Разделся до пояса, и мы ахнули: очень понравилась нам его фигура — одни мускулы. И вот однажды Тугуши привел нас в спортивный зал, где тренировались борцы.

До этого я ни одного борца не видел, а тут вся сборная Грузии. «Вот это хорошо! Вот это да! — сказал я себе. — Настоящий спорт».

— Идите-ка сюда! — кричит вдруг нам седой человек. — Бороться хотите?

— Хотим!

— Хорошо. Идите к врачу, скажите, что Акопов прислал.

Врач осмотрел нас и сказал тренеру: «Ничего, хорошие ребята — здоровые».

— Завтра в два часа приходите на тренировку, — приказал Акопов. — С формой. Трико нет — берите трусы, тапочек нет — наденьте носки.

Так летом 1958 года я познакомился с одним из лучших тренеров страны — Нерсесом Григорьевичем Акоповым. Начал с разучивания приемов классической борьбы. Через неделю вышел на «открытый ковер». Пять месяцев позанимался, и вдруг меня посылают на юношеский чемпионат СССР в Харьков. Ай как рад был! И вдруг первую схватку проиграл москвичу. Потом чисто победил чемпиона, но выше пятого места не поднялся.

В шестидесятом году на чемпионате Грузии выиграл у самого сильного борца — Угрехелидзе. Четырнадцать баллов заработал приемами. Один раз бросил на лопатки, но на радостях отпустил. Снова пришлось тушировать. Говорят, Акопов после этого поединка сказал своим друзьям: «Отрежьте мне голову, если Роман лет через пять-шесть не будет чемпионом мира».

...Мухе негде было сесть — так много было народу во Дворце спорта, когда у нас в Тбилиси шел командный чемпионат СССР.

И вот удача: я, девятнадцатилетний, победил олимпийского чемпиона Олега Караваева.

В это время я работал на заводе, заканчивал вечернюю школу. Много тренировался...

Тяжелым оказался мой жребий на третьей Спартакиаде народов СССР. В первой схватке соперником был Олег Караваев. Победил я его, как и в Тбилиси, со счетом 7:1, и после этого уверенности прибавилось. И вдруг споткнулся — проиграл чемпиону мира Сапунову...

На Олимпиаде в Токио мне очень не повезло. В финальной схватке с венгром Пойяком я был сильнее. Это видели все... кроме судей. На пятой минуте сбил соперника в партер. За это полагается выигрышный балл, но арбитры сделали вид, что не заметили. Снова я провожу прием, выигрываю, стою улыбаюсь и слышу: «Ничья»...

Так вот и лишили меня золотой олимпийской медали. Но наконец дожил и я до громких побед: в 1966 году завоевал первую золотую медаль на чемпионате мира в Толидо, через год в Бухаресте. И вот Мехико. Перед финальной схваткой у меня было лишь два штрафных очка, а у японца Фудзимото — четыре. Как и в Токио, была зафиксирована ничья, но на этот раз она принесла мне золотые медали.

— Впрочем, что это я расхвастался, — спохватился Роман, и его мужественное лицо покраснело. — Если будете писать, напишите лучше о наших ребятах, тренерах, врачах, массажисте. Когда я с ними, мне никто не страшен...

В семидесятом году Роман Руруа превзошел достижение своего великого земляка Гиви Картозия, который трижды завоевывал титул чемпиона мира. В канадском городе Эдмонтоне Руруа победил в четвертый раз. Но не одним спортом живет борец.

— Кто я был, когда ушел из дома? — спрашивает Роман и отвечает: — Мальчишкой был. А теперь я еду в Мухарчу инженером, аспирантом политехнического института...

Д. Иванов

ПОБЕДЫ МОГЛО И НЕ БЫТЬ

Мы привыкли к победам наших спортсменов. Привыкли настолько, что когда они проигрывают, а это случается, то даже удивляемся: как, мол, так?

Зато когда наши любимцы побеждают, мы никаких вопросов не задаем. «Выиграл? Что ж... Так и надо. Так и должно быть».

Но бывает и иначе. Примеров тому много, и один из них — история с ленинградским конником Иваном Кизимовым.

На Мексиканскую олимпиаду наших лошадей впервые доставляли самолетом. Раньше они «ездили» к местам соревнований на поездах и автомашинах, пароходах и паромах, а вот по воздуху еще никогда не путешествовали. Спортсмены очень волновались, как поведут себя их четвероногие помощники в авиалайнере. А может быть, лошади, как и некоторые люди, вообще не переносят состояние полета, особенно моменты взлета и посадки?! Или им просто что-нибудь не понравится, и они начнут буйствовать? На земле, в привычной обстановке есть разные способы успокоить коня. Но в воздухе такой приступ может кончиться плохо.

И вот чтобы не допустить подобных ситуаций, в самолете голландской авиакомпании КЛМ, специализировавшейся на таких «лошадиных» рейсах, всегда находились двое особых сопровождающих. Их обязанностью было предпринимать решительные действия, когда четвероногий пассажир приходил почему-либо в ярость. А перед лицом явной опасности они имели право даже и умертвить коня.

Конечно, наши конники надеялись, что все обойдется, но на всякий случай обмотали ноги лошадей поролоном — мягким синтетическим материалом и закрепили его бинтом. На головы коней надели поролоновые шапки, похожие на хоккейные шлемы.

Каждый из спортсменов бинтовал ноги своей лошади как можно тщательнее, но особенно старался Кизимов. Он так сильно затягивал бинт, что его товарищи по команде шутили: смотри кости своему Ихору не поймай.

В столице Швеции наши сопровождающие напоили и накормили лошадей, корм был взят с собой: сено, отруби, сахар и вода в молочных баках. Из самолета коней не выводили. Это было бы слишком долго и сложно. Лошади располагались в машине в специальных ящиках-боксах, стоявших посередине салона, — там, где

обычно находятся кресла для пассажиров. В лайнере же КЛМ эти кресла были убраны, и на их месте были расставлены боксы-контейнеры. Дно этих контейнеров прикреплено к полу. Пока коней в самолете нет, боковые стенки опущены, лежат на полу. А вошла на отведенное ей место лошадь, боковые стенки поднимают и закрепляют. Вначале устанавливают стенку с левой стороны, потом с правой, потом впереди и, наконец, сзади. Конь оказывается как бы в ящике, из которого видно только его голову и круп. Всего таких ящиков получается по два в ширину самолета, а по бокам — между этими контейнерами и обшивкой самолета — остаются узкие проходы. В самолете помещалось четырнадцать лошадей — весь олимпийский табун советской команды.

Заводят лошадей в такой самолет по одной. И, прежде чем завести каждого следующего коня, окружают стенками предыдущего.

Задача непростая. Не менее трудно и вывести лошадей обратно. Вот почему и было решено в течение всего марафонского воздушного путешествия от Москвы до Мехико — а это заняло чуть ли не полтора дня — все время держать лошадей в салоне.

Но вот Стокгольм оказался уже позади, и самолет взял курс на Монреаль, где была запланирована вторая и последняя посадка перед заключительным этапом пути.

Мерно гудя четырьмя моторами, самолет летел в ночной мгле над Атлантическим океаном. И тут-то слышался стук. Ветеринарный врач Анатолий Григорьевич Доильнев и голландские сопровождающие настояжились. Через некоторое время дробь ударов, гораздо более сильных, чем первые, прокатилась по самолету.

Все трое поднялись со своих мест и шагнули в середину салона. Они подошли к отсеку, откуда слышался стук. В нем был Ихор.

С ним стряслось что-то неладное. Лошадь выкатывала глаза, вертела шеей и головой, перебирала ногами, била ими по полу. Ихор «копал», как выражаются конники.

В самолете складывалась опасная ситуация.

Ихор «копал» все сильнее и уже весь был мокрым от напряжения.

Видя сверху только спину и голову, нельзя было поставить точный диагноз. Но и медлить было нельзя: ведь агрессивное поведение Ихора могло взволновать и остальных лошадей, а тогда может начаться общая паника...

И Доильнев решил ввести Ихору большую дозу новокаина, чтобы успокоить. Он быстро сделал укол, и действительно помогло: Ихор постепенно стал приходить в себя и скоро утих. Кажется, беда миновала.

Остальная часть пути прошла спокойно. Но только в Мексике, когда лошадей вывели наконец на землю, Доильнев понял, что случилось с Ихором. Оттого, что Кизимов крепко стянул ноги лошади поролоном, они отекли. Ихор захромал, да еще и затемпературил.

Кизимов, прилетевший в Мексику чуть позже, пришел в ужас, увидев своего коня в таком состоянии. Правда, температуру довольно быстро удалось сбить, но что делать с ногами?!

Под вопросом было само выступление Кизимова на Олимпийских играх. И все-таки он сам, тренеры и доктор решили попытаться вылечить Ихора. До старта оставалось еще три недели.

Чтобы ускорить процесс выздоровления, Ихору надо было бинтовать ноги, обработав их перед этим нужными лекарствами. Но... Кизимов, наученный историей с поролоном, был категорически против всяких бинтов. А как прогуливать лошадь с открытыми ранами перед многочисленными посетителями и, самое главное, перед судьями?! Да если они увидят, что с Ихором, они зара-

нее снизят оценки Кизимову, как бы хорошо он ни выступил.

Решили проводить лечение в основном в ночное время. Ранним утром выводили Ихора на прогулки, а вечером, когда темнело, на легкие тренировки. Словом, в те часы, когда зрителей возле манежей и конюшен уже не было. При этом, положив лекарства на раны, закрашивали их под масть коня так, чтобы не было заметно повреждений на ногах.

Постепенно раны стали заживать, и к моменту старта Ихор был уже почти в полном порядке, а с помощью «косметики» выглядел совершенно здоровым.

И все-таки Кизимов очень волновался. Но уже первый из двух дней борьбы принес успех: Кизимов занял второе место, уступив знаменитому западногерманскому коннику Йозефу Неккерману 40 баллов. А во второй день в ходе так называемой «переездки», в которой участвуют лишь лучшие всадники, Кизимов с лихвой отыграл эти баллы и вышел вперед.

Когда турнир конников завершился, Кизимову вручили золотую медаль олимпийского победителя, а Ихору прикрепили к оголовью почетную розетку, которой награждаются олимпийские чемпионы среди лошадей.

Трудно описать, как радовалась советская команда в эти минуты! Наверное, больше, чем во время награждения других наших спортсменов, завоевавших в Мексике медали.

Ведь этой победы вполне могло и не быть.

В. Бабкин

ДВАДЦАТЫЙ КИЛОМЕТР

Понедельник, 14 октября 1968 года. Пятый час полудни. На дорожке олимпийского стадиона в Мехико сбилась в кучу группа сухощавых людей в разноцветных шапочках.

Хлопнул выстрел. Взяли старт ходоки на 20 километров. Они вышли со стадиона, миновали широкую авто-страду, соединявшую стадион с олимпийским поселком, и, пройдя в общей сложности около километра, подошли к трехкилометровому бетонному кольцу, по которому каждый из них должен был сделать шесть кругов. Сразу со старта вырвались вперед два скорохода: советский спортсмен Голубничий и американец Лаэрд. Они оторвались от основной группы. Вскоре, однако, более экономно тратившая силы группа настигла их и как волна, поднявшая лодку, потащила за собой. Оба лидера устали — русский настолько, что едва удержался впереди, а американец, затерявшись в общей массе, скоро вышел из борьбы совершенно. Главной фигурой олимпийской гонки ходоков стал тридцатилетний Николай Смага.

Первым чувством Николая Смаги, когда он настиг ушедших со старта двоих и угадал по рваному их дыханию, как тяжело им дался этот рывок, было: значит, дойду, значит, поборемся. Четыре дня назад он простудился, и никто не видел уже в нем конкурента. Температура 38,0.

Но вечером 13-го температура спала. Облегчение, однако, не приходило, и наутро, в день старта, у Николая было такое чувство, что, казалось, заставь его пройти один километр — только один, а не двадцать! — не прошел бы ни за что. Разминались с Голубничим больше часа. Потом пошли на старт. Они готовились весь год вдвоем: олимпийский чемпион, участник пяти Олимпиад, великолепный тактик Голубничий и его товарищ по команде Смага.

...Смага шел рядом с Голубничим. Он предложил ему сделать рывок. Но в первом круге не удалось. На подъеме второго круга Смага опять предложил Голубничему оторваться. И вот метр за метром Смага стал уводить Голубничего от основной группы.

Теперь ходоки растянулись в цепь. В 30 метрах от лидеров шел американец Халуза, за ним мексиканец Педраса. Темп был очень высок. Он мог бы быть еще выше, но Смага, оборачиваясь и видя, что товарищ его отстает, несколько раз притормаживал, ожидая Голубничего. Он помнил: идти должны вместе. Так закончили они второе, а потом третье кольцо.

На четвертом и пятом кругах никаких перемен не произошло. Только разве что мексиканец, низкорослый темпераментный Хосе Педраса, поменялся местами с Халузой и теперь шел метрах в ста за нашими ребятами.

Смага стал обгонять ходоков, которые проигрывали ему уже целый круг. Вид у них был неважный. Один совершенно остановился и мял мышцы икры. Другой, весь мокрый и задыхающийся, просил у зрителей носовой платок: «Мошка в глаз попала». Третий подошел к тазу с плавающими в нем губками и одним махом опрокинул весь таз на себя. Судьи на дистанции стали делать спортсменам предупреждения. Смага судей не боялся. Даже педантичные англичане находили его технику отличной, и он еще ни разу не получил ни одного замечания. Нервы и мышцы скороходов стали отказывать. Начали действовать законы перегрузок: сила усталости и боли сошлась врукопашную с силой терпения.

Наконец Смага и Голубничий пошли на шестой круг. Малый подъем, спуск, ровно. Только бы не сбить дыхание. Раз, два, три — вдох... Раз, два — выдох... Еще один подъем, последний. Началась «метель» — этим словом один из товарищей Смаги называл тяжелую борьбу на дистанции — рывки, обгоны, уходы. 20-й километр разыгрывал медали.

Голубничий поравнялся со Смагой и стал уходить вперед. Надо было держаться за ним, не отпускать, потому что у равного по силам ходока иногда не удается

отыграть и шага на целом километре. Но сил уже не было. Не было их уже и у Голубничего. Оторвавшись метров на пятнадцать, он не смог сделать большего. И так они шли, как на жестком сцеплении, до самого стадиона, не приближаясь и не удаляясь.

Судьба медалей была теперь решена. Первый... второй... третьего почти не видно в наступавших сумерках. Помешать им не мог никто. Советские спортсмены уже на дорожке олимпийского стадиона.

Соревнование подходило к концу. Теперь надо показать тем, кто сидел на трибунах, их технику, выносливость, достоинство. Скороходы борются на дорогах. На стадионе они стараются улыбаться публике.

Лидеры прошли вдоль стадиона метров двадцать пять, как вдруг трибуны взорвались. Обернувшись, Смага увидел, что совсем рядом за ним летел как по воздуху двадцатый номер. «Двадцатый номер... мексиканец... шел третьим далеко позади... как он мог приблизиться... да он просто бежит... судьи.. где же судьи?..»

Мексиканец на глазах у всего стадиона настигал советского спортсмена.

Педраса бежал. Он бежал неловко, притворяясь идущим. Но это был тот самый бег на прямых ногах, за который снимают с соревнований без предупреждения. Бегущего мексиканца видели все, но только один судья из четырех, которым было доверено судейство на стадионе, отважился защитить справедливость.

Когда Педраса с ходу обогнал Смагу и на последней прямой уже дышал в затылок Голубничему, на дорожку выбежал итальянский судья и то ли бешеным окриком, искажившим его лицо, то ли видом широко расставленных рук, готовых схватить нарушителя, остановил мексиканца. Не выиграв больше ни сантиметра, Педраса финишировал вторым.

...Когда награждали победителей, то двое из них были счастливы. Они смеялись, кланялись публике, поднимали приветственно руки. Лицо третьего, стоявшего ниже, было неподвижно. Он не мог ничего говорить. Это потом к нему будут подходить англичане, немцы, венгры и хлопать его по плечу: «Шмага — гууд. Педраца — но», его назовут героем, скажут, что бронза его золотой пробы, его с почетом встретят в Пензе, но все это будет потом... А сейчас он не может говорить. Две ночи он будет спать с открытыми глазами, ему будет сниться «метель». Его все время будет обгонять двадцатый номер, и он не сможет его достать.

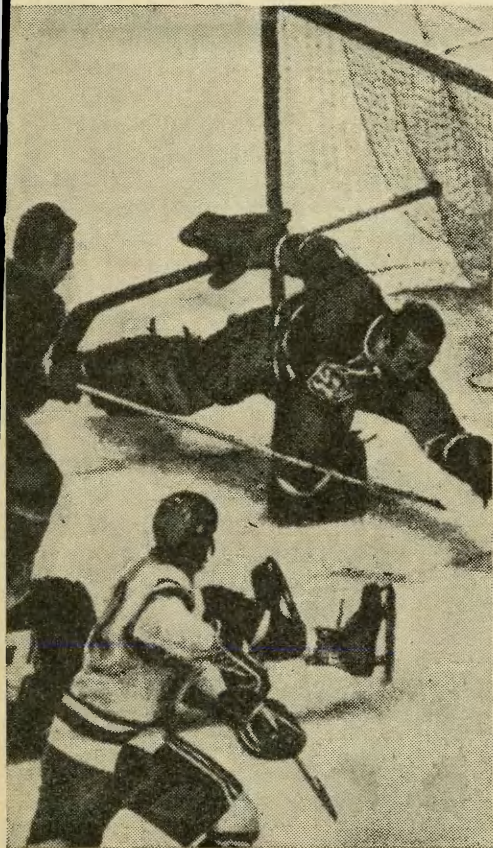
Л. Жмырев

972 ●

САППОРО
МЮНХЕН

В редакцию пришло письмо школьницы из Ухтинского района Коми АССР.

Девочка жаловалась, что у нее нет тренера, что лыжный спорт очень тяжелый, хотя он нравится ей. И вот невеселая последняя строка: «Наверное, я все же расстанусь с лыжами, мне уже 15 лет и никаких успехов».

Редакция ответила школьнице, дала совет, ободрила. Но такие письма нередко присылают нам юные спортсмены, и поэтому сейчас мне бы хотелось рассказать о тяжелом и долгом пути становления в спорте олимпийской чемпионки Галины Кулаковой, которая вновь подтвердила истину, что настойчивость и оптимизм — неперемненные условия для достижения высоких результатов.

В семье Кулаковых было девять детей. Младшие, в том числе и Галя, отца не помнят. Школьный учитель Алексей Николаевич Кулаков погиб в 1941 году под Смоленском, когда со связкой гранат пошел на танк. Жили они в деревне Степаново, что под Ижевском, были очень дружны. Школы в Степанове не было, и Галя бегала на лыжах в соседнюю деревеньку. Причем лыжи смастерила сама топориком из дощечек старой бочки.

Очень ей хотелось учиться и пос-

ле семилетки, но все чаще прихварывала мать — Дарья Арсентьевна, очень нужны были в семье рабочие руки, и поэтому пошла Галя на ферму. Работала сначала телятницей, потом дояркой. С лыжами своими она вроде бы совсем распрощалась, быстро кончилось ее детство, не до забав стало.

В 1964 году после работы Галя заглянула в совхозный клуб, по телевидению шел репортаж о лыжных гонках Олимпиады в Инсбруке. Могла ли Галя представить, что спустя 12 лет в том же Инсбруке на нее будут направлены камеры телевизионных операторов?

Через несколько дней она отправилась погостить к сестре в Воткинск. Сестра Лида работала на заводе. И вот как-то, взволнованная, она пришла домой, объявила: «Ну, Галка, готовься к лыжным соревнованиям, сестры Кулаковы будут выступать дуэтом».

Но перед самым стартом у Лиды возникло неотложное дело, и она не пришла на соревнования. Галя же добросовестно прошла дистанцию и в тот же вечер вернулась в Степаново, ничего не зная ни о своем результате, ни о том переполохе, который начался в спортклубе завода. Выяснилось, что она не только заняла первое место, но и показала очень высокий результат на дистанции три километра.

Заводские активисты не сразу разобрались, в чем дело, решили, что это Лида одержала победу, та вообще ничего не могла понять. Наконец все выяснилось, и в Степаново отправился известный удмуртский лыжник Петр Наймушин — один из сильнейших гонщиков страны, участник Белой Олимпиады. Он и предложил Гале всерьез заняться лыжным спортом.

— Так ведь поздно, наверное. Мне уже 22 года.

— Классный лыжник нередко выигрывает и когда ему далеко за тридцать, так что времени у тебя много.

Она согласилась. Но теперь ей стало вдвойне тяжело. Поднималась в четыре утра и бегом на ферму — это

что-то вроде легкой утренней тренировки. Забот на ферме немало, под ее присмотром восемнадцать коров. Иногда и разогнуться не могла от усталости.

Но именно в те годы закладывался бойцовский характер будущей олимпийской чемпионки — характер труженицы, стойкой спортсменки. Конечно же, этому способствовали и упорные тренировки, выступления на состязаниях. Но нелегкое, трудовое детство, чувство ответственности заложили основу всем этим качествам.

Сейчас Кулакова — знаменитая лыжница, победительница Белых Олимпиад в Саппоро и Инсбруке. Но мало кто помнит, что и в большом спорте ее первые шаги оказались неудачными. На Олимпиаде 1968 года в Гренобле Кулакова имела прекрасные шансы стать чемпионкой в индивидуальном соревновании, она была лидером на протяжении почти всей дистанции. Но за 600—800 метров до финиша не справилась на спуске со скоростью, упала, и золотая олимпийская медаль досталась шведке Тойни Густафссон. Поражение не сломило Кулакову, оно подействовало на нее лишь как призыв к новым попыткам победить. После счастливых выступлений в Саппоро Галя приехала в гости к сестре, которая и попросила олимпийскую чемпионку выступить в соревновании с местными лыжницами. Галя улыбнулась — конечно же, ей вспомнился дебют на этих же соревнованиях в Воткинске, который открыл ей путь на большую лыжню. Она дала согласие, выступила, а после финиша к ней подошли ребята, спросили:

— А что вы будете делать, когда уйдете из спорта?

— Вас, несмышленишей, тренировать.

Ей не раз предлагали переехать в Москву, выступать за знаменитые столичные клубы. Теперь уже не предлагают, ибо Галина твердо решила не расставаться со своими родными местами, с лыжней, которая началась на околице деревеньки Степаново.

Н. Киврина

Приятно наблюдать за умной, находчивой игрой футболиста, баскетболиста или регбиста. Восхищенно смотришь на гимнаста, случайно сорвавшегося с перекладины, но хладнокровно вернувшегося к снаряду и с блеском закончившего упражнение. За всем этим стоит упорная работа тренеров, а главное, высокие требования, предъявленные к себе самими спортсменами. Выдержка, рассудительность, находчивость, благородство, умение не задумываясь броситься на помощь другу или просто незнакомому человеку есть основная жизненная заповедь настоящего человека и спортсмена нашей страны.

Даже в самых, казалось бы, обычных бытовых ситуациях проявляется облик настоящего человека-спортсмена. Для наглядности хочу привести веселый, но поучительный рассказ неоднократного чемпиона мира и Европы, зимних Олимпийских игр и страны, заслуженного мастера спорта СССР, капитана сборной страны по хоккею Бориса Михайлова.

Однажды команда хоккеистов СССР выезжала на товарищеские встречи в Финляндию. Финские спортсмены волевые и сильные, и, хотя наши ребята выигрывали у них почти все поединки, эти победы давались нелегко. Упорство и выносливость финских хоккеистов известны всем хоккейным командам мира. И вот после нескольких игр нашей команде предложили съездить за город отдохнуть. По дороге к назначенному месту, сидя в удобном автобусе, ребята, как обычно, пели, настроение у всех было бодрое и веселое. Мимо окон автобуса проносились холмы, заросшие лесом, сверкали своей водяной гладью озера, мигали красными черепицами крыши маленьких деревушек.

Внезапно автобус затормозил. Кто-то из хоккеистов попросил об этом водителя и крикнул, чтобы все посмотрели направо. Там, рядом с дорогой, стояла маленькая березовая роща.

— Землячки наши, — чуть слышно сказал Володя Петров. — Может, они сейчас про нас говорят, смотрят на нас, как мы на них, и разговаривают?

Автобус проехал рощу, а хоккеисты сидели, повернувшись в ту сторону, где за утренней дымкой исчезли березки, и молчали. Так было с нами не раз, когда спортивная судьба заставляла нас хоть ненадолго покидать Родину. Прилетев в чужую страну, первым делом мы искали что-нибудь такое, что непременно напоминало бы нам родные места, и на душе всегда становилось теплей и спокойнее от самых даже незначительных мелочей. А уж если встречались сородичи наших русских берез, то это был праздник, маленький, но все-таки праздник.

Тишину нарушил, видя грустные глаза своих питомцев, тренер нашей сборной Анатолий Владимирович Тарасов. Он как можно веселее и беззаботнее обратился к переводчице, молоденькой девушке, сопровождавшей нас: «А что, у вас здесь, поди, и грибов навалом?»

Девушка рассмеялась: «Очень навалом!» Приунывшие было ребята тоже засмеялись.

Водитель лихо развернул автобус на большой поляне перед озером. Первым, как капитан корабля, открывающий новую землю, из автобуса вышел Тарасов. Через мгновение поляна наполнилась смехом и гомоном наших ребят. Кто-то кинулся разводить костер, кто-то начал деловито доказывать товарищу превосходство подосиновика над сыроежкой, кто-то пытался забросить удочку чуть ли не на середину озера. Внезапно, как гром среди ясного неба, раздался голос Тарасова: «Нашел, ребята, нашел!»

Высоко подняв над головой руку, он держал белый гриб.

«Их здесь действительно «очень навалом», — попытался подтрунить над переводчицей Анатолий Владимирович. Она же, раскрыв испуганные глаза, замахала руками: «Что вы, что вы! Это нехороший гриб, у нас его не едят».

Тарасов остановился. «Ну и зря, а у нас это самый ценный и вкусный гриб. Вот сейчас мы поджарим их, то есть когда наберем побольше, и вы обязательно попробуйте. Пальчики оближете!»

Переводчица побледнела и сказала, что отведаст их как-нибудь в следующий раз. Все снова рассмеялись, но голос тренера прервал их смех: «Должен сообщить. В три часа дня мы отсюда уезжаем на тренировку, а вечером ответственная встреча. Сейчас можете разбредаться кто куда, но в три чтобы все были у автобуса. А теперь, грибники, за мной!» — И он озорно подмигнул переводчице, схватил сумку и с несколькими любителями грибной охоты устремился в ельник.

Володя Петров и я шли по берегу озера. Рассматривая рыб, плавающих почти у самого берега, мы незаметно для себя подошли к лодочной станции. Это была самая обычная лодочная станция, только вместо привычных для нас весельных лодок там покачивались на волнах разноцветные моторки. И тут, словно из-под земли, перед нами вырос высокий белокурый красавец в красной шапочке с большим козырьком. Он стал, размахивая руками, что-то объяснять нам, но, к сожалению, ни Володя, ни я финского языка не знали.

— Не понимаем, — сказал я ему.

— О руссо! Это хорошо! Руссо — это очень хорошо! — Неизвестный еще пуще замахал руками. — Руссо — это очень, очень хорошо! — продолжал он. Вдруг, подняв какую-то палку, финн начал водить ею по земле как клюшкой по льду: — Хоккей, руссо, хоккей!

— А-а! — протянул Володя. — Он нас узнал.

Неожиданно владелец лодочной станции отбросил в сторону палку и схватил меня за рукав. Упираясь, я все же пошел за ним, а Володя за нами. Вскоре все трое вступили на причал. Финн радушно предложил нам великолепную моторку. Показав пространно вокруг, он радостно заговорил:

— Суоми хорошо, Суоми очень хорошо! Здравствуй-те! Пожалуйста! Руссо хорошо! Суоми хорошо! Др-р-р... — И он указал рукой на моторку и как бы помахал ей, уходящей в даль озера.

Я спросил его по-русски, а потом по-английски, что хороша ли моторка.

Финн посерьезнел, весь выпрямился, отчего стал еще выше, и гордо так сказал:

— Мотор хорошо, сто просент хорошо!

Мы рассмеялись, сели в лодку, завели мотор и отчалили от берега.

Разрезая воду и воздух, моторка стремительно неслась к видневшемуся впереди проливу. Фейерверки брызг и солнечных бликов весело разлетались в стороны, хотелось петь, кричать и смеяться. Гулко ревел мотор, лодка прошла пролив, окруженный поросшими холмами как крепостными стенами. А впереди было еще одно озеро, такое же огромное и прозрачное. Вдруг резкий толчок, из-за которого я чуть не вылетел за борт. Заглох мотор.

— Вот тебе и «сто просент хорошо»! — С этими словами я перебрался на нос лодки. — Что, Володя, показались?

Петров хмыкнул и повернулся к мотору. Сняв с него колпак, он попытался узнать причину поломки, но, как назло, в это время подул ветер и поднял небольшие волны, а ведь при качке нелегко рассмотреть то набегающий, то убегающий от глаз мотор.

— Надо к берегу причалить, ищи весла. — Прикрыв мотор, Володя оглядел лодку.

— Знаешь что, — сказал я Володе, — по-моему, нам придется грести руками. Весел нет.

— Да ты что?! Разве такую махину ладошками сдвинешь? — Петров сердито пнул ногой в борт лодки.

— Идея! — Я даже подскочил с сиденья. — Давай сначала ты, а потом я прыгнем в воду и, работая ногами, будем толкать ее к берегу, согласен?

— Согласен, но только сначала лучше ты, а я пока в моторе покопаюсь, — сказал Петров, вынимая руки из воды.

Я разделся и опустил ноги в воду, но тут же их вытащил: вода была не для купания. Видя мое замешательство, Володя прикрыл рукой неволью проступившую улыбку.

— Может, лучше все-таки ладонями погребем? — робко, но не теряя достоинства, спросил я. Петров не выдержал и захохотал, увлекая своим смехом и меня. Эхо дробно раскатилось по всему озеру и убежало в пролив, через который мы только что въехали.

Не успел Петров вытереть слезы, проступившие от смеха, как мне под руку попала доска от сиденья: «Вот оно, весло!»

Солнце медленно покатилося к западу. Над озером стояла все такая же тишина, как и два часа назад. Ватные облака весело смотрели в зеркало озера и на две наши скорченные в неудобных позах фигуры в лодке. Пот, катившийся по нашим лицам, давно смешался с водой озера, а вода, цепко ухватившись за нашу лодку, нехотя отпускала ее к берегу.

— Ты знаешь, сколько сейчас времени? — спросил Петров.

— Часа... может быть, половина первого, — предположил я.

— Ты ошибся всего на час...

— Неужели половина двенадцатого? — с надеждой прервал я его.

— Увы, нет. Половина второго.

Удача всегда бывает благосклонна к тем, кто не сдаётся, а делает все, чтобы достичь цели. С великим трудом мы добрались до берега. Разобрали мотор, и, к нашему удивлению, он оказался исправным, а вот винт, можно сказать, совершенно развинтился. Необходимо было как можно быстрее найти какой-нибудь гвоздь или, на худой конец, проволочку, чтобы закрепить его. Наши получасовые поиски железки, а затем ударного агрегата (в данном случае булыжника) увенчались успехом. И, как говорится, все хорошо, что хорошо кончается.

На самой малой скорости мы, отважные мореплаватели, подрулили к лодочной станции. Там нас уже поджидал хозяин ее. Все так же размахивая руками, он бросился к нам: — О руссо, Суоми хорошо?

— Замечательно, — в один голос ответили мы, измученные, но счастливые, потому что наш автобус стоял на прежнем месте и дожидался нас. — Суоми — это здорово!

М. Антонюк

ПЕТЛЯ КОРБУТ

У каждой Олимпиады свои герои. Конечно, из числа победителей. Но золотая медаль победителя только непременное условие, это еще не залог того, что за ее обладателем будут охотиться любители автографов и фоторепортеры, его имя будет спустя много дней после победы мелькать в газетах, а его достижение найдет место на страницах спортивной истории. Кроме спортивного достижения, от героя требуются еще такие качества, как обаяние и яркая индивидуальность. И накануне Олим-

пиады можно только гадать, кому из нескольких десятков победителей суждено будет завоевать наибольшую популярность.

Героиней Мюнхенской олимпиады была Ольга Корбут. Она удивила мир. Она покорила его своим обаянием, подкупила непосредственностью, восхитила бесстрашием, заставила специалистов спорить, что можно, а что надо запретить в современной гимнастике. Мюнхенские газеты с умилением называли ее «цыпленком», телевидение без конца ее показывало. И эта волна всеобщего внимания, казалось, несла Ольгу, вдохновляя на новые победы.

А ведь Ольга в Мюнхене проиграла звание абсолютной чемпионки Людмиле Турищевой. Она выиграла три золотые медали, но сорвалась с брусьев и плакала на виду у зрителей...

Ни бурной радости, ни горя-горького, ни торжества, ни досады Ольга не умела скрывать, и, может быть, именно этой несдержанностью, открытостью характера завоевала популярность у болельщиков. «Уж очень она любит зрителей», — сокрушенно качали головами тренеры. Они считали, что любовь к успеху мешает Ольге быть сосредоточенной, собранной, из-за этого она проигрывает умеющим держать себя в руках соперницам. Но Ольга не была бы любимицей трибун, если бы заставляла себя держаться по-другому.

После Мюнхенской олимпиады Ольгу Корбут приглашали выступать во многие страны. Особенно горячо принимали ее в Америке, где до этого и гимнастика-то была не особенно популярна. Щупленькая девочка с прической «хвостиками» выходила на помост, и тысячи зрителей по-американски бурно выражали свой восторг. Настолько бурно, что стены, казалось, рухнут. Но девочка прикладывала палец к губам, и мгновенно наступала тишина... Ее принимал президент, о ней снима-

ли фильмы, в Америке открывались спортивные клубы ее имени...

Через пять лет Ольга Корбут оставила большой спорт, сказав, что сделала все, что смогла.

В чем же состояло «новое слово», произнесенное в гимнастике Ольгой Корбут?

В 1968 году в Мехико наши гимнастки выступили хуже, чем обычно, к тому же звание абсолютной чемпионки было снова, как и в Токио, потеряно, чувствовалось, что в команду необходимо вдохнуть новую жизнь. И вскоре после игр в Мехико на юношеских соревнованиях «Олимпийские надежды» четырнадцатилетняя девочка Ольга Корбут выполнила невиданный прежде элемент — сальто на бревне. Один из специалистов гимнастики сказал тогда ее тренеру Ренальду Ивановичу Кнышу: «Об этом сальто можно диссертацию написать! О том, как вы этого добились... Ведь это новое слово!»

Но Кныш не стал писать диссертацию. Он продолжал работать с Ольгой. «Новое слово» звучало еще недостаточно уверенно: то Ольга выполняла сальто четко, то падала. И, конечно, находились скептики, которые качали головами: «Нестоящее дело. Никогда ей это сальто не освоить так, чтобы без опаски выходить с ним на международную арену. Да это и невозможно!»

Честно говоря, основания для скепсиса были. Специалистам известен был случай, когда один наш гимнаст придумал оригинальный прыжок, но выполнял его настолько нечетко, что нечего было и думать выступать с ним на больших соревнованиях. А через некоторое время этот прыжок стал известен по имени японского гимнаста Цукахары. Мало придумать, надо еще набраться мужества и терпения довести задуманное до совершенства!

Ренальд Иванович верил, что терпения хватит, что если один раз вышло, так, значит, и еще и еще раз выйдет, значит, поймано, остается только удержать. А Оль-

га? Она верила тренеру и раздумья о том, что можно, а что нельзя в гимнастике, оставляла ему.

Секрет ее успеха заключался не только в природных данных. Может быть, вначале тренер и вел свой поиск от «материала», который попал ему в руки: маленькая, щупленькая, легонькая девочка... Маленький вес позволял Оле подбрасывать себя в воздух так, что казалось, будто она, преодолев земное тяготение, «зависает» в пространстве словно пушинка. А отличная координация движений помогала точно приземлиться.

Но разве, кроме нее, мало приходило в гимнастические секции девчонок и мальчишек, щупленьких и подвижных, а сальто «на острие бревна» выполнила первой Ольга Корбут. Чтобы выполнить то, что еще никто на свете не пытался сделать, нужна была особая смелость, то есть смелость не в том лишь смысле, что «не боюсь упасть!». Современный гимнастический зал настолько оснащен страховочными лонжами и поролоновыми матами, а тренеры настолько опытные, что боязнь упасть гимнастам, как правило, не мешает. Труднее преодолеть естественную неуверенность: если никто такого не делал, может быть, это вообще сделать нельзя, не стоит и пытаться?

Ольга Корбут бралась сделать, для нее не было сомнений, не было авторитетов. Сальто на бревне явилось только началом. За ним последовала «большая диагональ» — каскад акробатических элементов, которые гимнастка, будто танцуя, выполняла в вольных движениях, пересекая под музыку ковер из одного конца в другой, а потом уникальный элемент на брусках, вошедший в гимнастические справочники под названием «петля Корбут».

Ей было всего семнадцать лет, когда к ней пришла мировая слава. Что знает большинство девочек этого возраста? Школа, подружки, занятия в каком-нибудь кружке, какие-нибудь неумолимые развлечения...

Ольга в семнадцать лет узнала и огромный тяжкий труд, и вдохновение, и чувство ответственности, и жажду победы, и много других вещей, известных не каждому взрослому. Когда после Олимпиады в Мюнхене в Кремле вручали ордена победителям и назвали ее имя, она по-детски сбежала с верхнего ряда, прыгая через ступеньку. И все, кто был в зале, улыбнулись, словно это был светлый, легкий солнечный зайчик.

В спорте, как и в любой другой области творчества, трудятся разные по своему складу люди. Ольга Корбут принадлежала к числу спортсменов-первопроходцев. Первопроходцев и артистов. Это редкое и счастливое сочетание качеств и помогало и мешало ей: чувства, вдохновлявшие творчество, били через край, бурная радость оборачивалась срывом, падением, слезами. Ей очень хотелось стать не просто первой, а абсолютной, самой-самой, но в бесконечных дуэтах-дуэлях с Людмилой Турищевой она вдохновенно вела свою партию и... уступала.

В сборной команде страны по гимнастике в те годы, когда Ольга Корбут была в расцвете своей славы, других, похожих на нее спортсменок не было. Но в разных городах уже подрастали, уже бегали на тренировки Маша Филатова, Лена Мухина, Наташа Шапошникова, Лида Горбик... И вот уже перестало быть уникальным сальто на бревне, уже по-новому исполняется «петля Корбут» и еще сложнее стала акробатика «большой диагонали». И споры о том, что можно, что нельзя разрешать гимнасткам, как-то сами собой забылись, затихли. Потому что остановить прогресс в спорте, как и в любом другом деле, невозможно. Не запретишь ведь Валерию Борзову бегать быстрее, а Владимиру Яценко прыгать выше! А стоит прыгнуть одному, и другие поверят, что это возможно.

Н. Колесникова

Памяти Александра Белова

...Это было в Ганновере. Светящиеся квадратные часы на перроне вокзала показывали, что вот-вот наступит смена суток. Было пустынно, и лишь веселая перебранка группки «гастарбайтеров» — итальянцев, готовивших почтовые бумажные кули к погрузке, — нарушала ночную дремотность перрона. Мы, четверо советских журналистов, возвращались после Мюнхенской олимпиады домой и ждали пересадки на экспресс Париж — Москва. Все устали и от бешеной работы на играх, и от прогулки по Ганноверу, и от ожидания поезда. Разговор шел нейтральный, неторопливый, скорее для того, чтобы не заснуть. И вдруг мы увидели, как из разинутой пасти вокзального тоннеля вынырнула могучая фигура с чемоданами в руках. Еще десяток-два шагов, и мы разом узнали: Анатолий Поливода — один из центральных нашей баскетбольной дружины.

— Ты как здесь очутился?

— Хлопцы самолетом подались до дому, а я больше люблю поезд, — последовал ответ. — Так что поедем вместе... — Киевлянин сел с нами на скамью, взглянул на часы и, вроде бы ни к кому не обращаясь, задумчиво сказал:

— Вот сегодня, наверное, засну. А то с той ночи никто из нас глаз не сомкнул! Закроешь глаза — зал, площадка и эти три секунды...

Матч СССР — США был назначен на 23.30 по средневропейскому времени. Ни один финал в истории Олимпиад не начинался столь поздно. И билеты на него распроданы еще за год до начала Олимпийских игр...

Накануне я шел по узким «бетонным» улочкам олимпийской деревни. По привычке подошел к черным четырехугольным «обелискам», что были на площадке

у Восточных ворот, указывающим температуру воздуха, воды, скорость ветра и влажность воздуха. У одного из черных столбов стоял американский баскетболист Том Барлесон. В свои 19 лет этот студент из Северной Каролины вырос до 225 сантиметров (причинив, кстати сказать, администрации олимпийской деревни немало хлопот с кроватью). Я спросил:

— Какие шансы на завтра?

Американец улыбнулся:

— Фифти-фифти — половина на половину. За нас олимпийская традиция. И три тысячи болельщиков на трибунах. А потом, черт побери, у вас и так уже хватает медалей! Нам же победа необходима...

Надо ли говорить, что исход баскетбольного финала интересовал журналистов и многих зрителей едва ли не больше, чем все остальные финалы этого дня.

Мы знали, что старый «баскетбольный волк» — тренер сборной США Хэнк Айба привез команду с безукоризненно налаженной защитой. Да, в ней не было таких «звезд», как, скажем, Рассел или Чемберлен, которых мы видели на прежних Олимпиадах. Но это была честолюбивая, азартная, молодая и полная сил команда, знающая, что такое баскетбол, и тщательно отобранная из великого множества талантливых игроков. Не случайно шестеро из двенадцати приехали в Мюнхен, имея в кармане приглашения от профессиональных клубов. Они задержали окончательный ответ, желая запросить подороже после получения олимпийского «золота».

Но это «золото» еще надо было добыть...

Сотни машин заполнили улицы, площадки и закоулки вокруг «Баскетболхалле». Порядком надоевшие ослиные крики автомобилей с надписью «Полиция» здесь раздавались особенно часто: стражи порядка, снуя по дороге, «распихивали» все подъезжающие западногерманские, австрийские, швейцарские, французские, шведские машины по импровизированным стоянкам.

До начала встречи было еще минут 15—20. Но на трибунах огромного круглого зала, крытого снаружи своеобразной короной из ребристых алюминиевых плит, не было ни единого свободного места. Своих соотечественников-болельщиков мы сразу узнали по алому полотнищу флага. Но почти все места занимали болельщики команды США. В невообразимых красно-белых широченных штанах, в рубашках, сшитых из американских флагов, обложившись кинокамерами, фотоаппаратами, они взволнованно гудели, видимо предвкушая победу своей «верной лошадки» — бессменного лауреата олимпийских баскетбольных турниров.

Но ведь и наша команда верила в свою счастливую звезду!

Начало игры было для американцев ошеломляющим. Сначала три четко заброшенных штрафных и затем два вихревых рейда — и счет уже 7:1.

— Шай-бу! Шай-бу! — несетя из «советского сектора» трибун.

Американские болельщики молчат. Седьмая минута. Наши ведут 15:7. Это Сергей Белов один за другим положил в кольцо соперников три мяча. Айба лихорадочно ищет противоядие. У Гендерсона опека Сергея явно не идет. Его сменяет Коллинс. Снова осечка. Тогда появляется мобильный и цепкий, как спрут, Кевин. Но тут Сергею, уже принесшему команде 12 очков, дают возможность передохнуть.

Как справедливо писала после матча газета «Шпорт курир», русский тренер оперировал своими игроками на площадке, как опытный гроссмейстер фигурами на шахматной доске. Многочисленные тактические варианты и умелая расстановка игроков помогали ему постоянно «выбивать из седла» американцев.

Но это будет написано уже потом, после матча. А в те минуты на площадке шла яростная, бескомпромиссная борьба. К середине тайма наши впереди — 19:9. Но

американцам удалось снизить темп, перевести игру в более спокойное русло. К перерыву разрыв заметно сократился. — 26:21. Второй тайм. Два прорыва Саши Белова (однофамильца Сергея) заставляют нас понервничать: мяч минует кольцо. И тут началось!

— Гоу, ю-эс-эй, гоу!! (вперед, США, вперед!) — завопили американские болельщики.

Обе стороны все время варьируют составами, пытаются нащупать уязвимые места в обороне. Но вот наши несколько раз эффектно поражают цель. 31:24. Айба берет тайм-аут и пытается успокоить своих явно нервничающих питомцев. Но проходят две трети матча, и советская команда ведет с разрывом в 10 очков.

Однако американцы настойчиво стремятся выбраться из этого «очкового ущелья». Вот два хороших броска демонстрирует Бреввер. За ним отличается и Кевин. Остается восемь минут. Владимир Кондрашин берет тайм-аут. Чувствуется, что обе команды на пределе сил. Отсюда обилие промахов и непостижимых ошибок. 15-я минута — 44:36. Но вот 44:40, 44:42... Что-то сломалось в отлично действовавшем моторе нашей сборной...

В огромном, клокочущем, как кратер, зале ничего не слышно. Американские болельщики, почувствовав, что их любимцы где-то нащупали правильный ход игры, неистовствуют. Кричат даже журналисты, забыв про диктофоны и блокноты. Дальше счет идет на секунды.

Остается 180 секунд. Ох как долго они тянутся! Да тут еще Саканделидзе не использует два штрафных...

Зато Паулаускас «выбивает» три из четырех. 120 секунд до сирены. 109 секунд... Сначала Форбес, а затем Коллинс меняют счет на 47:46. Саканделидзе отвечает. 48:46. 55 секунд. Айба берет тайм-аут. Никто не сидит на местах. Зал ревет. Сергей Белов забрасывает штрафной. 49:46. 39 секунд. Форбес точен. 49:48. Остается три секунды, когда Коллинс хладнокровно делает счет сначала ничейным, а затем выводит своих вперед: 49:50.

Итак, три секунды — и все! Один-единственный шанс у нашей команды — за эти три секунды забросить мяч!

Мяч у Едешко. В центре площадки мертвенно-бледный, с окровавленной повязкой (разбит лоб) Александр Белов. По бокам его опекают два американца. Вдруг Белов рванулся к своему кольцу и мгновенно, изменив направление, бросился под кольцо американцев, которые на миг упустили его из виду. И тут последовал ювелирный, выверенный до миллиметра тридцатиметровый пас Едешко под самый щит. Нет, он не бросил, а метнул оранжевый шар. Мяч в руках Белова. Шаг вместе с финтом. Еще секунда... И, взвившись в воздух, советский спортсмен кладет мяч в кольцо. 51:50. Победа! Время матча истекло. Закончились эти три секунды.

От счастья, волнения и усталости Белов теряет сознание, и мы, советские журналисты, выскочив на площадку, усаживаем героя на судейское кресло. Ликованию команды и наших болельщиков нет предела. А ребята поют, пляшут, хохочут, плачут, обнимают друг друга, устраивают кучу малу.

...Но руководители команды США заявляют протест. Отменяется церемония награждения.

Собирается международное апелляционное жюри...

Уже около часа ночи, в Москве около трех. Мирно спят наши любители спорта, не ведая, что творится здесь, под сводами «Баскетболхалле». А западные журналисты звонят в свои редакции. Слышим: «Сказочно», «Совершилось невозможное», «Потрясающая воля к победе», «Финал в замешательстве», «Что решит жюри?» Да, обстановка накалена до предела.

Мы видим, как команда США выходит из своей раздевалки и направляется к автобусу.

Ждет машина и наших ребят. Но они сидят час, полтора... Наши тренеры никого к своим питомцам не пускают... В раздевалке мертвая тишина. Кто-то уронил голову на плечо. Кто-то пьет воду. Все молчат. Но ду-

мают об одном и том же. А жюри продолжает совещаться. Мы остаемся почти одни в темном, безлюдном зале. И лишь цифры 51:50 на табло напоминают о том, что здесь произошло.

Но и утром неизвестность.

Поступает сообщение, что команда США через полчаса после устного протеста сформулировала свой письменный протест из восьми пунктов. Не предъявляя ни в одном из них претензий к команде СССР, она обвинила судей в нечеткости. Протест был крючкотворским, он состоял из взаимоисключающих пунктов — руководители американского баскетбола цеплялись за соломинку.

...Лишь через 24 часа после игры Олимпиада награждала лауреатов баскетбольного турнира. Под бурную овацию зрителей, безмерно счастливые, поднялись наши двенадцать славных парней на пьедестал почета. Слева от них на третьей ступеньке, тоже радостные и взволнованные, стояли спортсмены Кубы. А правая ступенька пустовала. И любители спорта из разных стран беспощадно освистали эту демонстрацию уязвленного самолюбия, попытку таким неприглядным образом сохранить свою репутацию непобедимых.

И уже потом, в олимпийской деревне, ребята, вспоминая пережитое, скажут:

— Мы знали, что Белов забьет. Все зависело от паса. Если пас хороший, Саша забьет...

А сам Саша Белов отбивался:

— Ну вот, опять об этом последнем броске! А ведь Серега Белов за игру двадцать очков набрал! Двадцать с американцами! Это же нужно понять...

Да, все это нужно осмыслить и понять. Волю. Спортивное искусство. Расчет. Хладнокровие. Волнение. Дружбу. Взаимовыручку. Победу... Победу, которую вместе добыли наши мастера в тот ночной час, за те три секунды.

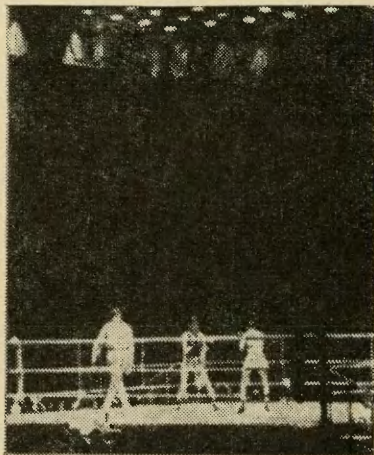
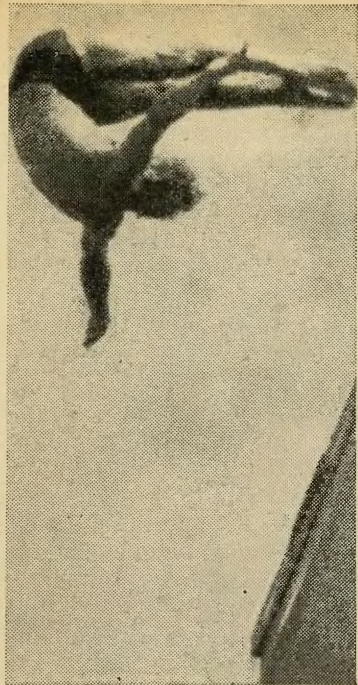
Ю. Ваньят

976

ИНСБРУК
МОНРЕАЛЬ

ТАНГО «РОМАНТИКИ»

Первенство Европы 1975 года закончилось их победой. Пятой по счету. Теперь пятикратные чемпионы мира и континента Людмила Пахомова и Александр Горшков готовились к поездке в американский город Колорадо-Спрингс, где на первенстве мира им предстояло дать серьезный бой своим юным соперникам Ирине Моисеевой и Андрею Миненкову. Эта пара, подготовленная Татьяной Тарасовой, отлично выступила на первенстве в Копенгагене.

В Дании Саша и Люда узнали, что на чемпионате мира в Америке они должны будут продемонстрировать танго, с которым блестяще выступали в сезоне 1974 года. Их танго «Романтики» полюбилось всем болельщикам фигурного катания и судьям.

...Международный союз конькобежцев решил, что именно танец Пахомовой и Горшкова должен войти в обязательную программу фигуристов всей планеты. Изобретенное спортсменами в соавторстве с их тренером Еленой Чайковской, продуманное до мельчайших деталей, отшлифованное, танго «Романтики» уже в год своего рождения стало классическим.

Это было большой победой советской школы фигурного катания: впервые имя советской спортсменки

Людмилы Пахомовой (а в судебных протоколах «Романтики» так и осталось «танго Пахомовой») должно было появиться в азбуке фигурного катания наряду с прославленными именами Сальхова, Лутца, Акселя...

После церемонии награждения чемпионы континента позировали для многочисленных фотокорреспондентов. Саша Горшков чувствовал себя в тот вечер плохо — очень устал... Ему хотелось поскорее уехать в гостиницу, встать под горячий душ и немножко прийти в себя. Но швейцарские фоторепортеры попросили Сашу снять шубу и выйти на каток. Он не мог отказать им. Уважая свой труд, он привык считаться с работой других. Выходя на лед, про себя подумал: «Что я делаю? Я же вспотел! Как бы не прохватило!»

В самолете, который летел в Москву, Саша почувствовал боль в груди. «Странно, обычно я хорошо переношу высоту, а сейчас комок в горле стоит», — шепнул он Людмиле. «Уже подлетаем», — успокоила его жена.

Они еще не знали, что через несколько часов врачи найдут у Горшкова «спонтанный пневмоторакс», проще говоря, разрыв легкого. И разрыв этот произошел во время полета.

Счет пошел на минуты. Когда Сашу привезли в больницу, левое легкое уже не работало. Он катастрофически быстро терял кровь. Словно окаменелые, сидели внизу, в приемной, Люда Пахомова и Елена Чайковская. Врачи не скрывали: положение крайне тяжелое. Врач сказал: «Саша в состоянии клинической смерти. Если бы он не был спортсменом, он бы давно уже умер».

После операции, когда Саша пришел в себя, он сразу спросил у врача:

— Когда я смогу выйти на лед?

— А когда бы вы хотели?

— Недели через две мне нужно возобновить тренировки... Иначе мы не успеем!

Потом будут двенадцать дней в клинике. Уколы, перевязки. В эти дни выясняется, что у Саши в плевральной полости образуются сгустки. Врачи решатся на уникальный эксперимент: станут вводить специальное лекарство прямо в полость. Операцию оценят как «редчайший случай в советской медицинской практике». Лекарство помогло — сгустки крови были растворены, а затем их откачали из организма.

И через две недели после операции Александр Горшков вышел на лед катка «Кристалл» в Лужниках.

Не верилось, что человек, который испытал состояние клинической смерти, снова сможет покорять мир. Я был на этой первой тренировке. Помню бледное лицо Людмилы Пахомовой. Саша нервничал: «Я так подвел тебя... Ну ничего, постараемся успеть!» Людмила пыталась улыбнуться, брала его руку и считала пульс. По выражению ее лица можно было понять: много-много...

Людмила объясняла:

— Каток в Колорадо находится на очень большой высоте — 2600 метров над уровнем море. Для всех фигуристов это минус — надо приспособливаться к высоте, акклиматизироваться. Мы приедем в Америку за два дня до старта.

— Вы все же собираетесь выступать? — недоумевали многие.

— На старт чемпионата мира не настраиваемся. Но мы хотим показать свой танец судьям... А что касается дублеров, то они у нас надежные — Моисеева и Миненков... И само первенство необходимо видеть: ведь танцевальные пары привезут в Америку новые программы. Мы должны знать все новое, что есть в арсенале соперников. Кроме того, мы получили приглашение совершить турне по Соединенным Штатам Америки и Канаде. Это не просто спортивное выступление, мы будем своего рода полпредами советского спорта, должны по-

казать свое искусство. Если будут аплодировать нам, значит, будут приветствовать весь советский спорт. Это большая ответственность. Постараемся, чтобы все получилось хорошо... И еще не забудьте — турне по Америке входит в нашу подготовку к Олимпийским играм в Инсбруке-76, первым играм, в которых примут участие танцевальные пары. Не скроем — мы хотим, чтобы счет олимпийских чемпионов начался с нас, с советских спортсменов.

Ради исполнения этой мечты они работали вдохновенно, самоотверженно. И когда одному из них было трудно, то главную тяжесть брал на себя другой. Они не просто муж и жена, они единомышленники, друзья. Думая о них, я вспоминаю строки Симонова: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла...» Да, таких, как Горшков и Пахомова, никакая случайность, никакая трагедия не может вывести из строя.

Есть истинная справедливость в том, что летопись олимпийских победителей в танцах на льду началась именно с их фамилий. Пахомова и Горшков, самая элегантная пара фигурного катания, которой зимой 1975/76 года было посвящено в печати и эфире около миллиона хвалебных слов, доказала, что мужеству человеческому нет предела, что смелость и мастерство безграничны.

Настал и торжественный, запоминающийся и слегка грустный день в их спортивной жизни, когда они прощались в Лужниках с болельщиками, чтобы уже никогда больше не выйти на лед. Они уходили на тренерскую работу. Пахомову спросили: «Вы, имеющая диплом об окончании института театрального искусства, неужели вы снова вернетесь на лед, чтобы стать тренером?» Люда ответила сразу: «Было много спортсменов, которые, закончив выступать в большом спорте, получали образование в совершенно другой области... И... возвращались в спорт!..»

Прошло два года. Людмила Пахомова уже подготовила для сборной страны молодую танцевальную пару. А Александр Горшков стал государственным тренером по фигурному катанию.

Смотрел я на Сашу Горшкова, отвечающего на бесконечные телефонные звонки из разных городов и стран мира, заваленного бумагами, справками, графиками, книгами... и думал о тренерской судьбе. И вспомнились стихи Роберта Рождественского:

Его питомец замер, задыхаясь
в сиянье
золоченого венка...
Вновь тренеру, терпя и чертыхаясь,
вести по жизни нового юнца.
Вновь чувствовать, что в молодость вернулся.
Шептать не улыбающимся ртом:
«Ты выиграешь!.. Только не волнуйся...»
И знать,
что под рукою —
валидол.

А. Юсин

ПРОГНОЗ ВСЕ РАВНО ОПРАВДАЛСЯ

Утром 13 февраля 1976 года неподалеку от столицы Белой Олимпиады Инсбрука на лыжном стадионе Зеефельда собралось около двадцати тысяч зрителей. Они пришли сюда, невзирая на сильную метель, ветер и 10-градусный, считающийся «весьма приличным» в этих местах мороз. Их привело сюда желание увидеть захватывающее соревнование — эстафету биатлонистов.

Слово это происходит от названия вида спорта — биатлон, что в переводе с греческого означает двоеборье. Биатлон — это лыжная гонка со стрельбой.

Эстафета проводится в четыре этапа, каждый участник преодолевает 7,5 километра, при этом дважды стреляя — лежа и стоя — по разноцветным шарам (а не ростовым мишеням, как в индивидуальной гонке). На каждые пять шаров даются восемь патронов, а если их не хватает, спортсмен в качестве расплаты за свою неточность проходит дополнительный, проложенный возле стрельбища 200-метровый штрафной круг. Столько раз, сколько осталось неразбитых шаров.

Наплыв зрителей в Зеефельде был вполне объясним, ведь именно в этом австрийском местечке состоялся первый в истории чемпионат мира по биатлону.

Сборные многих стран выступали в увлекательной эстафете, однако большинство зрителей и специалистов заранее отдавали пальму первенства советским спортсменам. Ведь биатлонисты СССР неизменно добивались высших успехов на крупнейших соревнованиях в течение многих лет подряд. Дело в том, что еще до того, как родился биатлон, в Советском Союзе популярной была гонка патрулей. Ее участники становились на лыжи, брали с собой винтовку и по ходу гонки поражали мишени примерно так же, как потом в биатлоне. Понятно, что наши мастера быстрее и успешнее всех освоили новый вид спорта.

Правда, на сей раз советских биатлонистов ждала серьезная конкуренция. К моменту Инсбрукской олимпиады заметно выросло мастерство атлетов других стран, особенно финских. Спортсмены Суоми дали настоящий бой нашим асам на чемпионате мира 1974 года, причем на советской трассе — в Раубичах под Минском. Отлично подготовились финны и к этим играм, тогда как биатлонисты СССР на предолимпийских состязаниях выступили не совсем удачно...

— Все так, — говорили зрители, — и тем не менее первое место завоюют советские спортсмены. Что бы ни случилось.

И они оказались правы, хотя и в самом деле произошло в эстафете такое ЧП, которое могло поломать любые прогнозы.

...На первом этапе от нашей сборной выступал 24-летний Александр Елизаров. Самый молодой в команде, он участвовал в Олимпийских играх впервые, однако показал себя не робким дебютантом. В 20-километровой классической гонке биатлонистов Саша добился бронзовой медали. И сейчас тоже состязался удачно: шел по трассе и стрелял отлично.

Елизаров финишировал, создав солидное преимущество сборной СССР.

Передав эстафету олимпийскому чемпиону 1972 года Ивану Бякову, Саша попал в заботливые руки одного из наших тренеров, Геннадия Раменского.

— Молодец, Сашок, — говорил тот, укутывая Елизарова одеялом. — Почин есть, теперь, считай, дело налажено...

И тут Раменский услышал, как кто-то крикнул:

— Гена! Бросай Сашу, беги к Бякову!..

Раменский повернулся в сторону лыжни и увидел, что Иван, только что стартовавший, движется... назад. А произошло вот что.

Пройдя всего сотню-другую метров от начала этапа, Бяков почувствовал, что случилось неладное. Еще через несколько метров его правая нога отделилась от лыжи. Едва удержавшись на ногах, Иван остановился и посмотрел, в чем дело. Оказалось, сломалось крепление. И это было очень скверно, оно было оригинальной конструкции, намертво соединено с ботинком, и продолжать гонку можно было только в другом, причем точно таком же ботинке.

Такие ботинки имели еще лишь французские спортсмены: западногерманская фирма «Адидас» снабдила этими экспериментальными ботинками с наглухо при-

деланными креплениями только сборные СССР и Франции.

Поменять ботинок непосредственно на дистанции, в том месте, где находился сейчас Бяков, было невозможно. Потому-то он и решил возвратиться.

Но сколько же времени уйдет на все это... Бяков двигался медленно, с одной лыжей в руке, а до старта еще недалеко...

Запас сборной СССР таял на глазах, соперники приближались...

Прогнозы висели на волоске...

Раменский со всех ног мчался навстречу Бякову, но примерно на половине пути тот вдруг вовсе остановился...

«Да что же это?» — с отчаянием подумал тренер, но, добежав наконец до Ивана, все понял. Оказалось, как раз здесь — бывает же такое везение — находился молодой французский гонщик Жерар Верге. Оценив обстановку, он мгновенно сорвал нужный Бякову ботинок со своей ноги и передал его советскому спортсмену.

И вот сейчас тот переобувался...

Раменский взволнованно наблюдал за ним, волновались и стоявшие рядом зрители, и Жерар Верге, потому что конкуренты один за другим обходили Ивана, и только Бяков казался невозмутимым. Он выглядел так спокойно, будто бы ничего не произошло, будто все идет как положено, как планировалось. Нет, недаром об этом человеке говорят: «Иван просто создан для преодоления трудностей».

Переобувшись, Бяков побежал так быстро, как, пожалуй, еще никогда не бегал, хотя ботинок француза оказался не совсем его размера. Ни одного штрафного круга не заработал Бяков и в ходе стрельбы. Проявив колоссальное мужество и выдержку, заслуженный мастер спорта 32-летний педагог из Киева показал своим ученикам еще один пример спортивного героизма.

Бяков пришел к финишу второго этапа среди первых, шансы сборной СССР вновь стали золотыми, и выступавшие далее горьковчанин Николай Круглов и Александр Тихонов из Новосибирска не только сохранили, но и увеличили превосходство советской команды.

— Ну что? — торжествовали зрители. — Мы же говорили, что они победят.

В. Бабкин

ВРАТАРЬ

Перед началом традиционного турнира на приз газеты «Известия», который собирает лучшие любительские сборные мира, А. В. Тарасов предложил тренерскому совету Федерации хоккея СССР включить меня в сборную. Его не поддержали: «Молод еще Третьяк. Разве можно на такого мальчишку надеяться?..» В мировой практике еще не было 17-летних вратарей. Тарасов настаивал на своем, и осенью 1969 года я попал в сборную СССР.

Я никогда не стеснялся перенимать все лучшее, что видел у других. Опытные хоккеисты, которые меня окружали, как правило, щедро делились своими знаниями, секретами своего мастерства, они не смотрели на новичка сверху вниз. Жак Плант как-то сказал мне, что он всю жизнь учился через ошибки, помочь ему было некому. Я же в этом смысле могу считать себя счастливым. Мне всегда везло на хороших людей, хороших наставников.

Ну представьте себе, к примеру, такую ситуацию. Основной вратарь сборной СССР 60-х годов Виктор Коноваленко семь раз был чемпионом мира, дважды олимпийским чемпионом. В свои тридцать лет авторитет имел огромный. И вот Виктору говорят, что дубле-

ром у него будет какой-то мальчишка. Как по-вашему, что должен подумать в такой ситуации прославленный ветеран? Как он должен отнестись к своему новому партнеру? Коноваленко же при первой встрече оглядел меня с ног до головы, потом как равному пожал руку и произнес: «Ну, ну, не робей». Больше, по-моему, он тогда ничего не сказал, да это и неудивительно: Виктор был чрезвычайно неразговорчив.

Едва познакомившись со мной, Коноваленко начал терпеливо раскрывать секреты вратарского искусства. Прославленный ветеран заботливо поднимал на ноги безусого мальчишку. Он спешил передать мне все, что знал, что успел постичь за годы своей славной карьеры, и наука эта для меня оказалась поистине бесценной.

Коренастый, плотный, неповоротливый с виду, Виктор мгновенно преобразался, стоило ему занять место в воротах. Он обладал молниеносной реакцией, храбростью, у него была прекрасная интуиция. И никогда его не покидало хладнокровие — вот что особенно важно. Только по какому-то обидному недоразумению Виктора ни разу не признали лучшим голкипером мировых первенств. Ни один страж ворот в любительском хоккее не имел столько побед, сколько было у него.

В 1970 году я впервые участвовал во взрослом мировом чемпионате, который проходил в Стокгольме. Основным вратарем был Виктор Коноваленко. Играл он великолепно. Я бы тогда без колебаний присудил Виктору звание лучшего вратаря. Особенно запомнился один эпизод из матча со шведами. Шел второй период. Мы проигрывали со счетом 1:2. Вот кто-то из шведских хоккеистов рвется к нашим воротам, но слишком далеко отпускает шайбу. Виктор в отчаянном броске падает и пытается выбить ее. А швед не может погасить скорость и мчится вперед. Его конек врывается в лицо вратаря. Коноваленко увезли в больницу, а в во-

рота встал я. И пропустил две довольно легкие шайбы. Видно, очень волновался... Мы уступили в этом матче со счетом 2 : 4.

На следующий день все газеты писали, что русский вратарь должен надолго забыть о хоккее. «Сделано 14 рентгеновских снимков. Они показывают: у Коноваленко серьезно повреждена переносица, кроме того, он получил тяжелые травмы головы. Один из лучших игроков сборной СССР прикован к постели».

Когда обыватель переваривал всю эту информацию, Виктор... старательно тренировался на льду «Юханесхофа». Вечером советская сборная вышла на свой очередной матч с финнами, и Коноваленко занял привычное место в воротах. Правда, в третьем периоде его заменил я, но на табло к тому времени уже, кажется, значилось 10 : 0 в нашу пользу. Изумлению шведов не было предела. Еще через день газеты сообщили: «Персонал больницы потрясен мужеством русского вратаря».

Урок? Да еще какой!

Мужество, отвага, стойкость — эти качества всегда привлекали и будут привлекать меня. Возможно, потому, что они очень нужны вратарю, без них вратарь, каким бы талантом он ни обладал, просто немислим. Я часто задумываюсь над природой мужества, а случаи, связанные с проявлением столь прекрасного свойства человеческого духа, особенно те случаи, свидетелем которых мне доводилось быть, не забуду никогда.

Рассказ В. Третьяка записал В. Снегирев

ГРАЦИЯ И СТАЛЬ

...Далекий, очень необычный для нашего глаза, огромный Мехико — яркий, влажный, певучий, но очень приятный дружелюбием и интересом к нам, представителям советского спорта.

Это там миллионы людей были буквально влюблены в ленинградскую грациозную гимнастку Наталью Кучинскую. В ореоле ее популярности был не очень замечен дебют 16-летней Людмы Турищевой — девочки из Грозного.

Но через два года о Людмиле Турищевой знал уже весь спортивный мир: она стала абсолютной чемпионкой планеты. А еще два сезона спустя, в Мюнхене, — абсолютной олимпийской чемпионкой.

И вот Монреаль. 1976 год. Третья и последняя Олимпиада Людмилы, уже опытного вожака команды. Здесь, в Монреале, засверкали имена 15-летней румынки Нади Команечи и нашей Нелли Ким из далекого чимкентского «Спартака». На долю Турищевой в личном зачете осталась лишь бронза. И она приняла ее со слезинками в глазах, но с обаятельной улыбкой, расцеловав на пьедестале почета более удачливых подруг. Она — Турищева — на деле подтвердила слова Хемингуэя: «Спорт учит честно выигрывать, спорт учит с достоинством проигрывать. Словом, спорт учит всему — учит жизни».

А до Монреаля в спортивной жизни Турищевой был еще один эпизод, подтверждающий ее исключительную волю и умение с честью выходить из труднейших ситуаций. Это случилось в Англии, за год до олимпийского вояжа в Канаду.

...В холле лондонского отеля «Эссо-Мотор», где жили участники первого в истории гимнастики розыгрыша Кубка мира, были выставлены копии медалей и призов победителям. Один из них — серебряная статуэтка устремленной ввысь гимнастки — был завоеван в ту предолимпийскую осень семьдесят пятого года в зале «Уэмбли» блистательной королевой гимнастики Людмилой Турищевой. Причем выигран он по всем видам. У Людмилы в итоге набралась сумма 39,15 балла, а

вечная ее соперница и подруга Ольга Корбут набрала 38,55 балла.

Между тем непредвиденные драматические обстоятельства не только могли лишить Людмилу победы, но и вообще помешать ей довести турнир до финиша. И кто знает, осталась бы она невредимой, если б не удивительная собранность и реакция Турищевой.

...Итак, Людмила заканчивала комбинацию на брусьях. И вдруг в огромном притихшем зале раздался оглушающий треск и скрежет. И тут все — зрители, судьи, журналисты, обслуживающий персонал и даже невозмутимые рослые полисмены — вздрогнули от этого звука, похожего то ли на выстрел, то ли на обвал трибуны. Это лопнул стальной крюк, державший растяжку снаряда, и брусья за спиной ничего не подозревающей Турищевой в мгновение ока развалились. Но она закончила выступление. Оценка 9,8 балла, долгая овация переполненных трибун.

Драматический эпизод с разорвавшимся стальным крюком на брусьях вызвал в мировой спортивной и особенно в английской печати разноречивые отклики: с одной стороны, пресса критиковала английскую фирму «Томпсон» за плохое качество брусьев, иронизируя по поводу «рвущейся стали» (в пресс-центре нам показали чертеж, поясняющий журналистам, где и что сломалось), а с другой стороны, репортеры восхищались мужеством и самообладанием Людмилы, награждая ее самым пышным и красивым званием «великолепной королевы» мировой гимнастики. А одна газета написала: «Перед ней падают ниц даже брусья». Да, английский юмор ценится довольно высоко. Но тогда в зале было не до шуток. Особенно Людмиле Турищевой.

Несколько лет спустя Людмила говорила, что в то мгновение она помнила лишь об одном — надо закончить упражнение, надо, как говорят гимнастки на своем сложном языке, «встать в доскок». И что творилось за

ее спиной, она, естественно, не видела, но остро почувствовала, что там, позади нее, произошло нечто невероятное. Был ли страх? В то мгновение нет!

В тот вечер через несколько минут Людмила, как всегда собранная и элегантная, появилась на следующем снаряде — бревне. И весь огромный зал единодушно отдал симпатии ей.

И вот в последний раз под сводами Дворца спорта «Уэмбли» в тот октябрьский вечер прозвучал брагурный марш, написанный специально для соревнований первого в истории мировой гимнастики розыгрыша Кубка мира. И около двух часов ночи по московскому времени (в октябре в Англии вводится так называемое «зимнее время», которое уже на три часа отличается от московского) зрители покинули трибуны, унося яркое воспоминание об этом празднике мировой гимнастики — древнейшем виде спорта.

Несмотря на очень высокую цену билетов, доходившую до пяти фунтов стерлингов, а зале все дни был аншлаг.

А ведь именно в те дни в Англии состоялось много крупных спортивных соревнований: в «Кристалл паласе» выступали сильнейшие штангисты мира, в том числе наши богатыри. Футбольные сборные Англии, Шотландии, Ирландии и Северной Ирландии проводили очередные во многом решающие для них отборочные матчи чемпионата Европы.

Один английский юморист как-то написал, что в его стране со случайным собеседником говорят о погоде, с достойным — о политике, а с приятным — о футболе. Но в те дни в самой британской столице повсюду — в автобусах, магазинах, кафе, «пабах» — пивных клубах — говорили только о гимнастике и непременно о Турищевой и разорвавшихся брусьях. Десять комплектов медалей были разыграны на берегах Темзы. Нема-

люю долю из них вручили гимнастке с берегов Дона. Думается, что тогда любители спорта говорили об этом не только на берегах туманного Альбиона.

Ю. Ваньят

ДЕСЯТЬ МГНОВЕНИЙ БЕЗ СТРАХА И СОМНЕНИЙ

Было часов шесть утра, а худенький мальчонка в лисялой майке и потертых джинсах уже маячил около нашего отеля. Да, в дни Монреальской олимпиады жизнь спортивных журналистов и продавцов газет началась рано. Мы с парнишкой подмигнули друг другу:

— Доброе утро, месье. Газету?

— Привет, малыш. Пожалуй, вот эту, на английском. Спасибо.

— А не мог бы месье подарить мне еще один русский значок?

— Пожалуйста.

— О, благодарю. У меня теперь целая коллекция. А газета сегодня, наверно, очень интересная. Покупают нарасхват, — похвастался мой юный знакомый.

Кому-кому, а этому смышленому мальчишке-монреальцу Олимпиада была явно по душе: газеты раскупались мгновенно. Стоя на автобусной остановке, я неторопливо перелистывал пухлую, листов в пятьдесят, газету и вдруг... Нет, нет, такого быть не может. Прямо на меня с огромной фотографии во всю страницу смотрел Валерий Борзов — чемпион прошлой, XX Олимпиады в беге на 100 и 200 метров. Накануне он занял третье место на стометровке и получил бронзовую медаль. Но писали совсем не об этом. Под фотографией крупно набранная подпись: «Валерий Борзов исчез из олимпийской деревни».

Вскакиваю в автобус. Из включенного радиоприем-

ника слышу: «Звезда русской легкой атлетики Валерий Борзов не собирается больше выступать за советскую команду».

Еду в главный олимпийский пресс-центр. И здесь эта сенсационная «новость» обсуждается на все лады. Прямо чертовщина какая-то! Мы, советские журналисты, знаем, что такого быть не может, что это какая-то провокация. Недоразумение разъясняется просто. Мы звоним в олимпийскую деревню, и дежурный по штабу советской делегации отвечает:

— Не волнуйтесь. С Валерием все в порядке. Мы еще вчера вечером слышали об этой фальшивке. А самого Борзова позвать к телефону не могу. Он спит. Пусть отдыхает. Нелегкий у него был денек.

Зачем и кому понадобилось поднимать эту провокационную мышиную возню вокруг известного спортсмена, одного из главных претендентов на победу в спринте?

Незадолго до старта финального забега на сто метров в штабе нашей делегации раздался телефонный звонок. Неизвестный «доброжелатель» говорил спокойно и уверенно. Он желал успехов Валерию Борзову, но просил его быть очень и очень осторожным, потому что во время финального забега на трибуне будет сидеть человек с винтовкой. Оружие с оптическим прицелом, да и без этого снайпер не промахнется. Он всегда попадает точно в цель. А на этот раз у него живая мишень — Валерий Борзов. Говоривший очень вежливо попрощался, и в трубке раздалась короткая гудка. Вот в какой обстановке предстояло выступать Валерию Борзову.

В Монреале много говорили о порядке, но вот порядка-то в столице XXI Олимпиады и не было. Борзов привык к точности. Он из тех, по кому можно проверять часы. Наверное, потому, что почти в непрерывной борьбе со стрелкой секундомера он научился ценить время.

Старт олимпийского финала в беге на сто метров все задерживался. Помехи накладывались одна на другую. И оставались в сознании. До конца испытаний Борзову нужно было преодолеть путь в 46 шагов. Именно за 46 шагов пробегает он свои коронные сто метров. А сейчас Валерий пытается забыть обо всем. Его не запугать провокациями и угрозами. Он выйдет на этот старт и побежит так, как готовился пробежать эту финальную стометровку в течение четырех лет. Четыре года ради 46 шагов, ради десяти секунд! И ни дня без тренировки, ни дня без бега. Чаще всего тяжелого, изнурительного. Организм не обманешь. В среднем за тренировку Борзов теряет два с лишним килограмма. А тут еще этот неудачный для него 1976 год. Даже в июне он не знал, сможет ли участвовать в играх: было травмировано бедро. До начала Олимпиады оставалось два месяца, в его распоряжении один. Он не выходил на беговую дорожку целый месяц. Пришлось пересматривать свои планы. Борзов понял — либо сто метров, либо двести. Валерий выбрал стометровку. В предварительных олимпийских забегах он сэкономил силы как мог и дошел до финиша.

Ну вот наконец-то финалистов вызвали на старт. Борзов спокоен и сосредоточен. Сейчас для него не существовало ничего, кроме этих непокоренных ста метров. До половины дистанции Борзов лидировал. Потом понял: соперники «достают». Но сделать уже ничего не мог. Не хватало каких-то крох, крупиц, растерянных из-за травмы, из-за тяжелой, нездоровой атмосферы, нагнетавшейся вокруг него. Он выложился до конца, отдал для победы все, что только способны были дать великолепно тренированное тело и мощный бойцовский дух.

В Монреале Борзов пробежал 100 метров за 10,14 секунды. Точно такой же результат показал он и в Мюнхене четыре года назад. Тогда он стал чемпионом, те-

перь лишь бронзовым призером. Хотя слово «лишь» здесь неуместно. Бронза Борзова многого стоила.

...Утро следующего дня было таким же изнурительно жарким, как и монреальский полдень. Мальчишка с огромной сумкой газет был тут как тут. Я пригòтовился подать свои заученно-короткие реплики, но не успел.

— Не покупайте эту газету, месье, — сказал мальчонка. — Все равно они не смогли сделать так, чтобы ваш Борзов проиграл.

Я кивнул. Спасибо тебе, мальчуган!

Н. Долгополов

МОЛОТ И БОЙЦЫ

Тренер и ученик — соперники на высшем олимпийском уровне. Не правда ли, редкий для спорта случай? Это Анатолий Бондарчук и Юрий Седых, их творческое содружество принесло великолепные плоды. Они завоевали на Олимпийских играх 1976 года в Монреале бронзовую и золотую медали в одном из самых популярных видов легкой атлетики — метании молота.

Юрия нередко спрашивают: «Часто вам приходится выступать вместе? Ведь это не совсем обычная ситуация. Как складываются во время соревнований ваши отношения с тренером?»

Он обычно отвечает:

— Анатолий Павлович с самых первых дней наших совместных тренировок готовил меня к таким встречам, когда мы волей-неволей вынуждены будем превращаться в соперников. Бороться друг против друга. Не скрою, раньше мне бывало не по себе, огромное уважение к учителю сковывало. Да и в олимпийском сезоне, когда я не проиграл ни одного турнира, нелегко было чувствовать себя в роли лидера. В новой для меня роли. Тут

была и еще одна сложность: если я завоевывал место в олимпийской команде, Бондарчук это место терял процентов на пятьдесят. Слишком много у него было более молодых и сильных соперников. Но он завоевал второе место на первенстве страны. Бондарчук очень чутко реагировал на мою раздвоенность. Сердился: «Что хитришь, думаешь, я не вижу? Ну так метай в полную силу, считай, что мы незнакомы, ты должен выиграть во что бы то ни стало. Если ты сильнее меня, я не обижусь. А выиграю — берегись! Значит, я зря трагил на тебя время».

Во время финальных попыток на олимпийском стадионе Монреаля Бондарчук подошел к Юрию лишь однажды. «Все нормально, — бросил, — так действуй и дальше...»

Вообще это очень характерно для Анатолия Бондарчука. Он считает, что спортсмен должен самостоятельно находить верные решения, не теряться в напряженной обстановке крупных турниров. Бондарчук согласен со своим учеником:

— Конечно, выступать вместе с Юрием против Юрия было труднее, чем против «обыкновенных» соперников. Кому больше я желал победы в Монреале? Не буду кривить душой, честное слово, не знаю. Еще никому из советских атлетов не удавалось на Олимпиадах завоевать две подряд золотые медали в метании молота. У меня это был последний шанс. И в свои броски я вкладывал всю силу, весь нервный заряд. Но еще больше душевных сил я вкладывал в каждый бросок Юрия, исполняя словно бы вместе с ним, за него все движения в круге для метаний, провожая взглядом его молот. И когда чемпионом стал мой ученик — теперь я понимаю это совершенно отчетливо, — я был счастлив не меньше, а, возможно, даже больше Юры... Да, выступать вместе гораздо труднее. Но зато насколько интереснее!

Когда в 1972 году Анатолий Бондарчук с триумфом

вернулся из Мюнхена, где завоевал олимпийское «золото», он, конечно, и не думал уходить из спорта, хотя ему исполнилось уже тридцать два. Он полагал, что этот почтенный, по спортивным понятиям, возраст для метателей молота помехой не является. Весной 1972 года Бондарчук успешно защитил во Всесоюзном научно-исследовательском институте физкультуры диссертацию на соискание степени кандидата педагогических наук.

Анатолий Бондарчук вспоминает то время:

— Я уже давно готовил себя к переходу в новое «качество» тренера, спортивного ученого. Но не ожидал, что первый ученик появится у меня так быстро. Меня познакомили с 17-летним Юрием Седых осенью того же 1972 года. Он приехал в Киев из небольшого городка Никополя учиться в институте физкультуры. Пришли на стадион. Лил холодный дождь. Какая может быть тут тренировка? Но я понял, что первый урок может стать для новичка самым важным — уроком верности делу. Юрий понял меня с полуслова. Тренировка состоялась. С тех пор Седых не пропускал ни одного занятия.

Молодому тренеру сразу пришелся по душе этот русоволосый приветливый паренек.

Бондарчук сразу почувствовал, что ему не хватало в жизни именно такого вот юного человека, которому можно было бы отдать весь свой жизненный опыт.

И они начали работать. Это было решение на первый взгляд вполне естественное для опытного атлета. Если же поразмыслить, в этом шаге Бондарчука было заложено большое нравственное мужество. Анатолий прекрасно понимал, что паренек с отличными физическими характеристиками имеет все возможности стремительно вырасти в грозного конкурента. Так вскоре и случилось. Летом 1973 года 18-летний Юрий Седых стал чемпионом Европы среди молодежи с новым мировым рекордом для своего возраста. Через год он первым из

юниоров преодолел границу 70 метров, еще не так давно бывшую недоступной для взрослых.

Бондарчук так прокомментировал победы своего подопечного:

— В самом начале нашей работы я заметил, что у Юры слабые плечи. Подумал: может быть, это просчет в подготовке? Но потом понял, что эта «слабость» позволяла Юрию метать молот свободно, размашисто. Мы стали развивать быстроту, но не в ущерб силе. И спустя три года в Монреале Юрий хотя и уступал своим главным соперникам в «чистой» силе, зато в комплексе — сила плюс быстрота — заметно всех превосходил. Это и принесло ему успех.

За два месяца до Олимпиады в Монреале они словно бы опробовали свой «монреальский вариант». Это было в мае, на международном турнире «Правды». После окончания финала оба спортсмена стояли на пьедестале почета плечом к плечу — Седых на верхней ступеньке, Бондарчук — на третьей. А со стороны виделся не просто традиционный ритуал награждения победителей, а нечто большее: передача эстафеты поколений от учителя к ученику.

На Олимпиаде-76 советские метатели молота завоевали золотую, серебряную и бронзовую медали. На пьедестале почета стояли Ю. Седых, А. Спиридонов и А. Бондарчук.

Тренер и ученик смотрели вперед. Бондарчук считал, что наступила пора штурмовать «рубеж недоступности» — границу 80 метров. Впервые он подумал об этой фантастической цифре в тот день, когда впервые увидел Юрия: «Сам я уже не смогу метать так далеко, но, если сможет он, буду считать, что прожил жизнь в спорте не зря».

Бондарчук уже рассчитывал траекторию этого неслыханного броска. Раскручивая молот или наблюдая за учеником, в лабораторной тишине работая над док-

торской диссертацией, или в домашней суматохе проверяя уроки детей, даже на свадьбе Юрия, состоявшейся осенью 1976 года, Бондарчук ловил себя на мысли, что постоянно думает о своей мечте.

Время в спорте особенно быстротечно. Юрий не стал первым, кто перешагнул черту «80». Его опередили. Что же, тем упорнее он готовится к своей второй Олимпиаде — в Москве.

Наступил очередной сезон. Самый молодой в истории Олимпиад чемпион в метании молота Юрий Седых снова входит в круг. Энергичные повороты — один, другой, третий... Мускульный взрыв! И семикилограммовое «пушечное ядро», пущенное сильной рукой, таранит небо и летит, летит...

И. Образцов

ПОЛЕТ К ПОБЕДЕ

До главного испытания в жизни 18-летней Елены Вайцеховской оставалось десять минут. Финалистов XXI Олимпийских игр в Монреале по прыжкам в воду должны были вот-вот вызвать на старт. И надо же, тренировочные прыжки у Лены совсем не получались.

Несколько часов продолжался финал. И всего несколько человек в переполненном зале знали, что Лена выступает с травмой.

Десятиметровая вышка — высота трехэтажного дома. И перед каждой из восьми попыток она знала: жесткая вода не пощадит больную руку. После прыжка Лена улыбалась публике, судьям и отправлялась в комнату отдыха. Там, вдали от любопытных глаз, она, морщась от боли, вправляла большой палец. Лена умела терпеть. Пару дней спустя я спросил ее: не собиралась ли она отказаться от участия в соревнованиях? Она

не поняла, о чем речь, и попросила повторить вопрос. У нее и в мыслях такого не было.

...Вайцеховская стала знаменитой за одну душную монреальскую ночь. Путь к олимпийскому «золоту» длился 15 лет из ее восемнадцати. В три года она научилась держаться на воде, в шесть уже плавала всеми стилями. На радость родителям, выходило неплохо. Отец Лены — главный тренер сборной СССР по плаванию, мать — экс-чемпионка страны по плаванию и тоже тренер. Оба мечтали сделать из дочери чемпионку.

Девять лет не возраст для принятия важных решений. В это время за нас все решают родители. Они берут детишек за ручки и приводят их в секцию гимнастики или хоккея. Или, еще лучше, фигурного катания. Ведь фигурное катание — это очень красиво, и фигуристов часто показывают по телевидению. Помимо спорта, сынишка-дочка занимается музыкой и рисованием. Не выйдет спортсмена, получится художник или, может, пианист. И то и другое неплохо.

Лена же наперекор родителям бросила заниматься плаванием. Дома наступил траур. Ее убеждали, ей приказывали, а она, обычно дисциплинированная и послушная, стсяла на своем: не буду. Лену всегда приучали к самостоятельности, и вот самостоятельность проявилась неожиданным и не особенно приятным для родителей образом.

Увы, иногда еще бывает, что кое-кто у нас взмывает ввысь на чужой родительской славе. В спорте это немыслимо. Седовласый и заслуженный отец не пробежит за тебя стометровку. Самой любящей матери никогда не выполнить головокружительного сальто. У спорта свои законы. Здесь все или почти все зависит только от себя.

Не знаю, поняла ли в девять лет эту несложную

в общем-то истину Лена Вайцеховская. Почему-то думаю, что да. Чуть ли не каждый день через всю Москву ездила она на тренировки в бассейн ЦСКА. Она занималась прыжками в воду у тренера Валентины Николаевны Дедовой.

Теперь в специализированной английской школе № 40, где она училась, разыгрывается приз Елены Вайцеховской. И ее фотография висит на самом видном и почетном месте. А раньше над Леной подсмеивались. Вечно она приходила на уроки с термосом и спортивной сумкой. Потом сломя голову мчалась на тренировку.

Тренировалась без устали. Появились кое-какие результаты, но особых взлетов не было. Не хватало ей легкости движений, довольно-таки средней оказалась координация. Без этого добиться успехов в прыжках в воду невозможно. Многие прыгуны, поняв это, уходят из спорта. Она же снова и снова забиралась на вышку. Позади были десятки, сотни, тысячи прыжков.

Лена не любит проигрывать. Нигде, никогда, никому. Она училась в пятом классе и бежала на лыжах на первенство школы. После соревнований учитель физкультуры озадаченно крутил в руках секундомер. Никак не верилось, что первой пришла эта маленькая девчушка-пятиклашка. Как она опередила всех, даже десятиклассников? Просто загадка. А у Лены не было сил радоваться: не могла отдышаться.

Она тяжело переживала неудачи. Их было много. Но они ее только закаляли. Вместе с тренером разучивала все новые и новые прыжки. Однажды выяснилось: у Елены Вайцеховской самая сложная программа в мире. И вот в 1974 году она впервые выиграла чемпионат СССР. Специалисты, тренеры, да и судьи, которые сами же вывели ее на первое место, удивлялись не меньше, чем школьный учитель физкультуры.

В трудных, почти безвыходных ситуациях бесстрашие ценится выше одаренности. Талант меркнет перед

трудолюбием. Для нее чем труднее, тем лучше. В олимпийском финале после первого прыжка она занимала шестое место. Трибуны безумствовали. Гвалт, топот, стон и рев забивали уши. Арбитры в ярко-желтых пиджаках сидели на своих высоченных судейских стойках. Но в тот вечер в бассейне находился и еще один, как выяснилось, самый важный судья — зритель. Больше всего среди болельщиков было канадцев и американцев. Если публика считала, что оценка, выставленная «их» спортсменам, низка, она шумно выражала недовольство. А когда на вышку поднимались наши спортсмены, то свист и неодобрительный рев зрителей мешали им настроиться на прыжок. И арбитры сдались. Судейство было далеко не объективным.

Вайцеховская не смотрела на электротабло. За годы занятий прыжками ей часто выставляли такие баллы, что и смотреть не хотелось. Перед каждой ее попыткой зал орал и не давал сосредоточиться. Она спокойно и невозмутимо стояла на десятиметровой вышке... Чего-то ждала, улыбалась и наконец прыгала. После пятого прыжка зрители ахнули: на первом месте шла спортсменка из СССР. Комсорг сборной страны Елена Вайцеховская приближалась к победе. Ни травма, ни соперницы, ни враждебно настроенные болельщики не могли остановить ее.

Я не видел последнего, восьмого прыжка. Боялся... Золотая медаль, которая уже почти была у нее в руках, могла бесследно исчезнуть. За те две и восемь десятых секунды, что длится полет, иногда случается всякое. Диктор, путаясь в словах и ударениях, объявила ее фамилию. Прошло несколько мгновений. И раздался оглушительный рев зрителей.

Н. Долгополов

ВЛАДИМИРСКИЕ ФАНТАЗЕРЫ

— Андрианов!

Зазвучали аккорды. Коля стоял у ковра, уставившись на большой палец правой ноги. Музыка оборвалась. Николай Григорьевич Толкачев кивнул аккомпаниатору:

— Еще раз!

И снова ни одного движения. После третьего вступления Коля рванул к выходу. В раздевалке, вытирая злые слезы, бубнил:

— Подумаешь, забыл. Обойдемся как-нибудь без вашей гимнастики.

Во дворе мальчишки гоняли мяч.

— Пас, пасик! — крикнул Колька и, как в былые «догимнастические» времена, понесся к воротам. И все бы на этом кончилось, если бы не Женька. Они жили в одном доме, вместе дрались и гоняли в футбол. Это Женька прочел объявление о том, что во Владимире открывается гимнастическая спортшкола, и затащил Кольку в зал.

Женька появился во дворе вечером.

— Ты куда делся? Николай Григорьевич тебя обыскался.

Колька не ответил. Спросил только:

— Ну ты чего там?

Тот лениво бросил, мол, пустяки — выиграл.

— Ну и плевать.

Колька отвернулся, пинул ногой мяч — гонять его почему-то расхотелось. Мысль оставить гимнастику вдруг прошла, появилась другая: «Подумаешь, чемпион школы, черта с два ты меня в следующий раз обскачешь».

Больше всего он боялся, что Николай Григорьевич будет ругаться. Толкачев увидел Кольку и подмигнул. Пронесло.

Андрианов с таким остервенением бросился на бру-

ся, что тренеру пришлось вмешаться, а то парень ладони бы стер в кровь.

Тренировались они тогда по несколько часов в день. В воскресенье тоже тренировались. Женька же считал глупым тратить единственный выходной и просчитался — однажды понял, что товарищей уже не догнать.

Коля рос без отца в семье многодетной, трудной, и Толкачев взял его жить к себе. Они и сейчас — уже взрослые люди — соседи. Только теперь Николай Григорьевич заботится обо всем андриановском доме — о Коле, Любе, маленьком Сережке.

Создавая гимнастическую школу, Николай Григорьевич поставил перед собой высокую и гордую цель — сделать тихий город над Клязьмой гимнастическим центром. «Взять лучшие черты европейской и японской гимнастики. Сложить вместе. Что получится? Владимирская гимнастика».

Им повезло — ему и Коле. Николаю Григорьевичу был нужен именно такой ученик — легкий и быстрый в движениях, сообразительный, отчаянно любопытный, дерзкий. Андрианову такой учитель: приметливый, ни на кого не похожий, не признающий нудных воспитательных бесед. Словом, такой, для которого, если он что попросит, расшибись, а сделай трюк ли на снаряде, или двойку исправить.

Они встретились вовремя. Потихоньку закатывалась звезда великого гимнаста Михаила Воронина, а Виктор Клименко, шедший ему на смену, вряд ли, пожалуй, мог решиться в одиночку посягнуть на авторитет японцев. Да и вся наша сборная почти смирилась с вечным вторым местом. Претендовать на первое казалось тогда отвагой, граничащей с нахальством.

Имя Андрианова прозвучало в нашей гимнастике на Спартакиаде школьников 1969 года, он занял там второе место. Любопытно, что среди девушек победительницей была Люба Бурда, его будущая супруга.

Но Люба за год до того получила уже золотую олимпийскую медаль за выигрыш в командном зачете, и Коля был просто мальчишкой по сравнению с ней.

Его взяли в сборную. Старшие смотрели на него свысока, на курносого провинциала: они были москвичи, люди, много повидавшие, а он так себе, школьник. Это его злило и подзадоривало, он на каждой тренировке что-то кому-то доказывал:

— Спорим, я сейчас пять раз подряд сделаю соскок двойное сальто и все пять в доскок! А двадцать кругов на коне?

И он делал, а особенно новое, то, что все время придумывал Толкачев. У него и тренировки не были похожи одна на другую.

В 1971 году на чемпионате Европы Андрианов завоевал две золотые медали. Иные говорили об этом с усмешкой — если бы Клименко не получил травму и смог участвовать в споре за победу в отдельных видах многоборья, не видать бы Николаю высшей награды...

Но, как бы то ни было, через год паренек уже в очном споре победил и Клименко, да и Воронина — стал абсолютным чемпионом страны. Фактически лидером сборной.

И все же далеко было до главных побед. Еще предстоял самый суровый, пожалуй, жизненный урок — первенство мира 1974 года. Но нелепая мальчишеская ошибка в обязательных вольных на элементе, который прост даже в младших разрядах, а Николай по легкомыслию его недоучил в свое время. И потерял почти верный шанс стать чемпионом. Андрианов не был бы Андриановым, если бы смирился. Погоня 22-летнего владимирца за 27-летним опытнейшим японским гимнастом Сигеру Касамацу, который уже был чемпионом и теперь отстаивал свой титул, без сомнения, вошла в историю мировой гимнастики. И то, что Коля проиграл всего-навсего 0,125 балла, объясняется под-

держкой, оказанной Касамацу некоторыми судьями, иначе бы он не устоял.

Может быть, морально тогда Андрианов и не дозрел до высокого титула. Но что может на него претендовать, доказал. И не будь для самого Николая урок чемпионата 1974 года таким поучительным, не стал бы он в 1976 году абсолютным олимпийским чемпионом в Монреале — через 16 лет после победы в Риме Бориса Шахлина.

Я приехала во Владимир звонким летним днем. Вошла в тенистый двор спортивной школы. Николай Григорьевич упрашивал строителей закончить ремонт завтра, а не через неделю. Спросила, где Андрианов. — Коля на рыбалке.

«Так и есть, — я подумала, — правы те, кто поговаривает, что Андрианов не тренируется, что вообще надумал покончить с гимнастикой».

Назавтра в шесть утра Толкачев у себя в кабинете делал обычную утреннюю зарядку — танцевал под магнитофон. Потом сел за стол и принялся делать записи в двух толстых тетрадях — «Тренерской» и «Разное».

Интересно, что в «Тренерской» на первых ее страницах отмечены главные события мальчишеской жизни Николая: «бросил курить»; «получил первую твердую тройку по математике»; «принят в комсомол».

К этой последней записи можно сейчас добавить, что Николай Андрианов — делегат XVII и XVIII съездов комсомола, что он первым из спортсменов избран кандидатом в члены Бюро ЦК ВЛКСМ.

В тетради под названием «Разное» мечты Толкачева. Мечты о светлом городе гимнастики, в который когда-нибудь превратится школа: «Сад, огород, каналы, острова, ладьи плавают...» В то утро Николай Григорьевич размышлял на темы воспитания — размышления, несомненно, были навеяны книгами, гро-

моздившимися на столе: Маркса, Ушинского, Макаренко...

— Собираюсь, — сказал, — должность в школе новую ввести. Тренер по воспитательной работе. И вот еще что собираюсь, и вот что еще...

— Ох и много планов у вас.

— Порядочно. Одной жизни не хватит. Ничего. Если чего и не успею, Коля продолжит. Когда-нибудь же станет он директором нашей школы.

Вошел Коля, готовый к тренировке. Я спросила, почему он сравнительно долго в соревнованиях не выступает. Он ответил, что старую программу показывать стыдно и он готовит сейчас новую — с олимпийским прицелом.

И, подмигнув, ушел в зал.

Т. Колчанова

К ЦЕЛИ СТРЕЛОЙ!

Залитый солнцем стадион. Стройная шеренга девушек в белом. Тихая песнь тетивы... Теперь ей кажется, что так было всегда. Но впервые в жизни она взяла в руки лук в 1970 году. Зебинисо Рустамовой исполнилось тогда пятнадцать, и какими только видами спорта не пыталась она заниматься: плаванием, шахматами, легкой атлетикой. Солнце никогда не уходит из Душанбе, и тренироваться на открытом воздухе можно почти круглый год. А стадионов, бассейнов в городе хватает. Вот и разбегались глаза. Уж очень хотелось все попробовать.

Ее бабушка вспоминает, что раньше таджикские девушки и подумать о таком не могли. Один только вид женщины в спортивной форме вызывал косые взгляды и усмешки. Теперь все это позади. Спортсмены Таджики-

стана входят в сборные команды Советского Союза, успешно выступают на самых крупных международных соревнованиях.

Ну а Рустамовой повезло больше других. Первой из таджикских женщин завоевала она звание чемпионки мира. Одна из героинь поэмы Фирдоуси «Шахнаме», Гурдафарид, несмотря на свой миниатюрный рост, то и дело бесстрашно вступает в схватки с врагом. Одерживать победы Гурдафарид помогают верные друзья: лук и стрелы.

Зебинисо никогда не мечтала о славе этой легендарной лучницы. И со стрельбой из лука познакомилась совсем случайно. Как-то в школьные каникулы поехала в гости к дедушке Абдыкадыру. Живет он в маленьком поселке около Ленинабада. Дедушке за восемьдесят, ноги у него побаливают, и, чтобы отгонять птичек от виноградника, он соорудил себе нечто вроде старинного арбалета. Решила попугать воробьев и Зебинисо. Первый выстрел мог стать и последним. Камешек, которым она стреляла, попал ей прямо в лицо. Но девочка не испугалась. Вернувшись в Душанбе, сразу же записалась в секцию стрельбы из лука.

Было это 19 сентября 1970 года. С тех пор число 19 ее любимое. Ровно черед год — 19 сентября 1971 года — она выполнила норму кандидата в мастера спорта. А 19 сентября 1972 года стала мастером спорта международного класса. В 1975 году в Швейцарии выиграла первенство мира. Правда, произошло это уже не 19 сентября, так что счастливые приметы здесь ни при чем.

Когда тренер Виктор Герасимович Пряхин выстраивал девушек перед началом занятий, Рустамова занимала свое привычное место на левом фланге. Пожалуй, ниже ее в секции не было никого. Тренировалась Зебинисо часа по три-четыре в день. Показывала неплохие

результаты. Но на соревнования Рустамову брать не очень-то хотели. Некоторые даже посмеивались: «Куда ей со 156 сантиметрами и наилегчайшим весом. Ветром унесет». И Зебинисо тоже смеялась. Над теми, кто верит только в баскетбольный рост и мощные бицепсы. Она твердо знала: человек сам делает себя талантливым. Ни один тренер не вылепит из тебя чемпиона, если ты сама к этому не стремишься. Надо лишь очень захотеть. И она захотела.

Некоторые думают, будто у стрелков из лука легкая жизнь. Вот уж нет. Занимаются они не только стрельбой. Рустамова, например, плавает, упражняется со штангой, бегает кроссы, играет в футбол и волейбол. Иногда за одну утреннюю тренировку хрупкой Зебинисо приходится поднимать около двух тонн. Кое-кто этому даже не верит. А доказать свою правоту Рустамовой просто. Во время соревнований по стрельбе из лука женщины ведут стрельбу с четырех дистанций — 70, 60, 50 и 30 метров. С каждой позиции по 36 выстрелов. Всего 144. «Вес» выстрела приблизительно 16 килограммов. Именно это усилие требуется, чтобы натянуть тетиву и удерживать ее в течение нескольких секунд. Теперь умножим 144 на 16. Как ни крути, получается две тонны. А тренируется Рустамова утром и вечером. Значит, за день выходит четыре тонны.

Но чтобы попасть с девяноста метров в крошечное двенадцатисантиметровое «яблочко» мишени, одной физической силы мало. Лук — оружие капризное. Малейшая поломка, и стрелы летят в «молоко». Однажды на соревнованиях у Рустамовой порвался чехол, который предохраняет пальцы от удара тетивы, напалечник. Второпях и в суете она не обратила на это никакого внимания и продолжала стрелять. Но что это была за стрельба? Одно мучение и ни одной «десятки». Тренер команды Виктор Васильевич Сидорук, заметив

это, заклеил напалечник пластырем. И сразу свершилось чудо — стрелы снова стали послушны.

А сколько сложных задач приходится решать стрелкам на тренировках и соревнованиях! Тут учитываются и направление ветра, и его скорость, и сила натяжения тетивы. Однако особенно осторожным становится лучник в момент выпуска стрелы. И если он все сделал правильно, то тетива чуть слышно запоет, и через мгновение раздастся характерный, радующий сердце шлепок — стрела попала точно в мишень.

В 1977 году Зебинисо слышала эти приятные звуки довольно часто: ей удалось установить пять новых мировых рекордов. В чем смысл спорта? Каждый его понимает по-своему. Для рекордсмена он в том, чтобы перебороть себя. Совершить сегодня то, о чем вчера еще только мечтал. Уж кто-кто, а Зебинисо знает, почему так трудно бить рекорды. На пути к ним надо преодолеть сложный психологический барьер. Но стоит поставить перед собой конкретную задачу, убедить себя, что она вполне выполнима, и рекорды начинают лопаться, как мыльные пузырьки на солнышке. И вот считавшийся неприступным рубеж наконец взят. Сколько же раз этот рубеж преодолевала Рустомова...

Но время безжалостно. Наступает час, и спортсмен вынужден сказать болельщикам «прощайте». После Олимпиады-76 в Монреале, где Зебинисо досталась «бронза», думала уйти из спорта и она. И все же Рустомова осталась.

Правда, сейчас выкраивать время для тренировок стало труднее. После окончания Душанбинского университета Рустомова поступила в аспирантуру. Тема ее научной работы носит условное название «Психология спорта». Основная задача диссертации — убереечь будущих спортсменов от ошибок и неприятных случайностей, подстерегающих их буквально на каждом ша-

гу. Рустамова собирается приступить к исследованиям, которые, как она надеется, помогут лучше осмыслить процессы и закономерности в психологической деятельности людей, серьезно занимающихся спортом.

Рустамова очень обрадовалась, узнав, что официальным талисманом Московской олимпиады-80 выбран симпатичный бурый медвежонок. Точно такого лохматого игрушечного зверька много лет подряд возит на соревнования и она.

Н. Долгополов

БАРЬЕР ЧЕСТОЛЮБИЯ

Он вырос на рабочей окраине Тарту. В детстве Ааво дружил только со старшими мальчиками. В пять лет они бросили его в озеро, чтобы научить плавать, в восемь лет он полез с ними на огромный каштан и, упав с большой высоты, сломал обе ноги. В нем сидел чертенок, толкавший то на игру в «стукалочку», то на двадцатиметровые стены старой церкви на горе Тооме, то, наконец, на хоккейную площадку, где он опять-таки ни в чем не хотел уступать своим взрослым приятелям.

Тренер детской хоккейной команды сказал ему: «Ааво, знаешь, почему ты такой маленький? Потому что куришь». Самолюбивый Ааво бросил курить и за лето подрос на семь сантиметров. Теперь его ноги доставали до педалей взрослого велосипеда, на котором по очереди катались во дворе все мальчишки. Вот когда Ааво почувствовал скорость.

Собственно говоря, это и объясняет, как Ааво оказался в тартуской спортшколе у тренера Рейна Кирсипуу. Правда, после этого он не перестал считаться «трудным» подростком. Был почти круглый двоечник, и учителя настаивали, чтобы его исключили из спорт-

школы. Рейн Кирсипуу понимал, что коллеги правы, но он понимал также и то, что велосипед едва ли не единственное средство, с помощью которого мальчишка может уехать от беды: «Знаешь что, Ааво, по всем правилам тебя надо бы отчислить, но ты приходи к нам, будешь помогать мне в мастерской. А в седло сядешь, когда исправишь двойки».

«Трудный» парень вызывал уважение своей неистойвой работой на тренировках. На шоссе его все время приходилось сдерживать. Однажды Кирсипуу отправил Ааво в Таллин за новым велосипедом. Уехал он туда автобусом, а вернулся своим ходом — 180 километров до Тарту легко преодолел. Рейн его строго отчитал за безумные перегрузки, но Ааво после этого еще три часа играл на корте в теннис.

Нет, что ни говорите, а во всем этом было нечто большее, чем обычная бесшабашность. В нем бродил талант: то, что для многих было изнурительной тренировочной работой, для него оставалось игрой, которая никогда не приедалась. Он любил выкидывать невероятные трюки: на повороте умел резко тормознуть, развернуться на заднем или переднем колесе под прямым углом и срезать вираж. Уже в то время велосипед под Ааво был что конь живой. Но время забав кончилось внезапно, как детство.

После Олимпиады в Монреале Рейн Кирсипуу сказал Пиккуусу: «Хорошо, что я долго не давал тебе выигрывать. Наверное, поэтому ты теперь знаешь вкус победы». И в самом деле победы долгое время не давались Пиккуусу, потому что мальчишкой его ставили в команду юниоров, а в юношеском возрасте он выступал за взрослых. Естественно, проигрывал, но постоянно тянулся за более опытными и сильными. Не в этом ли секрет раннего созревания гонщика Ааво Пиккууса?

У него уже был кое-какой опыт в юниорских меж-

дународных соревнованиях, но вот этот самый вкус победы Ааво узнал лишь в первой своей всесоюзной взрослой гонке. Была весна семьдесят третьего года и Симферополь, одетый в молодую зелень. Сильнейшие велосипедисты-шоссейники страны разыгрывали мемориал А. Череповича, и рядом с Лихачевым, Михайловым, Юдиным, Гусятниковым стартовал он, восемнадцатилетний Ааво Пиккуус, еще никому не известный. И вдруг он бросил им вызов. Чуть ли не в начале гонки вырвался вперед. Никто этого чудака всерьез не принял. Но позже ринулись за ним в погоню. Он сумел-таки выиграть несколько промежуточных финишей, и потом, когда его поглотила лавина и не было сил удержаться в ее бешено несущемся потоке, он всю дорогу повторял: «Только бы выдержать». Когда финишировал, голубое крымское небо показалось ему черным. Но теперь он знал подлинный вкус победы, известный лишь тем, кто сильнее собственной слабости. Именно тогда он поверил, что когда-нибудь сможет поехать на гонку Мира. И уже следующей весной семьдесят четвертого года он выиграл почти все крупнейшие старты в стране. Его включили в состав сборной.

Удивительно, но уже тогда он, не нюхавший пороху новичок, неожиданно для всех дерзко возглавил гонку Мира на втором этапе. И потом долго еще, уже откатившись на третье место, выкладывался ради желтой майки лидера. А ведь в той «могучей кучке» ехали такие сильные гонщики, как поляки Шозда и Мытник, немцы Гоншорек и Хартник, наши Лихачев и Горелов. Он и им осмелился бросить вызов. И ведь мог, точно, говорят, мог выиграть, если бы ему побольше опыта и если бы не чрезмерное честолюбие, не та самая злощастная самоуверенность, из-за которой у него не ладилась отношения с командой.

По негласному закону велоспорта команда должна блюсти интересы лидера — попросту говоря, работать

на него, создавать ему возможности для отрыва. Но ведь и лидер, если только он настоящий лидер, обязан прежде всего помнить о команде. А у наших дела складывались не очень удачно — проигрывали полякам, и Пиккуус, уже глотнувший воздух славы, от которого кружится голова, об этом забыл. Он словно задался целью доказать, что и один в поле воин. Но ни гонка, ни команда эгоизма не прощают. На комсомольском собрании в Потсдаме ребята дали Ааво возможность взглянуть на себя со стороны — разговор шел начистоту. Ну а гонка наказала его, когда на одном из этапов, первым влетев на стадион, он врезался в барьер, и победа, такая близкая, ускользнула. Все, все было скверно. Понутив голову, он сидел на траве и плакал...

Да, непросто складывалась его судьба в сборной. И особенно трудным был момент, когда на чемпионате мира в Бельгии он непостижимым образом выбыл из борьбы в групповой гонке. На втором круге «прокололся», и, пока механик менял колесо, соперники ушли вперед. Правда, не настолько, чтобы их нельзя было достать. А ему точно гири к ногам привязали, еле крутил педали. И не выдержал — сошел. Его обвинили в безволии, кое-кто предлагал даже отчислить Пиккууса из команды. Но старший тренер сборной Виктор Арсеньевич Капитонов, повидавший на своем спортивном веку десятки взлетов и крушений, сказал: «Спать легко — воспитывать труднее».

Словом, жизнь преподносила Ааво суровые уроки, и постепенно он начинал понимать, что «человек один не может». Да и мудрено было не понять этого рядом с такими мужчинами, как Александр Гусятников, Валерий Чаплыгин, Владимир Каминский, прошедшими поистине спартанскую школу. Ведь что такое шоссейная велогонка? Предельная собранность, жесткая борьба на ураганных скоростях и риск, чреватый не просто поражением, а иногда и тяжелейшими травмами. Все

это и многое другое, в чем нет места слабости, накладывает свой отпечаток на характеры людей.

Не всякий проходит такую закалку безболезненно, но Пиккуусу, вероятно, была необходима именно эта спартанская школа. Не сразу, не вдруг, а через вереницу ошибок, замкнутое одиночество и святой долг товарищества пришел он к тому дню, когда ему доверили место и в олимпийской сборной страны.

К старту в Монреале они готовились на шоссе между Сочи и Сухуми. Четверо — Каминский, Чаплыгин, Чуканов и Пиккуус — чуть ли не ежедневно, наращивая скорость, оттачивая слаженность, яростно прокручивали свои сто километров. И были еще сто на шоссе возле далекого Монреаля, где они первыми на Олимпиаде добыли золотые медали.

«То, что мы стали чемпионами, я осознал не сразу, а через несколько дней, — вспоминал Ааво. — Вроде бы ты все тот же и все-таки уже не тот. Внимание людей заставляет понимать, что для них ты не просто Ааво Пиккуус, что теперь ты вдвойне отвечаешь за каждый свой поступок».

Откровенно говоря, кое у кого возникли опасения: как Пиккуус перенесет испытание славой? Те самые медные трубы, сладкие звуки которых выбивали из седел парней, прошедших и огонь и воду. А возгордиться, понятно, есть отчего: твое имя мелькает на страницах газет, тебя приглашают на телевидение, тебе пишут со всех концов страны, а на улице просят автограф. А тебе всего-то 21 год — такой беззащитный перед славой возраст.

Рейн Кирсипуу сказал: «Ааво, помни всегда, что ты обыкновенный парень, и если добился чего-то, то благодаря труду. Стать олимпийским чемпионом трудно, но выиграть гонку Мира не легче». Судя по всему, Ааво эти слова запомнил. В тридцатой по счету гонке Мира он доказал, что является не только сильнейшим гонщи-

ком, но и подлинным лидером команды. На всем протяжении гигантской трассы от Варшавы до Берлина и дальше, к Праге, он ни разу никому не уступил желтой майки лидера.

Но ведь это легко сказать — не уступил. Мы не знаем, что сверхтрудным этапом для Пиккууса был последний — от Соколова до Праги. К концу гонки у него на теле, что называется, не оставалось живого места, и медицинская комиссия чуть не сняла его с соревнований...

Он ехал, и каждое движение причиняло ему боль, такую саднящую, непрерывную, что в конце концов он с ней свыкся. Потом он разогрелся и на подступах к первому «летучему» финишу уже искал позиции для атаки, как вдруг еле уловимый звук: цепь, скользя со звезды, застряла между шестерником и спицами. И уже мимо пронеслась группа, а он все крутил вхолостую педали, пытаясь на ходу посадить предательскую цепь на место, и тут почувствовал, кто-то толкает, бережно, но властно толкает его под седло, так что через несколько метров цепь встала. Это был Валера Чаплыгин, с которым они уже снова оказались в «головке» и уже вылетели из нее вперед, набрали скорость, вынесшую Ааво к белой черте первым... Это была победа, это было мужество высшей пробы.

Ну а в 1978 году, опять-таки на велогонке Мира, Ааво Пиккуус раскрылся в совершенно новом качестве. Я уже говорил о его огромном честолюбии, теперь уже ясно, совершенно обоснованном. И, конечно же, он хотел победить и на сей раз. Тем более что накануне старта все видели в нем главного фаворита. Он почти оправдывал эти предсказания и, вполне возможно, оправдал бы их полностью, если бы на седьмом затяжном этапе от Праги до Либереца не уехал от всей кавалькады Александр Аверин. Остальные наши ребята в течение долгого времени умело тормозили гонку,

давая Аверину возможность оторваться от преследователей как можно дальше. И больше всех старался в этом преуспеть не кто иной, как лидер советской команды Пиккуус. После этого этапа Аверин надел желтую майку лидера. Пиккуус первым на комсомольском собрании предложил команде начать работать на Аверина, у которого шансы на победу теперь были предпочтительней. Впрочем, я уверен, что к тому моменту он уже окончательно перешагнул тот барьер честолюбия, за которым начинается самоотверженность: вспомнить хотя бы, с каким благородством после финиша гонки в Варшаве он передал чехословацкой команде белую майку самого стабильного гонщика, доставшуюся ему, но предназначавшуюся, судя по всему, чеху Класе, который действительно показал себя самым стабильным велосипедистом, но на подступах к финишу упал и выбыл из борьбы.

Ааво передал майку чехословацким друзьям. Зрители, журналисты, тренеры аплодировали ему, а он шел между ними с достоинством истинного олимпийца.

Е. Сметанин

ЗНАМЕНОСЕЦ

Громадная чаша монреальского стадиона встретила их бурей аплодисментов, громом музыки, разноцветием заполненных до краев трибун. Все здесь было торжественно, красиво и не могло не волновать. Но главной причиной волнений Николая Балбошина было его место в строю советских спортсменов. Сегодня он шел во главе колонны с алым знаменем в руке. Николай знал, что до него чести нести олимпийское знамя советской команды удавалось шесть спортсменов: Яков Куценко, Алексей Медведев, Юрий Власов, Леонид Жаботинский,

Василий Алексеев и Александр Медведь. Пять тяжелоатлетов и один борец. И все как на подбор богатыри. У этих шестерых столько спортивных титулов, что их, пожалуй, с избытком бы хватило на всю олимпийскую команду любой страны. На четырех последних Олимпиадах получалось так, что советский знаменосец завоевывал в ходе состязаний звание чемпиона. Это стало уже традицией, и нарушить ее было просто невозможно.

Гордость и, главное, сознание высокой ответственности за то, что ему предстоит поддержать высокую репутацию когорты знаменосцев, и волновали Николая. Правда, у него уже были чемпионские звания, завоеванные на всесоюзных, европейских и мировых первенствах. Но разве есть титулы, гарантирующие победу на Олимпийских играх? Нет, за нее еще предстоит побороться. Как это там говорил Александр Медведь? «Всегда уважать соперника. Но не давать ему повода в любых, самых неблагоприятных для тебя ситуациях подумать, что ты слаб». Очень правильно! «Верить в себя и свою победу, идти вперед и только вперед».

И как это там еще? «Не завидовать успеху соперника, не раскисать при первой неудаче». Неудач в этот раз не должно быть. Столько сил потрачено на подготовку!

Николай чувствовал, что готов к схваткам. Он знал своих соперников и боялся только одного — травм. Уж очень часто не везло ему. Еще на первом в жизни серьезном соревновании сломал руку. Мать тогда сказала: «Все. Хватит! Бросай!» Но он уговорил ее, что это, мол, просто недоразумение. По теории вероятностей: один случай на миллион. Однако такие случайности, к сожалению, проявляли по отношению к нему даже какую-то закономерность: преследовали, как правило, на важных соревнованиях. Взять хотя бы последние.

В 1972-м на Олимпиаде в Мюнхене, когда до финала оставалось совсем чуть-чуть, повредил коленный сустав,

А в прошлом году на первенстве Европы новая беда...

— Вы, молодой человек, — сказал ему врач, — осторожнее с собой обращайтесь. У вас мышцы крепче костей. Вы так сами себя переломаете. Да, да, не смейтесь, я вполне серьезно.

Может, он и прав, но только сейчас жалеть ни соперников, ни себя не придется: знаменосец проигрывать не имеет права!

Парад закончился, и наступили будни Олимпиады. У полутяжеловесов в классической борьбе к верхней площадке пьедестала почета вело пять ступенек. Всего пять или целых пять — и так и этак правильно, но последнее ближе к истине. Потому что каждая схватка — это девять минут предельного напряжения воли, сил, внимания. А пять схваток — это...

— Мне сорок пять минут переживать вредно, ты их, пожалуйста, побыстрее укладывай. Ладно? — пошутил его тренер Анатолий Иванович Парфенов, тоже в прошлом известный борец, олимпийский чемпион, многократный победитель различных первенств. Большой, сильный, очень упорный и в то же время мягкий, спокойный, добрейшей души человек.

И Николай укладывал соперников досрочно. Но не все было гладко. После того как на лопатках оказался третий и, пожалуй, главный соперник — жилистый и ловкий болгарин Камен Горанов, Балбошин, несмотря на твердое решение «не расслабляться до конца», где-то в глубине души все же поверил, что самое трудное уже позади.

— Знаете, забыл на время первое правило — «уважать соперника». Очередной соперник — Рейнганс из США. А кругом американские болельщики: орут, свистят! Американец воодушевился, лезет напролом. Прошла минута, другая, и он повел в счете очков. Ну тут я разозлился. Я вообще, когда проигрываю, злюсь не на противника, а на себя и становлюсь спокойнее, стара-

тельное и... хитрее. Схватку, ее не только мышцами, ее головой выигрывают. Со стороны иногда кажется, что ничего не происходит: топчутся двое друг против друга, то за руки подержатся, то по шее или плечам друг друга «погладят». А на самом деле схватка уже идет, ведется разведка, психологическая борьба, проверка силы, внимательности... Вот в этой схватке я лучше думал, чем Рейнганс. Американец просто лез напролом: заторопился победить и... начал проигрывать, сначала по очкам, а потом и чисто.

— Вот тут вы наконец и поверили окончательно в золотую медаль?

— Нет. Как раз после этой схватки я думал о ней меньше, чем накануне. Ведь оставался еще один соперник, а американец напомнил мне, что в борьбе бывает все... Но, если говорить честно, я уже знал, что не отступлю в последней схватке, как бы тяжело ни пришлось. И если уж упаду от усталости, то только на соперника.

— Так что же самое главное для борца: сила, ловкость, смекалка или техника? — спросил я у Балбошина.

— Воля к победе! — ответил он. — Помню, на первенстве общества «Динамо» борец Кармацких поймал меня на прием. Зажал мою голову вместе с рукой и своими запястьями нос и рот мне заткнул, я дышать не могу. Но терплю, жду судейского свистка. А он не свистит. Почти две минуты терпел. Затем у врача посидел, отдышался, и снова начали. Долго боролись. Чувствую, сил нет. «Ничего, — думаю, — он тоже не железный, и ему тяжело: я его вон как намял. А ну-ка поднажму из последних!» И победил, потому что очень хотел и старался.

...Николай уходил с ковра, чуть пошатываясь от радости, внезапно захлестнувшей его. Зал хлопал, свистел, орал, а он шел через этот гул с высоко поднятыми над головой руками и улыбался. Затем он долго пожи-

мал тянувшиеся к нему руки тренеров, товарищей по команде, болельщиков, благодарил за поздравления, расписывался на программах, книжках, открытках, и ему было приятно это делать.

Но, только оставшись один, приняв душ и присев, чтобы переодеться, он наконец полностью осознал случившееся и почувствовал необыкновенную легкость и удовлетворение от того, что все уже позади, все сделано, и сделано как надо! «Я чемпион! Знаменосец — олимпийский чемпион!» — сказал сам себе и засмеялся счастливо и беззаботно. Он радовался не только за себя и команду, но и за тренера, который много сделал для его победы. Анатолий Иванович Парфенов еще двадцать лет назад, в Мельбурне, стал олимпийским чемпионом. И очень хотел, чтобы ученик повторил его успех. Теперь эта мечта сбылась. Чемпионская эстафета продолжается.

В. Гиткович

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие. А. Валиахметов	5
---------------------------------------	---

1952. Хельсинки

Чувство долга. В. Пашинин	10
Доброта. Е. Семенова	16
«Феноменальный» Богданов. В. Пашинин	19
О славе рода. В. Пашинин	23

1956. Кортина-д'Ампеццо. Мельбурн

Мужество. В. Дайреджиев	30
Единственная. Г. Еленский	33
Когда до цели один шаг... Г. Решетников	38
Стайер века Н. Озеров	43
Эстафета славы. Л. Горянов	46
Хоть и остался без медали. В. Бабкин	53
Тяжелые перчатки. Г. Дымшакова	57

1960. Скво-Вэлли. Рим

Встреча в Политехническом музее. Л. Голубева	64
Он завоевал Рим. Н. Озеров	66
Скрипучее колесо удачи. А. Юсин	69
Двойная победа. М. Антонюк	77
Три часа на мачте. В. Бабкин	80
Цена сантиметрам. М. Тартаковский	85

1964. Инсбрук. Токио

Второе дыхание. Б. Пинский	94
Железная игра. Г. Еленский	99
Блестательный неудачник. М. Тартаковский	103
Мушкетеры XX века. И. Образцов	108
Мудрость тренера. Т. Пресс	112
«Феникс». Г. Еленский	116
«Опять обманул». В. Бабкин	121
Портрет. Т. Колчанова	125

1968. Гренобль. Мехико

Так вот ты какая, Олимпиада! А. Юсин	134
Жил в Мухарче парнишка... Д. Иванов	140
Победы могло и не быть. В. Бабкин	144
Двадцатый километр. Л. Жмырев	148

1972. Саппоро. Мюнхен

Лыжня от околицы. Н. Киврина	156
В стране Суоми. М. Антонюк	159
Петля Корбут. Н. Колесникова	164
Как это было в полночь... Ю. Ваньят	169

1976. Инсбрук. Монреаль

Танго «Романтики». А. Юсин	178
Прогноз все равно оправдался. В. Бабкин	182
Вратарь. Рассказ В. Третьяка записал В. Снегирев	186
Грация и сталь. Ю. Ваньят	188
Десять мгновений без страха и сомнений. Н. Долгополов	192
Молот и бойцы. И. Образцов	195
Полет к победе. Н. Долгополов	199
Владимирские фантазеры. Т. Колчанова	203
К цели стрелой! Н. Долгополов	207
Барьер честолюбия. Е. Сметанин	211
Знаменосец. В. Гиткович	217

Высота: Из жизни олимпийских чемпионов / Сост. А. С. Комиссарова; Предисл. А. К. Валиахметова. — М.: Мол. гвардия, 1980. — 223 с., ил. — (Компас).

35 коп. 100 000 экз.

В сборник вошли короткие истории из жизни советских спортсменов, участников Олимпийских игр разных лет. Перед читателем раскрывается своеобразный облик советского спортсмена-олимпийца: его воля к победе во имя Родины, самоотверженность, чувства долга и товарищества.

**ББК 75.3
7А.02С**

В 70803—067 222—80. 4803010102
078(02)—80

ИБ № 2439

ВЫСОТА

Редактор **М. Демина**

Художник **К. Рожнов**

Художественный редактор **В. Кухарун**

Технический редактор **В. Пилкова**

Корректор **Г. Трибунская**

Сдано в набор 27.09.79. Подписано в печать 25.02.80. А01470. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 9,8. Учетно-изд. л. 9,7. Тираж 100 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1717.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

35 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

